

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В.А. Томсинов

«СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

1688–1689 ГОДОВ В АНГЛИИ

И БИЛЛЬ О ПРАВАХ

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Ю р и д и ч е с к и й ф а к у л ь т е т
Кафедра истории государства и права

В. А. ТОМСИНОВ

**«СЛАВНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ»
1688–1689 ГОДОВ
В АНГЛИИ
И БИЛЛЬ О ПРАВАХ**

Учебное пособие

Москва
Зерцало-М
2015

ББК 67.3
Т56

Томсинов, В. А.

Т56 «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах: Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2015. — 256 с.

ISBN 978-5-94373-281-2

Книга посвящена «славной революции» 1688–1689 гг., ключевому событию английской истории, имевшему мировое значение, и главному ее результату — Биллю о правах, который до сих пор считается частью конституции Великобритании. Опираясь на богатейший документальный материал, автор раскрывает сущность и ход этого события, которое началось как военная операция по захвату Англии правящими группировками Нидерландов, но затем вылилось в конституционную революцию в этой стране.

В книге подробно описано на основе «Журналов» Палаты лордов и Палаты общин, записок, дневников и мемуаров английских государственных деятелей, как разрабатывались главные идеологические и юридические документы «славной революции» — Декларация о правах и Билль о правах, дан критический анализ их содержания, показано их значение для конституционного развития Англии.

В конце книги приводится на английском и в переводе автора на русский язык полный текст «Акта, декларирующего права и свободы подданного и устанавливающего наследование короны», более известного под коротким названием «Билля о правах 1689 года».

Книга предназначена для преподавателей и студентов юридических и исторических вузов, для всех интересующихся тайнами мировой политической истории.

ISBN 978-5-94373-281-2

© Томсинов В. А., 2010

© Издательство «Зерцало», 2010

Оглавление

Предисловие	1
Глава 1. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии: историографические проблемы	8
§ 1. Понятие «славной революции» в политической идеологии Англии XVII и XVIII веков	8
§ 2. Трактовки «славной революции» в английской историографии второй половины XVIII – первой половины XX века (Э. Бёрк, Дж. Расселл, Т. Б. Маколей, Г. М. Тревельян)	15
§ 3. Современная иностранная историография «славной революции»	20
§ 4. Тема «славной революции» и Билля о правах в современной российской историко-правовой науке	26
Глава 2. Подготовка штатхаудером Нидерландов Вильгельмом, принцем Оранжским вооруженного вторжения в Англию	31
§ 1. «Одна из самых странных катастроф, случавшихся в какой-либо истории»	31
§ 2. Декларация принца Оранжского о мотивах его вторжения в Англию	35
§ 3. Финансовые тайны «славной революции»	47

Глава 3. Вторжение армии принца Оранжского в Англию. Поход нидерландских войск на Лондон.	51
§ 1. Начало военной экспедиции принца Оранжского в Англию	51
§ 2. Отъезд Джеймса II из Лондона в Солсбери. Неудача попытки короля остановить вторжение нидерландских войск	57
§ 3. Возвращение короля Джеймса II в Лондон	64
§ 4. «Подложная» декларация принца Оранжского	67
§ 5. Переговоры короля Джеймса II с принцем Оранжским	70
§ 6. Бегство короля Джеймса II из Лондона.	73
§ 7. Принц Оранжский в предместье Лондона	78
§ 8. Возвращение короля Джеймса II в Лондон	80
§ 9. Удаление короля Джеймса II из Лондона	85
§ 10. Вступление принца Оранжского в Лондон.	88
Глава 4. Принц Оранжский в Лондоне: декабрь—январь 1688/1689 года. Подготовка созыва Конвента.	90
Глава 5. Революция в Конvente.	98
§ 1. Начало работы Конвента	98
§ 2. Дебаты о судьбе королевского трона в Палате общин	110
§ 3. Дебаты о судьбе королевского трона в Палате лордов	133
§ 4. Спор между Палатой лордов и Палатой общин о судьбе королевского трона	138
§ 5. Конференция представителей обеих палат 6/16 февраля 1688/1689 года	141

Глава 6. «Декларация лордов духовных и светских и общин, собравшихся в Уэстминстере» (Декларация о правах от 12/22 февраля 1688/1689 года)	152
§ 1. Создание Комитета для разработки проекта принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод английских подданных	152
§ 2. Первый проект принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод английских подданных (2/12 февраля 1688/1689 г.)	156
§ 3. Второй проект принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод английских подданных (7/17 февраля 1688/1689 г.)	162
§ 4. Третий проект принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод английских подданных (8/18 февраля 1688/1689 г.)	168
§ 5. Вмешательство Вильгельма, принца Оранжского в дебаты о судьбе английского королевского трона	171
§ 6. Принятие Декларации о правах. Провозглашение принца и принцессы Оранжских королем и королевой Англии	178
Глава 7. Билль о правах 1689 года и его конституционное значение	186
§ 1. История создания и принятия Билля о правах	186
§ 2. Конституционное значение Билля о правах.	217

Приложение:

An Act declaring the Rights and Liberties of the Subject, and the Settling the Succession of the Crown (Bill of Rights)	236
Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны (Билль о правах).	236

Предисловие

Революция 1688–1689 годов в Англии, получившая наименование «славной», является событием, которое по своему значению для дальнейшей судьбы этой страны, по воздействию на политическое и экономическое развитие Западной Европы, по влиянию на ход мировой истории превосходит английскую революцию 1640–1660 годов. При этом «славная революция» так же, как последняя, вызвала самый настоящий интеллектуальный взрыв в английском обществе, породила острейшие дискуссии среди политиков и правоведов о сущности действовавшей в Англии конституции, о природе английской монархии, о месте парламента в государственном строе, о правах и свободах подданных и о гарантиях их соблюдения государственной властью.

Развитие политической и правовой мысли не только в английском обществе, но и во всей Западной Европе, и в североамериканских колониях Англии на протяжении последнего десятилетия XVII века и всего XVIII столетия шло под большим влиянием опыта «славной революции». Билль о правах 1689 года, ставший главным ее результатом в конституционно-правовой сфере и с тех пор являющийся неотъемлемой частью британской конституции, оказал огромное влияние на идеологов североамериканской революции 70-х – 80-х годов XVIII века. Американская Декларация независимости 1776 года, Конституция США 1787 года и первые десять поправок к ней — так называемый Билль о правах 1791 года повторили в своем содержании воплощенные в английском Билле о правах приемы политического и правового мышления, а также некоторые выраженные в нем политико-правовые идеи и принципы.

Английская революция 1640–1660 годов¹ представляла собой не только столкновение политических группировок внутри английского общества, но в определенной мере также конфликт межгосудар-

¹ См. об этой революции книгу: *Томсинов В. А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. М.: Зерцало-М, 2010.

ственного характера — между Англией и Шотландией, между Англией и Ирландией. Но этот конфликт был ограничен пределами Британии, да и межгосударственным он был лишь отчасти: указанные государства имели одного и того же короля, и не случайно поэтому были в ходе революции объединены в одно государственное сообщество — *commonwealth*. Кроме того, вовлечение Ирландии и Шотландии в события английской революции 1640–1660 годов произошло во многом благодаря сознательным усилиям английских политических группировок, которые в борьбе между собой не гнушались использовать любые средства, способные, по их мнению, привести к достижению победы над противником.

Революция 1688–1689 годов также была столкновением английских политических группировок между собой, иначе это событие не называлось бы «революцией». Однако в отличие от предшествовавшей ей революции 1640–1660 годов, эти группировки не были в ней главными движущими силами. Началом «славной революции» стал не созыв парламента, как это было в 1640 году, а вторжение в Англию нидерландских войск под командованием штадхаудера¹ Нидерландов Вильгельма III, принца Оранжского².

¹ На нидерландском языке — *Stadhouder*, что дословно переводится как держатель или руководитель государства. Данным термином обозначался глава исполнительной власти в провинциях Нидерландов (нидерландской Республике Соединенных Провинций): Голландии, Зеландии, Утрехта, Гелдерланда, Оверэйссела, Фрисландии и Гронингена. Штадхаудер избирался на эту должность представительными собраниями провинций — штатами и ими же наделялся властными полномочиями. Их объем был различным в разных провинциях Нидерландов. Как правило, штадхаудер являлся главой провинциального исполнительного аппарата и мог назначать глав администраций в городах из представленного ему штатами списка кандидатов, занимал пост председателя провинциального суда правосудия с правом помилования осужденных. Штадхаудеру позволялось посещать заседания штатов, но без права голоса, в государственных советах провинций он имел только совещательный голос. Влиятельным лицом в управлении провинцией штадхаудер становился тогда, когда совмещал с этой должностью пост капитана-генерала — главнокомандующего вооруженными силами провинции. См. главу «William as Stadholder: Prince or Minister?» в книге: *Redefining William III. The Impact of the Prince-Stadholder in International Context* / Edited by Esther Mujers and David Onnekink. Aldershot, 2007. P. 17–37. А также: *Levillain Ch.-E. William III's Military and Political Career in Neo-Roman Context, 1672–1702 // The Historical Journal. Cambridge University Press, 2005. Vol. 48. № 2. P. 321–350.*

² Вильгельм III, принц Оранжский занимал пост штадхаудера в пяти из семи провинций Нидерландов: Голландии, Зеландии, Утрехте, Гельдерланде и Оверэйс-

Конечно, в определенной степени указанное вторжение было способом, примененным политическими группировками внутри Англии для достижения своих целей, среди которых первой являлось свержение с престола законного английского короля Джеймса II¹. Но это назначение военной экспедиции принца Оранжского в Британию было побочным и промежуточным. Данная экспедиция затевалась совсем не для того, чтобы помочь англичанам в борьбе против их короля.

Это было очень рискованное и дорогостоящее предприятие, но его главная цель оправдывала все затраты. Она заключалась в захвате штатхаудером Нидерландов королевского трона в Англии и получении им в свое распоряжение людских и материальных ресурсов этой страны. Но для того, чтобы принц Оранжский мог занять английский королевский трон, его необходимо было освободить от Джеймса II. Таким образом, цели противников законного английского короля внутри Англии и штатхаудера Нидерландов совпадали в определенной мере. Но можно ли сказать, что Вильгельм был орудием в их руках?

Часто говорят: знание прошлого помогает понять, что нас ждет в будущем. Наверное, какая-то истина в этом высказывании есть, но мне все же кажется, что чаще все бывает как раз наоборот — не прошлое помогает понять будущее, а будущее таит в себе ключ к тайнам прошлого. Разгадка смысла «славной революции» находится в событиях, которые за ней последовали. Так, не прошло и трех месяцев после восшествия штатхаудера Нидерландов на английский королевский трон под именем Уильяма III, как Англия оказалась втянутой в чрезвычайно разорительную для своих финансов и экономики восьмилетнюю войну с крупнейшей и могущественнейшей державой Западной Европы — Французским королевством. Чьи интересы защищали англичане в этой войне? Очевидно, что не свои.

селе, одновременно являясь главнокомандующим их вооруженными силами. Власть государственного руководителя в этих провинциях давала, в сущности, власть над Нидерландами в целом. Поэтому фактически Вильгельм был штатхаудером Нидерландов, хотя юридически такого поста не существовало.

¹ В русской исторической литературе Джеймс II зовется, как правило, именем Яков II, образованным от латинского *Jacobus*. Я использую английский вариант его имени — *James II*, поскольку он применяется в подавляющей массе документов, на основе которых написана эта книга.

Уже одно это показывает, что «славная революция» 1688–1689 года была событием не только английской, но и европейской истории. Военный поход принца Оранжского в Англию и захват им королевского трона в этой стране был призван решить проблемы той западноевропейской финансовой и политической группировки, интересы которой представлял, защищал и проводил в жизнь штатхаудер Нидерландов Вильгельм III, принц Оранжский. Непосредственной его задачей было спасение Нидерландов, терпевших поражение в войне с Францией, а более отдаленной — создание новой, защищенной от вторжений извне базы для этой группировки. Эти задачи принцу Оранжскому удалось успешно выполнить.

С победой «славной революции» произошло заметное изменение в характере развития Англии. Политическая группировка, захватившая в этой стране государственную власть, сделала Английское государство инструментом служения своим эгоистическим интересам. А эти интересы распространялись далеко за пределы Британии. Уже в 90-е годы XVII века начался процесс превращения Английского королевства в космополитическое государство-корпорацию, ориентированное на финансовую, торговую, промышленную, идеологическую и политическую экспансию по всему миру. Данный процесс завершится во второй половине XVIII столетия. На Британских островах возникнет мощная держава под названием Великобритания, которая окажется способной к эффективному ведению такой экспансии и к извлечению из нее максимально возможных для себя выгод.

Создание этого космополитического государства-корпорации, его устройство и развитие в течение XIX и XX веков, организация Британской империи на территориях нескольких континентов — тема отдельного произведения¹. Настоящая же книга посвящена не-

¹ Один из аспектов данной темы — создание правопорядка в африканских колониях, обеспечивавшего более эффективную эксплуатацию их ресурсов, описанной в кандидатской диссертации «Источники британского “колониального права” в Тропической Африке (начало XIX — середина XX века), защищенной в 1981 г. См. статьи на эту тему: *Томсинов В. А.* Английское право как инструмент колониальной политики в Африке (конец XIX — начало XX в.) // Правоведение. 1980. № 6. С. 72–76; *Томсинов В. А.* Британское колониальное право в Тропической Африке: возникновение, развитие, крах // Правоведение. 1984. № 6. С. 64–70.

посредственно «славной революции». В ходе данного события легко выделяются три периода.

Первый период охватывает время с 5/15 ноября 1688 года¹ до 18/28 декабря 1688 года. Это период военной операции по захвату Лондона, которая окончательно завершилась вступлением штадхаудера Нидерландов Вильгельма в английскую столицу.

Второй период падает на время с 18/28 декабря 1688 года до 22 января / 1 февраля 1688/1689 года. Это период подготовки созыва Конвента.

Третий период приходится на время с 22 января / 1 февраля 1688/1689 года до 13/23 февраля 1688/1689 года. По моему мнению, его можно назвать периодом «революции в Конvente». Это дни, когда в рамках Конвента вырабатывались идеологические основания, с одной стороны, для объявления Джеймса II отрекшимся от королевской власти, а королевского трона — свободным, и с другой стороны, для провозглашения королем и королевой Англии принца и принцессы Оранжских. Указанные идеологические основания были выражены в резолюции Конвента о судьбе королевского трона, в его Декларации, принятой 12/22 февраля 1688/1689 года, и в изданной в тот же день прокламации.

Последний период «славной революции» интересен тем, что в течение его была предпринята попытка провести через Конвент программу конституционной реформы, которая существенно ограничивала абсолютную прерогативу английского короля и усиливала власть парламента. Об этой попытке подробно рассказывается в шестой главе настоящей книги. Здесь же приводятся в переводе на русский язык и тексты проектов конституционной реформы.

Торжественная церемония провозглашения принца и принцессы Оранжских королем и королевой Англии завершила этот пери-

¹ До 1 января 1752 г. в Англии применялся при летоисчислении Юлианский календарь, по которому новый год начинался с 25 марта. В Нидерландах же летоисчисление вели по Григорианскому календарю. Отсюда в исторической литературе при описании «славной революции» происходит путаница, когда даты одних и тех же событий обозначаются то по Юлианскому календарю, то по Григорианскому — разными числами и даже годами. А бывает и так, что при обозначении дат английской истории год называется по Григорианскому календарю, а день и месяц — по Юлианскому. Чтобы избежать такой путаницы, я указываю в настоящей книге даты одновременно: по Юлианскому календарю — слева и по Григорианскому — справа, разделяя их косой чертой.

од, а вместе с ним и «славную революцию». Однако идеологическим основаниям восшествия на английский королевский трон штатхандера Нидерландов необходимо было придать юридический характер. Эту задачу призван был решить Билль о правах, принятый 16/26 декабря 1689 года. В седьмой главе настоящей книги описывается процесс разработки и принятия этого конституционного документа. Причем в таких подробностях, которые, насколько мне известно, излагаются здесь впервые не только в российской, но и вообще в мировой исторической литературе.

Главной моей задачей при работе над книгой о «славной революции» было не только осмысление ее сущности, но и реконструкция действительного хода этого грандиозного по своим историческим последствиям события. Мне показалось, что конкретные факты и документы не подтверждают многих общепринятых схем, используемых в исторической литературе при его описании. Одна из самых распространенных среди таких схем предполагает деление участников «славной революции» на две группировки — тори и вигов. Содержание выступлений английских парламентариев по различным вопросам английского государственного строя, выразивших отношение их к монархии, парламенту, правам и свободам подданных, их представления о лучшей для страны форме правления, о наиболее оптимальном объеме полномочий у короля и у парламента, о наиболее эффективном способе управления Англией и т. д., показывает такое расхождение во взглядах этих политиков, которое совершенно не укладывается в их деление на две указанные группировки. Мне показалось, что если политические деятели, вовлеченные в события «славной революции», и делились на какие-то группы, то этих групп было намного больше двух.

Как бы то ни было, я отказался от сложившейся в исторической литературе традиции описывать политическую борьбу в Англии во время «славной революции» в категориях «вигов» и «тори». Скорее всего, эти группировки в 80-е годы XVII века еще не сложились в более или менее сплоченные когорты политических воинов.

Я постарался отбросить при изучении темы «славной революции» все вообще схемы, шаблоны, штампы и опирался при осмыслении этого события исключительно на конкретные факты и документы. Настоящая книга написана на основе обширной массы документальных материалов, которую составили:

— тексты деклараций, прокламаций, статутов;

Предисловие

- протоколы заседаний Конвента и парламента в том виде, как они зафиксированы в журналах Палаты лордов и Палаты общин;
- записи выступлений парламентариев, сделанных в частном порядке;
- дневники, мемуары и письма людей, вовлеченных в события «славной революции» и наблюдавших их изнутри;
- дипломатическая и частная переписка посланников различных стран, касающаяся событий, происходивших в Англии, Франции, Нидерландах и других европейских странах во второй половине 80-х годов XVII века;
- трактаты, памфлеты, статьи английских интеллектуалов, посвященные событиям, связанным в той или иной мере со «славной революцией», а также английской конституции, состоянию английского общества, политике короля Джеймса II и т. д.

Чтение этой огромной массы документов, многие из которых были напечатаны во время «славной революции» или в первые годы после нее и с тех пор никогда и нигде не публиковались, позволяет многое понять в том, что в действительности произошло в Англии в роковые для этой страны 1688—1689 годы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Славная революция» 1688–1689 годов в Англии: историографические проблемы

§ 1. Понятие «славной революции» в политической идеологии Англии XVII–XVIII веков

«Славной революцией (glorious revolution)» в исторической литературе принято именовать совершенный в Англии в конце 1688 – начале 1689 года государственный переворот, в результате которого был свергнут с королевского трона Джеймс II и носителями королевской власти стали штатхаудер Нидерландов Вильгельм, принц Оранжский и его супруга Мэри. При этом обыкновенно подчеркивается, что такое определение данного переворота получил потому, что, в отличие от других событий подобного рода, не сопровождался жестокостями и оказался, по существу, бескровным¹.

Первыми величать государственный переворот 1688–1689 годов «славной революцией» стали его участники. Так, Роберт Спенсер, граф Сандерленд² использовал применительно к нему термин

¹ Именно это свойство так называемой «славной революции» отметила королева Елизавета II в своей речи по случаю 300-летия данного события, произнесенной в парламенте Великобритании в 1988 г.

² Роберт Спенсер, граф Сандерленд (*Robert Spencer, earl of Sunderland*, 1640–1702) является предком выдающегося английского государственного деятеля XX века Уинстона Спенсера-Черчилля и принцессы Дианы. В 1679 г. он был назначен королем Карлом II на должность государственного секретаря. В 1681 г. выступил в поддержку билля об отстранении Якова, герцога Йоркского от наследования короны и был отправлен в отставку. Яков, став в 1685 г. королем, тем не менее взял его на службу и назначил государственным секретарем. На службе граф Сандерленд не упускал возможности показать свою преданность королю Якову II — в угоду его королевскому величеству даже обратился в католичество. Но летом 1688 г. он выступил против религиозной политики короля и был уволен с государственной службы. Покинув после этого Англию, граф Сандерленд обосновался в Нидерландах. Отказавшись от католичества, он примкнул к Уильяму, принцу

«glorious revolution» в письме к новому английскому королю Уильяму III, написанном 8/18 марта 1688/1689 года. «Славной революцией» называл данное событие и Джон Гэмпден¹.

В начале XVIII века данный термин стал общеупотребительным. В одной из своих проповедей, произнесенных в 1706 году, идеолог и соратник принца Оранжского Гильберт Бёнет, епископ Солсберийский (*Gilbert Burnet*, 1643–1715) говорил о «второй Славной или Счастливой Революции», когда папист Джеймс II был изгнан².

С точки зрения современного понимания революционного действия как насильственного слома государственного строя, быстрого и глубокого качественного изменения существующей политической системы, применение термина «революция» к государственному перевороту, совершенному в Англии в конце 1688 – начале 1689 года, кажется в высшей степени условным. Не вполне удачным представляется и сочетание этого термина с определением «славная»: революционные события, происходившие в различных странах в последние десятилетия XVIII века и на протяжении XIX–XX столетий, убедительно продемонстрировали, что революция не может быть бескровной и «славной». Однако в XVII и даже в первой половине XVIII века под революцией понималось совсем не то, что понимается в настоящее время.

Слово «революция» впервые появилось в латинском языке IV–V веков, образовавшись из глагола *revolvere*, означавшего «превращаться», «возвращаться», «откатываться», «отходить назад». В Средние века термин *revolutio* стал использоваться европейскими астрономами для обозначения циклического вращения планет и звезд. Именно в таком смысле употреблялся данный термин в знаменитой работе Николая Коперника *«De revolutionibus orbium coelestium»* (О вращениях небесных сфер), изданной в Нюрнберге в 1543 году. С XV века его начали применять для обозначения круговорота и по-

Оранжскому, объявив ему, что всегда его поддерживал. Граф Сандерленд стал одним из самых влиятельных советников штатхаудера Нидерландов, будущего английского короля Уильяма III.

¹ Джон Гэмпден (*John Hampden*, 1653–1696) был членом Конвента, который идеологически оформил восшествие Уильяма, принца Оранжского на королевский престол в Англии.

² *Burnet G. A Sermon Preached at the Cathedral Church of Salisbury. London, 1706. P. 6.*

литических форм. Так, во Флоренции термином «*rivoluzioni*» называли мятежи 1494, 1512 и 1527 годов, потому что они, сокрушив существовавшие политические порядки, восстановили те, которые были до них. Во Франции словом «*tévolution*» было названо возвращение короля Генриха IV в католичество 25 июля 1593 года.

В «Словаре французского и английского языка», составленном Рандлом Котгрэйвом и изданном в Лондоне в 1611 году¹, слово «*revolution*» толковалось как «*a full compassing, rounding, turning backe to it first place, or point; the accomplishment of a circular course* (полный кругооборот, движение по кругу, поворот назад к его первому месту или точке; выполнение кругового движения)». В «Толкователе трудных английских слов», вышедшем восьмым изданием в Лондоне в 1647 году², термин «*revolution*» трактовался как «*a winding, or turning about, especially in the course of time* (поворот, или вращение по кругу, особенно в течение времени)». В пьесе Уильяма Шекспира «Гамлет» слово «*revolution*» было использовано в значении «превращения»: в первой сцене пятого акта принц Гамлет говорит, рассматривая череп: «*here's fine revolution, an we had the trick to see't* (вот замечательное превращение, если бы только мы обладали способностью видеть его)».

С позиции такого понимания термина «революция» настоящим революционным действием представлялась не ликвидация королевской власти в Англии в начале 1649 года, а ее восстановление в 1660 году. Томас Гоббс в произведении «Бегемот», посвященном Долгому парламенту, называл революцией «круговое движение суверенной власти через двух узурпаторов, отца и сына³, от последнего короля к его сыну». При этом философ пояснял, что данная власть «переходила от короля Карла I к Долгому парламенту; от него к Охвостью (*Rump*)⁴; от Охвостья к Оливеру Кромвелю; и потом в обратном направлении — от Ричарда Кромвеля к Охвостью; от него к Долго-

¹ A Dictionarie of the French and English tongues. Compiled by Randle Cotgrave. London, 1611.

² The English Dictionarie; or, An Interpreter of Hard English words. The eighth edition, revised and enlarged. By H. C. Gent. London, 1647.

³ Философ имел в виду здесь Оливера Кромвеля и его сына Ричарда, занявшего после смерти своего отца должность лорда-протектора.

⁴ Остатку Долгого парламента после исключения из его состава в декабре 1648 г. членов, неугодных руководству армии.

му парламенту; и оттуда к королю Карлу II, где она может оставаться долго»¹.

Эдуард Гайд, граф Кларендон (*Edward Hyde, 1st earl of Clarendon*, 1609–1674) представлял в своих мемуарах происходившие в Англии с 1640 до 1660 года катастрофические события, как «мятеж и гражданские войны», а словом «revolution» обозначал реставрацию монархии Стюартов. При описании триумфального возвращения Карла II из Парижа через Гаагу в Лондон, он отмечал, что глядя на то, как принимали его величество, можно было подумать, будто «революция эта была вызвана объединением и активностью всего Христианского мира»².

«Революцией» именовал восстановление в Англии в 1660 году королевской власти и Джон Прайс. Брошюра с его воспоминаниями об этом событии была издана в Лондоне в 1680 году. «Секрет и способ счастливой реставрации Его Величества, открытые общественному взгляду» — таким было ее название, после которого указывалось имя автора — Джона Прайса и сообщалось, что он является «одним из последних капелланов герцога Альбемарльского, посвященным во все секретные страницы и детали этой *Славной Революции*»³ (курсив мой. — В. Т.).

Реставрация монархии Стюартов в Англии в 1660 году совершилась при поддержке большинства населения страны и без пролития крови. Такая революция вполне заслуживала определения «славная» и, как видим, получила его. Участники государственного переворота 1688 года, назвав свое деяние «славной революцией», образно го-

¹ *Hobbes Th.* Behemoth, or the Long Parliament / Edited for the first time from the original MS by F. Tönnies. London, 1889. P. 204.

² *Clarendon E.* The History of the Rebellion and Civil wars in England to which is added an historical view of the affairs of Ireland. A new edition, exhibiting a faithful collation of the original MS, with all the suppressed passages. Vol. 7. Oxford, 1826. P. 497.

³ The Mystery and Method of his Majesty's Happy Restauration, laid open to Public View. By *John Price* D. D. one of the late Duke of Albemarle's chaplains, and privy to all the secret passages and particularities of that Glorious Revolution. London, 1680. Джон Прайс (*John Price*, ок. 1625–1691) был в течение ряда лет духовником главного организатора восстановления в Англии монархии Стюартов генерала Георга Манка (герцога Альбемарльского) и принимал в активное участие в этом деле. Его воспоминания о «счастливой реставрации» королевской власти в Англии являются уникальным историческим источником. После 1680 г. они неоднократно переиздавались, были переведены на французский язык.

воря, облачили его в чужую одежду. И сделали они это преднамеренно.

Принц Оранжевый и его сторонники официально представили в качестве главной цели своего мятежа против законного короля Джеймса II «сохранение протестантской религии и восстановление законов и свобод Англии, Шотландии и Ирландии»¹. В Декларации о правах, принятой лордами и общинами 12/22 февраля 1688/1689 года, и в составленном на ее основе Билле о правах, который был утвержден новым английским королем 16/26 декабря 1689 года², излагались конституционные нормы, регулирующие взаимоотношения королевской власти и парламента при осуществлении законодательных и финансовых полномочий, относительно создания и содержания постоянной армии, выборов членов парламента, парламентских процедур, закреплялись некоторые юридические гарантии для подданных при подаче петиций королю, в сфере правосудия и при защите себя с помощью оружия. Лорды духовные и светские, а также общины провозглашали все это, как особо отмечалось в указанных документах, «для защиты и утверждения своих старинных прав и свобод»³.

Термин «славная революция» не использовался в официальных документах, но в указанной Декларации и затем в Билле о правах о принце Оранжевом говорилось, что «он милостью Всемогущего Бога был сделан *славным* инструментом освобождения этого королевства от папства и произвольной власти»⁴ (курсив мой. — *В. Т.*).

Впоследствии определение революции 1688–1689 годов как «славной» и трактовка ее в качестве реставрации старинного консти-

¹ The Journals of the House of Commons. London, 1802. Vol. 10. P. 1.

² Указанные даты являются датами по Юлианскому календарю, действовавшему тогда в Англии. Они соответствуют 22-му февраля и 26-му декабря 1689 года по Григорианскому календарю, который был в то время принят в Италии, Португалии, Испании, Франции, Нидерландах, Брабанте, Фландрии, Баварии, Австрии, Венгрии и в ряде др. европейских стран.

³ «For the vindication and asserting their ancient Rights and Liberties» (The Declaration of the Lords Spiritual and Temporal and Commons, assembled at Westminster // The Journals of the House of Commons. London, 1802. Vol. 10. P. 28; The Journals of the House of Lords. London, 1802. Vol. 14. P. 125).

⁴ «It hath pleased Almighty God to make the glorious Instrument of delivering this Kingdom from Popery and arbitrary Power» (The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 28).

туционного порядка сделались догмами официальной политической идеологии в Англии. Попытки каким-либо образом их опровергнуть или даже просто подвергнуть сомнению стали относиться к категории тяжких преступлений и преследоваться в судебном порядке. Так, в феврале–марте 1709/1710 года Палата лордов рассматривала в порядке процедуры импичмента дело доктора теологии Генри Сэчеверела (*Henry Sacheverell*), который был обвинен Палатой общин в том, что выражал в своих проповедях, говоренных 15 августа 1709 года в Дерби и 5 ноября того же года в Лондоне и затем опубликованных, «злое, умышленное и бунтарское намерение подорвать и ниспровергнуть правительство Ее Величества и протестантское наследование, установленное законом; опорочить администрацию Ее Величества; очернить память последнего короля; оклеветать и осудить последнюю счастливую революцию (*happy revolution*); отрицать и осудить резолюции обеих палат парламента; создать состояние подозрительности и раскола среди подданных Ее Величества; и побудить их к бунту и мятежу»¹. При этом самым серьезным среди преступных деяний, совершение которых было вменено в вину Генри Сэчеверелу, Палата общин сочла якобы допущенное им в проповеди, произнесенной в лондонской церкви Святого Павла, высказывание о том, что «средства, использованные для осуществления указанной счастливой революции, были гнусными и не имеющими оправдания»². С обвинения проповедника в этом деянии начиналась первая из четырех статей обвинительного акта, представленного нижней палатой парламента в Палату лордов.

Член Палаты общин Джозеф Джекил (*Joseph Jekyll*), выступая на суде в качестве обвинителя, обратил внимание лордов-судей на слова из печатного текста проповеди Генри Сэчеверела о том, что «для безопасности, спокойствия и поддержки всех правительств» можно было бы установить правило, согласно которому «не следует допускать какого-либо нововведения в фундаментальной конституции любого государства без самой настоятельной, более того — неизбеж-

¹ A Complete Collection of State-Trials and Proceedings upon High-Treason and other Crimes and Misdemeanours; from the reign of King Richard II. to the end of the reign of King George I. The third edition, with additions. London, M DCC XLII (1742). Vol. 5. P. 642.

² Ibid.

ной необходимости его. И если кто-нибудь самостоятельно или в частном порядке предпримет его, он будет виновен в тяжком преступлении и станет врагом того политического сообщества, членом которого он является»¹. Поясняя приведенные слова, парламентарий-обвинитель сказал: «И если это предложение касается Революции, то доктор Сэчеверел осуждает всех от высших до низших, кто в частном порядке присоединился к Принцу Оранжскому или оказывал содействие осуществлению революции... но если доктор дает указание своему Совету внушать, что было какое-то нововведение в конституцию, произведенное революцией, то это дополняет его преступление. Революция никакого нововведения не сделала; она была *реставрацией* старинной фундаментальной конституции Королевства, придавшей ей ее собственную силу и энергию»² (курсив мой. — В. Т.).

Процесс над Генри Сэчеверелом длился почти месяц. 20/30 марта 1709/1710 года Палата лордов 69 голосами против 52 признала его виновным и спустя три дня вынесла приговор: на осужденного был наложен запрет проповедовать в течение всего следующего года, а отпечатанные экземпляры двух его проповедей, содержание которых дало основания для привлечения его к суду, были назначены к публичному сожжению перед зданием Королевской биржи в Лондоне.

Из материалов данного процесса видно, что свою трактовку революции 1688 года в качестве события, которое никакого нововведения в государственный строй Англии не внесло, но лишь восстановило старинную английскую конституцию, обвинители Генри Сэчеверела основывали исключительно на документах самой этой революции: декларациях принца Оранжского и парламента.

Подобную точку зрения на «славную революцию» высказывал в 1765 году и Главный судья лорд Кэмден. Выступая в Суде Общих Тяжб по «делу о захвате документов», он говорил, что «революция не должна рассматриваться как единственный базис нашей свобо-

¹ A Complete Collection of State-Trials and Proceedings upon High-Treason and other Crimes and Misdemeanours... P. 793–794.

² «And if that sentence respects the Revolution, then doctor *Sacheverell* condemns all from the highest to the lowest, who, in their private capacity, joined with the Prince of *Orange*, or assisted in bringing about the Revolution... But if the doctor instructed his council to insinuate, that there was any Innovation in the Constitution wrought by the Revolution, it is an addition to his crime. The Revolution did not introduce any Innovation; it was a Restoration of the ancient Fundamental Constitution of the Kingdom, and giving it its proper Force and Energy» (Ibid. P. 794).

ды. Революция восстановила эту конституцию к ее первым принципам. И больше ничего не сделала. Она не расширила свободы подданного, но дала ей более прочную гарантию. Она не расширила и не сузила основание, но восстановила и добавила podporку или две к сооружению»¹.

**§ 2. Трактовки «славной революции»
в английской историографии
второй половины XVIII –
первой половины XX века
(Э. Бёрк, Дж. Расселл, Т. Б. Маколей,
Г. М. Тревельян)**

Новый взгляд на «славную революцию» появится только в конце XVIII века. Основание ему даст кровавая революция 1789–1794 годов во Франции. В сравнении с ней английская революция 1688 года не могла не казаться «славной». Философ и политик Эдмунд Бёрк (*Edmund Burke*, 1730–1797) воспользовался этим сравнением для утверждения идеи о том, что «славная революция» было в истории Англии событием, аналогичным реставрации монархии Стюартов в Англии в 1660 году. «Два принципа консервации и коррекции решительно действуют в двух критических временах реставрации и революции, когда Англия оказалась без короля, — писал он в своих «Размышлениях о революции во Франции». — В обоих временах нация утратила узы союза в своем старинном строении; однако вся конструкция не была разрушена. Напротив, в обоих случаях была восстановлена недостающая часть старой конституции через посредство тех ее частей, которые не были повреждены»². «Революция была

¹ The Case of Seizure of Papers, being an Ation of Trespass by John Entick, clerk, against Nathan Carrington and three other Messengers in ordinary to the King, Court of Common-Plea, Mich. Term: 6 George III. A. D. 1765 // A Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanors, from the earliest Period to the Year 1783. With Notes and other Illustrations: compiled by T. W. Howell. In twenty-one volumes. London, 1816. Vol. 19. Col. 1068.

² *Burke E.* Reflections on the Revolution in France and on the proceedings in certain societies, relative to that event. In a letter intended to have been sent to a gentleman in Paris. London, M DCC XC (1790). P. 29–30.

совершена, чтобы сохранить наши *старинные* неоспоримые законы и свободы и ту *старинную* конституцию правления, которая только и является нашей гарантией для закона и свободы»¹, — утверждал британский философ и политик. В этом предназначении «славной революции» он видел ее «истинные принципы» и полагал, что они сполна выражаются в ее документах. По его словам, «если можно где-нибудь обнаружить *принципы* революции 1688 года, то в статуте, названном *Декларацией о правах*»². Э. Бёрк называл ее творением «великих юристов и великих государственных мужей», документом в высшей степени «мудрым (wise)», «умеренным (sober)» и «деликатным (considerate)» и заявлял при этом, что она является «краеугольным камнем» британской конституции³.

Эдмунд Бёрк был политиком виговского направления, и его понимание революции 1688–1689 годов в полной мере соответствовало идеологии последнего. В дальнейшем развитии виговской трактовки этого события большую роль сыграли историк и политик Джон Расселл (*John Russell*, 1792–1878)⁴ и историк-публицист Томас Бабингтон Маколей (*Thomas Babington Macauley*, 1800–1859).

Джон Расселл писал о революции 1688–1689 годов в книге, посвященной своему предку Уильяму Расселлу: «Особая отличительная черта этого великого события заключается не в том, как это некоторые предполагают, чтобы установить право смещать короля и изменять наследование короны — эти принципы часто до этого подтверждались в ходе нашей истории, — но в том, чтобы легко и без потрясений осуществить на практике наши старинные права и свободы, которые напрасно пытались ниспровергнуть Плантагенеты, которые часто позволялось попираť Тюдорам и для разрушения которых Стюарты жертвовали своим тронem»⁵.

¹ *Burke E.* Op. cit. P. 44.

² *Ibid.* P. 21.

³ *Ibid.*

⁴ С июля 1846 г. до февраля 1852 г. и с октября 1865 до июня 1866 г. член Либеральной партии Джон Расселл (*John Russell*, 1792–1878) возглавлял правительство Великобритании.

⁵ «The peculiar distinction of that great event is not, as some suppose, to have established the right to depose the king and alter the succession of the crown, — a principle often before asserted in the course of our history, — but to have brought into easy and undisturbed practice our ancient rights and liberties, which the Plantagenets had attempted

Т. Б. Маколей проводил в книге «История Англии после восшествия на престол Джеймса II» мысль о том, что революция 1688–1689 годов являлась всего лишь государственным переворотом, организованным группировкой английских аристократов с целью замены короля-католика на короля-протестанта. Принц Оранжский выступал, по его мнению, в качестве их пассивного инструмента и не стремился изменить государственный строй Англии. Поэтому, отмечал английский историк-публицист, «это была революция строго защитительная, и она имела на своей стороне неписанный закон и легитимность. Здесь и только здесь ограниченная монархия тринадцатого столетия перешла нетронутой в семнадцатое столетие». Конвент, созданный принцем Оранжским, призван был, по мнению Маколея, выполнить лишь две задачи: освободить основные законы королевства от неясностей и изъять из сознания как правителей, так и управляемых убеждение в том, что королевская prerogative стояла выше и была священнее этих законов. Данные задачи были выполнены, считал историк, Декларацией о правах и резолюцией Конвента, объявившей трон вакантным и пригласившей занять его Уильяма и Марию. Окончательный диагноз Маколея в отношении революции 1688 года гласил: «Перемена оказалась малой. Ни один цветок короны не был помят. Ни одно новое право не было дано населению. Английское право в целом, материальное и процессуальное, в судебных решениях всех величайших юристов, Голта и Треби, Мэйнарда и Сомерса, являлось после революции точно тем же самым, каким было до нее. Несколько противоречивых вопросов были решены в соответствии с разумом лучших юристов; и произошло небольшое отклонение от обычного порядка наследования. Это было все; и этого было достаточно. Так как наша революция была защитой старинных прав, то она осуществлялась со строгим вниманием к старин-

in vain to subvert, which the Tudor had often been allowed to trample upon and which the Stuarts sacrificed their throne to destroy» (*Russell J. The Life of William Lord Russell; with some account of the time, in which he lived. London, 1820. Vol. 1. P. 164*). В «Очерке по истории английского правительства и конституции с правления Генриха VII до настоящего времени» Джон Расселл выразил свое отношение к данному событию следующей короткой фразой: «The Revolution of 1688 appears to my mind the perfection of boldness, and of prudence (Революция 1688 года стала для моего сознания совершенством дерзости и благоразумия)» (*An essay on the history of the English government and constitution, from the reign of Henry VII to the present time. London, 1823. P. 107*).

ным формальностям. Почти в каждом ее слове и акте можно разглядеть глубокое уважение к прошлому»¹.

Облаченная Т. Б. Маколеем в красивые словесные одежды виговская интерпретация английской «славной революции» благополучно пережила XIX век и нашла себе немало сторонников среди последующих историков. Так, историк А. М. Чэмберс писал в книге «Конституционная история Англии», опубликованной в 1909 году: «Революция 1688 года завершила работу великого мятежа, так как она отстояла верховенство парламента. Однако на практике это верховенство не было установлено полностью до вступления на трон Ганноверцев. Корона, которую предложили Уильяму и Марии, была облегчена некоторыми определенными ограничениями королевской прерогативы. Билль о правах являлся скорее повторительным, нежели революционным. Он был скорее защитой древних и несомненных прав народа, чем установлением новых норм и привилегий. Он осуждал беззакония и узурпации Джеймса Стюарта, но он не утверждал никаких новых доктрин — и даже не считалось необходимым предписывать те фундаментальные принципы, которыми последний король пренебрегал и которые подвергал опасности: принималось как само собою разумеющееся, что они известны каждому»².

Самым видным выразителем виговской традиции в объяснении революции 1688 года стал в XX столетии внучатый племянник Томаса Маколея Георг Маколей Тревельян (*George Macaulay Trevelyan*, 1876–1962), автор многих произведений на темы истории Англии³ и в их числе книги «Славная революция 1688–1689 годов», вышедшей первым изданием в 1938 году и переизданной в 1965-м.

В отличие от других историков виговского направления Г. М. Тревельян усматривал истинную «славу» данной революции не в ее бескровности, не в минимальной степени насилия, приме-

¹ *Macaulay Th. B.* The History of England from the accession of James the Second. London, 1849. Vol. 2. P. 657, 659–660.

² *Chambers A. M.* A Constitutional History of England. London, 1909. P. 332–333.

³ См., например: *Trevelyan G. M.* England under Stuarts. London, 1904. Эта книга, не отличавшаяся оригинальностью и являющаяся скорее популярным, чем научным произведением, переиздавалась 23 раза. Последнее ее издание (с предисловием Джона Морила) вышло в 2002 г., причем одновременно в Лондоне, США и Канаде. См. также: *Trevelyan G. M.* British History in the Nineteenth Century. London, 1922.

ненного революционером для достижения успеха, но «в способе предотвращения насилия, который революционный государственный строй (revolutionary settlement) нашел для будущих поколений англичан»¹. В победе же, которой революционерам удалось добиться «с помощью иностранных войск над королем, окруженным плохими советниками», он не видел «ничего особенно славного»². Однако в общей оценке «славной революции» Тревелиян всецело следовал виговским догмам. Так, он писал, в частности: «Изгнание Джеймса являлось революционным актом, но с другой стороны, дух этой странной революции был противоположен революционному. Она была осуществлена не для того, чтобы ниспровергнуть закон, но дабы подтвердить его против короля, нарушающего закон. Она произошла не для принуждения народа к одному образцу мнения в политике или религии, но для того, чтобы дать ему свободу под сенью и посредством закона. Она была в одно и то же время либеральной и консервативной; большинство революций не являются ни той, ни другой: они уничтожают законы и оказываются нетерпимыми ни к какому способу мышления, кроме одного. Однако в нашей революции две великие партии в церкви и в государстве объединились, дабы спасти законы страны от разрушения их Джеймсом: поступив так и сделавшись поэтому объединенными и строгими господами ситуации в феврале 1689 года, ни партия вигов, ни партия тори не станут больше подвергать своих клиентов преследованиям ни посредством королевской власти, ни посредством оппозиционной партии в государстве. При этих обстоятельствах лейтмотивом революционного государственного строя (revolution settlement) стала личная свобода под сенью закона как в религии, так и в политике. Наиболее консервативная революция из всех революций в истории стала также наиболее либеральной»³.

Лживость всех этих утверждений не могла не быть очевидной любому ученому-историку, мало-мальски знакомому с обстоятельствами государственного переворота конца 1688 – начала 1689 года в Англии и с особенностями последующей политики правившей виговской группировки. На самом деле «славная революция» была осу-

¹ Trevelyan G. M. The Glorious Revolution 1688–1689. Oxford, 1965. P. 4.

² Ibid.

³ Ibid. P. 5.

ществлена узкой группировкой эгоистичных английских политиков в союзе с иностранным правителем и иностранными финансистами не для установления в стране свободы различных мнений в религии и в политике, не для сохранения законов страны и не для защиты ее интересов. О том, что свобода мнений жестоко подавлялась после революции, свидетельствуют материалы многочисленных политических процессов (и в частности, дела Генри Сэчеверела, о котором шла речь выше). Историки виговского направления были более идеологами, чем учеными, и вместо научного изучения указанного государственного переворота занимались, в сущности, мифотворчеством. Однако созданный ими идеологический миф об этом событии оказался при всей своей чрезвычайной примитивности — можно даже сказать: глуповатости — на редкость живучим и благополучно дожил до наших дней.

§ 3. Современная иностранная историография «славной революции»

Лишь в последние десятилетия XX века характер историографии «славной революции» начал заметно меняться в пользу более реалистичной ее оценки: одна за другой стали появляться книги, в которых авторы, отказавшись от виговских догм, основой своего исследования «славной революции» сделали конкретные факты. Государственная деятельность короля Джеймса II стала оцениваться историками более объективно, во всяком случае — совсем не так, как она была охарактеризована в основных документах английской революции 1688–1689 годов — Декларации о правах и Билле о правах¹. Некоторые современные историки обоснованно подвергают сомнению даже такую, казалось бы, незыблемую догму виговской доктрины «славной революции», как представление о ее бескровном характере. Эдвард Вэлэнс в недавно вышедшей книге «Славная революция 1688 года: борьба Британии за свободу» показал, что она не являлась бескровным государственным переворотом, совершенным

¹ См., например: *Jones J. R.* James II's Revolution: royal policies, 1686–1692 // *The Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and its world impact* / Ed. by J. I. Israel. Cambridge, 2003. P. 47–72; *Cruikshanks E.* *The Glorious Revolution*. London, New York, 2000.

во имя прогресса английского общества, но была жестокой борьбой протестантов за власть¹. Взгляд на революцию 1688 года как на смелую правления в Англии, Ирландии и Шотландии, достигнутую посредством массового и жестокого насилия, провёл в своей книге «Революция: великий кризис Британской монархии в 1685–1720 годах» историк Тим Хэрис².

Особенностью современной историографии «славной революции» является также отказ от взгляда на нее как на исключительно английское явление — государственный переворот, совершенный политической группировкой вигов и примкнувшими к ним представителями партии тори для утверждения верховенства парламента и закона.

В историко-правовой науке проводником этого представления о революции 1688 года, уходящего своими корнями в содержание Декларации о правах и Билля о правах, был, в частности, Уильям Голдсворс. «Революция являлась виговской победой; но это была победа, достигнутая с помощью тори и церкви»³, — писал он в своей «Истории английского права». По его словам, «виги обеспечили то, что было наиболее важным, — парламентский порядок наследования трона и впоследствии окончательный отказ от идеи, согласно которой королевский титул зависит от божественного права, стоящего выше права страны. Эта победа навсегда обеспечила как верховенство парламента в конституции, так и верховенство закона, потому что в новой ситуации, созданной революцией, тори сочли, что в их интересах поддержать эти виговские идеалы»⁴.

Принц Оранжский считался в соответствии с таким взглядом лишь пассивным инструментом в руках английских политиков. При этом не обращалось никакого внимания на приводившиеся в ряде исторических трудов факты, которые свидетельствовали о совер-

¹ См.: *Valance E.* Glorious Revolution, 1688: Britain's fight for liberty. London, 2006. В начале 2007 г. данная книга была напечатана и в США.

² См.: *Harris T.* The Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. London, 2006. См. также: *Dillon P.* The Last Revolution: 1688 and the Creation of the Modern World. London, 2006.

³ *Holdsworth W.* A History of English Law. London, 1966. Vol. 6. P. 195.

⁴ *Ibid.*

шенно противоположном¹. Данные факты снова стали подниматься в современных книгах и статьях о «славной революции». В свете их это событие выглядит скорее завоеванием Англии штадхаудером Нидерландов принцем Оранжским, нежели английской революцией. По словам историка К. Х. Гэля, «вторжение принца Уильяма Оранжского в Англию в 1688 году не было результатом простого личного решения. Оно не могло бы достичь успеха без позитивной поддержки, а не только согласия Генеральных штатов государств или провинциальной ассамблеи Голландии и города Амстердама. Хотя Уильям являлся богатым человеком, он определенно не имел в своем распоряжении ресурсов, необходимых для экспедиции, которая, как теперь обнаруживается, была более широкой, чем когда-то предполагалось». Эти ресурсы — в размере 6 миллионов гульденов — ему выделили голландцы².

Осознание того факта, что революция 1688 года в Англии была осуществлена в значительной мере иностранцами и исключительно на иностранные деньги, сочетается в современной историографии с новым пониманием ее последствий: в исторической литературе все более укрепляется тенденция связывать с ней не только преобразования в государственном строе, но и коренные перемены в экономике, а также в политике английского правительства внутри страны и на международной арене³.

Новые веяния в историографии «славной революции» оставили, однако, неизменным характерное для историков виговского направления представление о том, что истинным выражением рево-

¹ См., например: *History of the Revolution in England in 1688. Comprising a view of the Reign of James II from his accession to the enterprise of the Prince of Orange, by the late Right Hon. Sir James Mackintosh; and completed to the settlement of the crown by the editor.* London, 1834.

² *Haley K. H. D. The Dutch, the invasion of England and the alliance of 1689 // The Revolution 1688–1689: Changing perspectives / Ed. by Lois G. Schwoerer. Cambridge, 2003. P. 21.* Первое издание этой книги вышло в 1992 г. См. на эту тему также: *Israel J. I. The Dutch role in the Glorious Revolution // The Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and its world impact / Ed. by J. I. Israel. Cambridge, 2003. P. 105–162.*

³ В качестве проявления указанной тенденции в историографии «славной революции» можно назвать книги: *Holmes G. The Making of a Great Power. Late Stuart and early Georgian Britain. 1660–1722.* Edinburgh, 1993; *Dillon P. The Last Revolution: 1688 and the Creation of the Modern World.* London, 2006, 2007.

люционных принципов стала Декларация о правах от 12/22 февраля 1688/1689 года и составленный на ее основе «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование Короны» — так называемый Билль о правах 1689 года. Волна пересмотра виговских догм коснулась и этих документов: появились работы, в которых Декларация о правах и Билль о правах рассматриваются в качестве актов, оформивших не просто смену одного короля на другого, но перемены в самом институте королевской власти. «Важность Декларации о правах и Билля о правах превосходит значение английской революции 1688—1689 годов, — пишет в своем исследовании об этих актах американская исследовательница Лоис Шваурер. — Они являются, бесспорно, наиболее важными политическими и конституционными документами семнадцатого столетия. Нет ничего, способного соперничать с ними, среди многих деклараций, петиций, манифестов и предположений, изданных парламентом в период гражданской войны или в какую-либо другую часть столетия в попытке определить отношения между ним и монархией»¹. «События революции и выражения Билля о правах разрушили существенные составные части старого режима: теорию божественного права монарха, идею прямого порядка престолонаследия, прерогативы короля относительно закона, армии, налогообложения и судебных процедур, которые были вредоносны для индивидов»² — к такому заключению пришла историк в заключении своей книги.

В предисловии же к ней Л. Г. Шваурер поделилась своим весьма любопытным наблюдением: «И Декларация о правах, и Билль о правах хорошо известны, последний несколько более, чем первый, однако ни один из них не изучен в достаточной степени»³. О справедливости данного замечания свидетельствуют допускаемые в исторической литературе при обращении к этим документам многочисленные ошибки: в дате их принятия, в названии, в обстоятельствах их разработки и т. д. Декларация о правах и Билль о правах представляют собой различные по своей юридической природе и в значительной мере по содержанию документы, однако историки тем не менее

¹ *Schwoerer L. G. The Declaration of Rights, 1689. Baltimore and London, 1981. P. 4.*

² *Ibid. P. 291.*

³ *Ibid. P. 4.*

часто смешивают их друг с другом, считают, например, что «Билль о правах» — это просто другое название «Декларации о правах».

Так, Гарольд Берман пишет во втором томе книги «Право и Революция» об указанных документах: «Главным символом Славной Революции и основой ее требования законности была Декларация прав и свобод подданного, принятая конвенционным парламентом и официально зачитанная и признанная принцем Уильямом и его женой, принцессой Мэри, 13 февраля 1688/89 года, в присутствии обеих палат. В марте Декларация была издана в качестве статута новым, избранным должным образом парламентом под названием “Билль о правах”. Он начинается перечислением тринадцати примеров злоупотреблений, посредством которых “последний король Джэймс Второй, с помощью разных злых советников, судей и министров, им нанятых, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую религию и законы и свободы этого королевства”»¹.

На самом деле Билль о правах не являлся Декларацией о правах, изданной в качестве статута: ее текст, хотя и вошел в содержание Билля, занял в нем не более половины его объема. И принят Билль о правах был не в марте месяце, как это утверждает Г. Берман, а в декабре 1689 года.

5 марта 1688 года (по Юлианскому календарю) Палата общин, как свидетельствует запись в ее журнале, всего лишь приняла решение о подготовке Билля «для издания *нескольких статей* Декларации обеих Палат, одобренной в двенадцатый день февраля месяца текущего года и представленной настоящему Его Величеству в тринадцатый день того же самого февраля; и для устройства Короны и воспрепятствования папистам наследовать Корону этого Королевства»² (курсив мой. — *В. Т.*). Одновременно с принятием данной резолю-

¹ «The chief symbol of the Glorious Revolution, and the basis of its claim to legitimacy, was the Declaration of Rights and Liberties of the Subject, adopted by the Convention Parliament and formally read to and accepted by Prince William and his wife, Princess Mary, on February 13, 1688/89, in the presence of both Houses. In March the Declaration was enacted as a statute by a new, properly elected Parliament, under the title “Bill of Rights”. It starts by listing thirteen examples of abuses whereby “the late King James the Second, by the assistance of diverse evil counselors, judges, and ministers employed by him, did endeavour to subvert and extirpate the protestant religion and the laws and liberties of this kingdom”» (*Berman H. J. Law and Revolution, II. The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Tradition. Cambridge, 2003. P. 225*).

² The Journals of the House of Commons. London, 1802. Vol. 10. P. 42.

ции Палата общин образовала комиссию из одиннадцати человек для того, чтобы вся она или три человека из ее состава как можно быстрее составили текст указанного Билля.

8/18 мая 1689 года Палата общин одобрила в третьем чтении с небольшими поправками текст Билля, представленный комиссией, и приняла решение дать ему название (title) «An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown (Акт, объявляющий права и свободы подданного и регулирующий наследование Короны)»¹. Именно под этим названием, а не под титулом «Bill of Rights», как это пишет Г. Берман, он и был впоследствии принят двумя палатами парламента и одобрен королем: произошло последнее событие только 16/26 декабря 1689 года.

Парламент, который принял в декабре 1689 года Билль о правах, не был парламентом, «избранным должным образом», как это утверждается в книге Г. Бермана. Штадхаудер Нидерландов принц Оранжский до того, как был провозглашен королем Англии под именем Уильяма III, не имел правомочия созывать английский парламент. Поэтому по совету с лордами духовными и светскими и с проживавшими в Лондоне и его окрестностях рыцарями и жителями городов (citizens) и бургов (burgesses), являвшимися членами Палаты общин парламента, который собирался во время правления Карла II, а также с олдермэном и членами Общего совета города (city) Лондона принц Оранжский принял решение созвать не парламент, а Конвент, действующий по форме парламента, и 29 декабря 1688 года / 8 января 1689 года подписал соответствующие письма². Декларация, принятая этим собранием 12/22 февраля 1688/1689 года, имела официальное название не парламентского документа, а «Декларации лордов духовных и светских и общин, собравшихся в Уэстминстере (The Declaration of the Lords Spiritual and Temporal and Commons, assembled at *Westminster*)»³.

После того как король Джеймс II был объявлен Конвентом «отрекшимся от престола», а принц и принцесса Оранжские были провозглашены королем и королевой Англии, это собрание должно

¹ The Journals of the House of Commons. London, 1802. Vol. 10. P. 126.

² См.: The Letters for Electing of Members for the CONVENTION // The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 7–8.

³ См.: The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 28.

было прекратить свои полномочия. Новому же королю надлежало назначить выборы в парламент. Однако Уильям III по ряду причин отказался сделать это и предложил придать существующему Конвенту статус парламента. Его предложение было принято членами Конвента и закреплено биллем под названием «Акт об устранении и предотвращении всех вопросов и споров, которые могут возникнуть относительно собрания и заседания этого настоящего парламента», утвержденным королем 23 февраля / 5 марта 1688/1689 года¹. В нем было заявлено, в частности: «Для предотвращения всех сомнений и колебаний, которые могут возникнуть у любого благоразумного относительно собрания, заседания и работы этого настоящего парламента пусть будет объявлено и издано Королем и Королевой, непревосходнейшими Величествами, и по совету и согласию лордов духовных и светских и общин, в настоящее время собравшихся, и властью тех же самых, что лорды духовные и светские, созданные в Уэстминстере в двадцать второй день января одна тысяча шестьсот восемьдесят восьмого года и там заседавшие, являются с тринадцатого дня февраля указанного года двумя Палатами Парламента»². Очевидно, что называть такой парламент «избранным должным образом» значит исказить реальную картину.

§ 4. Тема «славной революции» и Билля о правах в современной российской историко-правовой науке

Однако грубейшие ошибки допускаются при рассмотрении английского Билля о правах не только в иностранной, но и в нашей

¹ См.: The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 132.

² «For preventing all doubts and Scruples which may in any wise arise concerning the meeting sitting and proceeding of this present parliament bee it declared and enacted by the King and Queenes most excellent Majestyes by and with the advice and consent of the lords spirituall and temporall and commons now assembled and by authoritie of the same. That the lords spirituall and temporall and commons convened at Westminster the two and twentieth day of January in the yeare of our Lord one thousand six hundred eighty eight and there sitting on the thirteenth day of February following are the two Houses of Parlyament» (An Act for removeing and Preventing all Questions and Disputes concerning the Assembling and Sitting of this present Parlyament // The Statutes: Revised edition. Vol. 2. William and Mary to 10 George III. A. D. 1688–1770. London, 1871. P. 14).

историко-правовой литературе. Так, в учебнике В. Г. Графского «Всеобщая история государства и права» об этом документе говорится следующее: «Билль прав от 13 февраля 1689 г. стал долговременной основой английской конституционной монархии, закрепив раз и навсегда верховенство парламента в области законодательной и финансовой политики. В нем в 13 различных статьях подтверждались также права и свободы подданных (граждан и парламентариев), которые особенно часто нарушались в последнее время и потому подлежали «восстановлению и подтверждению». Билль (первоначально он назывался Декларацией прав) начинался такими словами: “Так как последний король Яков II при содействии различных злоумышленных советников, судей и чиновников, состоящих у него на службе, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую веру и законы и вольности этого королевства...”»¹. «Характерно, — отмечает далее Графский, — что первоначальное название Билля было иным и выглядело так: “Акт, декларирующий права и свободы подданных и устанавливающий порядок наследования короны”. Исходя из этого исторического факта, в литературе Билль прав иногда называют Декларацией прав 1689 г. Парламент, обсуждавший эти вопросы, был собран в январе 1689 г. и получил чрезвычайные полномочия. Он был назван также конвентом (учредительным собранием), где прежний король был объявлен отрекшимся от престола»².

Из приведенных слов видно, что В. Г. Графский не только не знает истинной даты принятия Билля о правах (который он почему-то называет «Биллем прав»), падающей, как выше было показано на конкретных документах, на 16 декабря 1689 года, но и путает его с Декларацией о правах от 12 февраля 1688 года. Именно Декларация, а не Билль о правах, начиналась со слов «так как последний король Яков II при содействии различных злоумышленных советников, судей и чиновников, состоящих у него на службе, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую веру и законы и вольности этого королевства...». Первыми фразами Билля о правах были: «Принимая во внимание, что лорды духовные и светские и общины, собравшиеся в Уэстминстере, законным, полным и свободным образом пред-

¹ Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. М.: Норма, 2007. С. 410–411.

² Там же. С. 411.

ставляя все сословия этого королевства, в тринадцатый день февраля в год нашего Господа одна тысяча шестьсот восемьдесят восьмой представили присутствовавшим самолично их Величествам, в то время именовавшимся и известным под именами и титулами Уильяма и Мэри, принца и принцессы Оранжевых, некоторую декларацию, составленную в письменном виде указанными лордами и общинами в следующих словах, а именно:». После этих слов в Билле о правах и приводился текст Декларации, одобренной Конвентом 12 февраля 1688 года. После него излагалось основное содержание собственно Билля, к которому текст Декларации о правах был всего лишь своего рода введением.

Название Билля о правах, которое Графский считает только «первоначальным», а именно «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий порядок наследования короны», было на самом деле и *окончательным* — под ним текст Билля о правах и вошел в собрание статутов Английского королевства.

К сожалению, В. Г. Графский не одинок в своих заблуждениях о времени появления и характере Билля о правах. Дата 13 февраля 1689 года в качестве времени его принятия называется и в других учебниках по истории государства и права зарубежных стран, регулярно издающихся и переиздающихся в России¹. Ложная дата принятия Билля о правах приводится и в хрестоматиях по данному предмету².

Распространенной в нашей историко-правовой литературе является и другая ошибка относительно этого документа, а именно: отождествление его с Декларацией о правах, принятой Конвентом 12 февраля 1688 года. Так, О. А. Омельченко пишет в учебнике по всеобщей истории права: «Важнейшим из конституционных актов

¹ См., например: История государства и права зарубежных стран. Том 2: Современная эпоха. 3-е издание, переработанное и дополненное / Отв. редактор Н. А. Крашенинникова. М.: Норма, 2007. С. 30; *Мухаев Р. Т.* История государства и права зарубежных стран. М.: Юнити-Дана, 2005. С. 366.

² См., например: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Том 2: Современное государство и право / Отв. редактор Н. А. Крашенинникова. М.: Норма, 2007. С. 38. Текст Билля о правах приводится здесь со слов, с которых начинается не Билль, а Декларация о правах от 12 февраля 1688 г.: «Так как последний король Яков II при содействии различных злоумышленных советников, судей и чиновников, состоящих у него на службе, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую веру и законы и вольности этого королевства...».

нового строя стал Билль о правах 1689 года (в первоначальном виде изданный как «Декларация о правах и свободах подданных и о наследии короны»)». ¹ Документ, который Омельченко и другие историки называют «Декларацией о правах и свободах подданных и о наследовании короны», на самом деле именовался официально — в журналах Палаты лордов и Палаты общин — всего лишь «Декларацией Лордов Духовных и Светских и Общин, собравшихся в Уэстминстере»². Говорить о нем как о первоначальном издании Билля о правах, по меньшей мере, странно.

Во-первых, Билль о правах был актом короля в парламенте, пусть парламент и не был избран должным образом, а признан таковым специальным документом, принятым Конвентом и королем. Декларация же являлась документом исключительно Конвента — собрания, которое хотя по форме и процедурам своим напоминало парламент, по юридическому статусу таковым не было.

Во-вторых, Билль о правах был статутом — законодательным по своей природе актом, Декларация — исключительно политическим документом, не имевшим юридической силы, хотя лордами духовными и светскими и общинами, собравшимися в Уэстминстере, было приказано, чтобы «эта Декларация была переписана на пергаменте и помещена среди документов парламента и зарегистрирована в Канцелярии»³.

В-третьих, Билль о правах отличался от Декларации и по содержанию. В нем воспроизводился текст Декларации, но лишь в качестве введения или преамбулы к основному тексту, который был совершенно новым произведением, и во многом именно поэтому его обсуждение в обеих палатах парламента затянулось на семь месяцев⁴.

¹ Омельченко О. А. Всеобщая история государства и права. Издание четвертое, исправленное и дополненное. Том 2. М.: Ecsmo Education, 2006. С. 43.

² См.: The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 125; The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 28.

³ «It is ordered by the Lord Spiritual and Temporal and Commons now assembled at *Westminster*, that this Declaration be engrossed in Parchment, and enrolled among the Records of Parliament, and recorded in Chancery» (The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 126).

⁴ Анализ содержания Билля о правах будет дан во второй и третьей статьях настоящего цикла статей.

В-четвертых, принятие Декларации от 12 февраля 1688 года было реакцией лордов и общин на политику короля Джеймса II, тогда как принятие Билля о правах являлось, пусть и отчасти, реакцией английского парламента на политику нового английского короля — Уильяма III.

Историки, называющие в качестве даты принятия Билля о правах 13 февраля 1689 года, связывают это событие с днем, когда состоялась торжественная церемония провозглашения Уильяма и Марии, принца и принцессы Оранжских, королем и королевой Англии. По действовавшему в то время в Англии Юлианскому календарю данная церемония действительно прошла 13 февраля, но не 1689-го, а 1688 года, поскольку по этому календарю новый год начинался 25 марта. По Григорианскому же календарю шел уже 1689 год, но если при указании даты этой церемонии называть его, то в таком случае следует указывать не 13-е, а 23-е число февраля, поскольку в XVII веке Григорианский календарь опережал Юлианский на десять дней.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Подготовка штадхаудером Нидерландов Вильгельмом, принцем Оранжским вооруженного вторжения в Англию

§ 1. «Одна из самых странных катастроф, случавшихся в какой-либо истории»

«Славная революция» представлялась загадочным событием даже людям, принимавшим в нем непосредственное участие и посвященным если не во все, то во многие его тайны. Так, епископ Гильберт Бёнет писал в своих мемуарах о низвержении Джеймса II с королевского трона, что оно было «одной из самых странных катастроф, случавшихся в какой-либо истории»¹. Странность этого события советник штадхаудера Вильгельма видел в быстроте и легкости, с которой был отстранен от власти законный монарх. «Великий король с сильной армией и мощным флотом, с огромными финансовыми средствами и могущественными союзниками пал враз: и вся его сила была, как паутина, непоправимо разрушена одним прикосновением, так что он навсегда утратил способность восстановить то, от чего по недостатку и рассудка, и мужества однажды отказался»².

Свидетельства современников о том или ином историческом событии имеют, безусловно, огромную ценность для исследователя, пытающегося разгадать их тайну. Находясь внутри события, они видят в нем много такого, что не находит себе отражения в официаль-

¹ Burnet's history of his own time: from the restoration of King Charles the Second to the Treaty of Peace at Utrecht, in the reign of Queen Anne. London, 1875. P. 398. В одной из рукописей своего мемуарного сочинения Гильберт Бёнет писал о государственном перевороте 1688 г. в Англии: «Я снова приступаю сейчас, в июне 1691 года, к продолжению этого произведения и собираюсь обратиться к революции, чтобы описать то, что стало для наших потомков одним из самых странных событий в истории» (A Supplement to Burnet's History of my own time, derived from his original memoirs, his autobiography, his letters to admiral Herbert and his private mediations, all hitherto unpublished / Edited by H. C. Foxcroft. Oxford, 1902. P. 287).

² Burnet's history of his own time. P. 398.

ных документах и остается неизвестным историкам. Но с другой стороны, современники исторических событий не видят всей их цепи, разворачивающейся месяцами, годами, десятилетиями. И оттого даже те события, которых они были не сторонними наблюдателями, но самыми активными участниками, не раскрываются им в подлинном своем смысле.

На мой взгляд, самым странным феноменом в «славной революции» 1688 года в Англии были не быстрота и легкость падения Джеймса II с британского королевского трона, но характер действий главного двигателя «революции» штатхаудера Нидерландов Вильгельма III, принца Оранжского — выбор им в качестве способа свержения законного британского короля не тайного заговора, а открытого вооруженного вторжения на территорию Англии.

Он не являлся для Англии чужим человеком. Его матерью была старшая дочь короля Карла I Мэри Генриетта Стюарт (1631–1660). В 1641 году она вышла замуж за Вильгельма II, принца Оранжского (1626–1650). Вильгельм III, принц Оранжский родился 14 ноября 1650 года, через восемь дней после смерти своего отца. Нидерландским штатхаудером он стал в июле 1672 года, когда был избран на эту должность в двух из семи провинций. Его отец — Вильгельм II, принц Оранжский занимал пост штатхаудера в пяти из семи провинций Нидерландов: Голландии, Зеландии, Утрехте, Гельдерланде и Оверэйсселе с 14 марта 1647 года до своей смерти 6 ноября 1650 года. После этого в названных провинциях не было такой должности. Нападение Франции на Нидерланды в 1672 году, поддержанное с моря Англией, изменило ситуацию. В провинциях Голландии и Зеландии правящие группировки и население сочли благоразумным для эффективного руководства обороной восстановить пост штатхаудера и пригласить на него представителя известного в Европе голландского аристократического рода и к тому же родного племянника тогдашнего английского короля Карла II. Незадолго до этого Вильгельм был назначен главнокомандующим флотом и армией Соединенных провинций, получив должность адмирала и капитан-генерала. В 1674 году он был избран на должность штатхаудера в Утрехте, а в 1675 году — в Гельдерланде и Оверэйсселе. Во всех пяти провинциях этой должности был придан наследственный характер. И везде она сочеталась с постом главнокомандующего вооруженными силами.

В 1677 году Вильгельм III, принц Оранжский вступил в брак со своей двоюродной сестрой Мэри Стюарт (1662–1694) — старшей до-

черью младшего сына Карла I Джеймса, герцога Йоркского и его первой супруги Анны Гайд. После того, как герцог Йоркский стал королем Джеймсом II, Мэри стала официально считаться наследницей королевского престола и оставалась в этом качестве до 10/20 июня 1688 года, до дня рождения королевы — второй супругой Джеймса II Мэри Моденой — сына Джеймса, который и был объявлен новым наследником королевского трона.

Двойное родство Вильгельма с английской королевской семьей — по матери и по жене — могло облегчить ему задачу утверждения на английском королевском троне, но только в том случае, если бы трон был свободен. Сделать его таковым было весьма трудной задачей. Однако принц Оранжский взялся за ее решение и действовал при этом с удивительной бесцеремонностью и цинизмом. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в качестве главного способа решения указанной задачи им было избрано вторжение со своими войсками на английскую территорию, то есть военная операция, предполагающая оккупацию Англии иностранной армией.

Скрыть подготовку такой операции было невозможно, и штатхаудер Нидерландов даже не пытался это сделать. Но в таком случае надлежало хотя бы замаскировать подлинные цели своего вооруженного вторжения в Англию. Однако и здесь он вел себя довольно странно.

Собираясь вторгнуться в Англию, Вильгельм прилагал особые старания к тому, чтобы снять малейшие подозрения о наличии у него намерения захватить в чужой стране королевский трон у европейских монархов. Нидерландским посланникам, пребывавшим при дворах европейских монархов, он поручил объявить, «что принц Оранжский не имеет ни малейшего намерения завоевывать или захватывать королевство Англии или свергать короля с его трона, еще менее пытаться захватить его для себя или нарушать законное наследование»¹. Императора Священной Римской империи принц Оранжский постарался успокоить самолично. «Хочу, Сир, уверить этим письмом Ваше Императорское Величество, — писал он Леопольду I незадолго до вторжения в Англию, — что, несмотря на слухи, которые могли

¹ Цит. по: *Mackintosh J. History of the Revolution in England in 1688, comprising A View of the Reign of James II from His accession to the enterprise of the Prince of Orange.* London, 1834. P. 460.

уже распространиться, и на слухи, которые могут иметь хождение в будущем, я не имею ни малейшего намерения причинять какой-либо вред его Британскому Величеству, ни присваивать себе право претендовать на наследование этих королевств, и еще менее захватывать для себя корону или желать ее присвоить себе»¹.

Казалось бы, подобное обещание принц Оранжский должен был дать в первую очередь английскому королю Джеймсу II и его подданным. Однако вместо этого штадхаудер Нидерландов издал документ под названием «Декларация Его Высочества Уильяма Генри, Божьей милостью принца Оранжского, и т. д. о мотивах, побудивших Его появиться вооруженным в королевстве Англии для сохранения протестантской религии и восстановления законов и свобод Англии, Шотландии и Ирландии (*The Declaration of His Highness William Henry, by the Grace of God, Prince of Orange, &c. Of reasons inducing Him to appear in Armes in the Kingdome of England for preserving of the Protestant religion and for restoring the Lawes and Liberties of England, Scotland and Ireland*)».

В появлении указанного документа не было бы ничего странного, если бы он был предназначен скрыть истинную цель военной экспедиции штадхаудера Нидерландов в Британию, его намерение захватить королевский трон и верховную власть над Англией, Шотландией и Ирландией. Однако содержание названной Декларации показывает, что ее предназначение было скорее прямо противоположным: при ее чтении складывается впечатление (у меня, во всяком случае), что принц Оранжский посредством этого документа хотел, не говоря прямо о своем намерении стать в Британии королем, дать понять английским подданным, что именно для этой цели он и собирается прийти сюда с войском.

В политической борьбе далеко не всегда полезно скрывать свои истинные намерения, нередко бывает так, что для пользы дела надо сделать как раз наоборот — раскрыть их насколько возможно более широкому кругу людей. Для чего? — Да чтобы приобрести себе больше сторонников, и явных, и тайных. Причем тайные сторонники мо-

¹ «J'ai voulu, Sire, assurer par cette lettre votre Majesté impériale, que quelques bruits que l'on puisse avoir déjà semés, et nonobstant ceux que l'on pourra faire courir à l'avenir, je n'ay pas la moindre intention de faire aucun tort à sa Majesté Britannique, ni à ceux qui ont droit de pretendre à la succession de ses royaumes, et encore moins d'empiéter moi-même sur la couronne, ou de vouloir me l'approprier» (цит. по: *Mackintosh J. History of the Revolution in England in 1688. P. 461*).

гут быть при определенных условиях более значимы, нежели открытые, — особенно если они занимают высокие должности в государственном аппарате.

§ 2. Декларация принца Оранжского о мотивах его вторжения в Англию

Окончательный вариант Декларации о мотивах вторжения в Английское королевство¹ был подписан Вильгельмом Генри, принцем Оранжским 1/10 октября 1688 года в Гааге. Он начинался со слов: «Для всех людей несомненно и очевидно, что общественный мир и счастье любого государства или королевства не могут сохраняться там, где законы, свободы и обычаи, установленные в них законной властью, открыто нарушаются и отменяются: в особенности там, где пытаются переменить религию и предпринимают попытку ввести религию, противоречащую закону»². Далее в декларации назывались те, кто «ниспроверг религию, законы и свободы этих королевств» (имеются в виду Англия, Шотландия и Ирландия. — *В. Т.*): это «советники, которые в настоящее время пользуются самым большим доверием со стороны короля»³.

¹ Первоначальные проекты Декларации принца Оранжского, объясняющей причины его вторжения на территорию Британии, были составлены несколькими его сторонниками в Англии и затем пересланы в Гаагу. Здесь все они оказались в руках советника штатхаудера Нидерландов правоведа Гаспара Фагеля (1629–1688), занимавшего с 1672 г. пост великого пенсионария Голландии. Фагель написал на их основе и на базе норм права народов и гражданского права большой по объему и тяжелый для чтения вариант декларации, который был передан для перевода на английский язык Гильберту Бёнету. Бёнет же не только изложил текст Фагеля по-английски, но и существенно сократил его. См. об этом: Burnet's History of His Own Time: from the restoration of King Charles the Second to the Treaty of Peace at Utrecht, in the Reign of Queen Anne. London, 1875. P. 492.

² «It is both certain and evident to all men, that the publick peace and happiness of any State or Kingdom cannot be preserved, where the Laws, Liberties and Customs established by the lawful authority in it, are openly transgressed and annull'd: More especially where the alteration of Religion is endeavoured and that a Religion, which is contrary to Law, is endeavoured to be introduced» (The Prince of Orange. His Declaration: Shewing the Reasons, why he invades England. With a short preface and some modest remarks on it. London, M DC LXXXVIII [1688]. P. 4).

³ The Prince of Orange. His Declaration. P. 5.

Декларация обвиняла «злых советников» в том, что они «изобрели и привели в движение» королевское полномочие освобождать кого-либо от действия законов и приостанавливать законы, изданные властью короля и парламента, и тем самым лишать их юридической силы. «Нет ничего более определенного, — говорилось в декларации, — чем то, что никакие законы не могут быть изданы иначе, как согласием короля и парламента, подобным же образом законы, изданные в таком порядке для обеспечения общественного мира и безопасности нации и жизни и свобод каждого подданного в нем, могут быть отменены или приостановлены только той же самой властью»¹.

«Злые советники» обвинялись и в том, что нарушили законы, направленные против церквей и часовен, в которых отправлялась папская религия, а также законы против Ордена иезуитов: они добились издания королевского приказа на строительство отдельных церквей и часовен для отправления этой религии, восстановления ряда монастырей; они не только учредили несколько иезуитских колледжей для совращения юношества, но возвысили одного из представителей Ордена иезуитов до места члена Тайного совета и государственного министра. «Всем этим, — делала вывод рассматриваемая декларация, — они убедительно показали, что не ограничены никакими нормами или каким-нибудь правом и что подчинили достоинство и имущество подданных и установленную религию деспотической власти и произвольному правительству»².

Декларация приписывала «злым советникам» и посягательство на привилегии большинства городов, обладавших правом иметь представительство в парламенте, передачу управления такими городами своим ставленникам, многие из которых были папистами. «Злые советники» упрекались также в том, что они, «передав отправление правосудия в руки папистов, привели дела гражданского правосудия в состояние большой неопределенности»³.

После описания в своей декларации обвинений против «злых советников» принц Оранжский изложил способы искоренения всех зол, проистекавших из их деятельности. «Последним и великим ле-

¹ The Prince of Orange. His Declaration. P. 5.

² Ibid. P. 7.

³ Ibid. P. 9.

§ 2. Декларация принца Оранжского о мотивах его вторжения в Англию

карством от всех этих зол, — заявлял он, — является *созыв парламента* для защиты народа против зловредных интриг этих нечестивых советников»¹.

В заключительной части рассматриваемой декларации принц Оранжский объявлял, что считает себя готовым вторгнуться в Англию и привести с собой в эту страну достаточное количество войск, чтобы защититься от насилия «злых советников». «И мы, — продолжал он далее, — желая, чтобы намерение наше было правильно понято, подготовили для данной цели эту Декларацию, в которой дано правильное объяснение мотивов, побудивших нас к этому, поэтому мы полагаем теперь необходимым объявить, что эта наша экспедиция не стремится ни к какой другой цели, как иметь свободный и законный парламент, собирающийся так скоро, насколько это возможно, и для этого все последние хартии, посредством которых выборы от жителей бургов были ограничены вопреки старинному обычаю, следует считать недействительными и лишенными юридической силы; и подобным же образом все магистраты, которые несправедливо разогнаны, следует возратить к их старинным предписаниям и хартиям; и в особенности следует восстановить в прежней силе старинную хартию великого и знаменитого сити Лондона; и приказы о созыве членов парламента следует адресовать соответствующим должностным лицам, согласно закону и обычаю».

Главной задачей будущего парламента принц Оранжский объявлял подготовку законов, способных обеспечить защиту и поддержку протестантской религии, установление согласия между церковью Англии и всеми протестантскими инакомыслящими, защиту всех английских подданных от преследований за их религиозные верования, «не исключая и самих папистов». «Этому парламенту, — заявлял в своей декларации штадхаудер Нидерландов, — Мы передадим также исследование рождения притворного принца Уэльского и всех дел, относящихся к этому и к праву наследования [короны]. И Мы, со своей стороны, согласимся со всякой мерой, которая может гарантировать мир и счастье нации и которую свободный и законный парламент определит; так как мы ничего не имеем в виду в нашем предприятии, кроме сохранения протестантской религии, защиты всех людей от преследований за их вероисповедание и обеспечения

¹ The Prince of Orange. His Declaration. P. 10.

для всей нации свободного пользования всеми ее законами, правами и свободами при справедливом и законном правительстве»¹.

Намерение принца Оранжского вторгнуться с войском в Англию не было тайной для Джеймса II². По всей видимости, английский король знал и о подготовке советниками штадхаудера Нидерландов специальной декларации, объясняющей мотивы данного вторжения. 21 сентября / 1 октября 1688 года Джеймс II подписал прокламацию³, в которой заявил о том, что дал свое соизволение на созыв парламента в сити Вестминстер в ноябре месяце и приказ (*writ*) об этом будет издан в соответствующем порядке. «Мы полагаем необходимым объявить, — утверждал далее Джеймс II, — что нашей королевской целью является попытка упрочить юридическое основание всеобщей свободы вероисповедования для всех наших подданных, и мы полны решимости сохранять ненасильственно Церковь Англии скорее таким подтверждением нескольких актов о единообразии (*acts of uniformity*), чтобы они никогда больше не изменялись тем или иным способом, чем посредством отмены нескольких статей, налагающих наказания на лиц, не поддерживающих какие-либо церковные приходы или мероприятия в том смысле, в каком они предусматриваются в указанных актах, для использования и осуществления своей религии в противоречии с содержанием и целью указанных актов о единообразии. И для дальнейшего сохранения не только церкви Англии, но и протестантской религии вообще, мы желаем, чтобы римские католики оставались неспособными быть членами Палаты общин, посредством чего будут удалены имеющиеся у многих лиц страхи и опасения, что законодательная власть будет ими монополизирована и повернута против протестантов. Мы также заверяем всех наших любимых подданных, что будем готовы сделать все для их без-

¹ The Prince of Orange. His Declaration. P. 13.

² Одним из источников сведений о подготовке штадхаудером Нидерландов вторжения в Англию был для Джеймса II посланник короля Людовика XIV в Гааге. 30 августа / 9 сентября он сообщил об этом французскому послу при дворе английского короля Паулю Бариллону, который 4/14 сентября передал эти сведения Джеймсу II. См.: *Foxcroft H. C. The Life and Letters of sir George Savile, bart. first marquis Halifax. New York and Bombay, 1898. Vol. 2. P. 5.*

³ Текст указанной прокламации Джеймса II был опубликован в еженедельном периодическом издании под названием «The London Gazette», в выпуске от 20–24 сентября 1688 года.

опасности и благополучия, чтобы стать королем, всегда заботящимся о своем народе».

28 сентября / 8 октября Джеймс II издал прокламацию¹, в которой сообщил своим подданным о готовящемся «большом и внезапном вторжении» в Англию из Голландии вооруженных сил иностранцев с целью полного завоевания королевств Англии, Шотландии и Ирландии и подчинения их иностранной власти. Мы решили, заявляя в указанной прокламации Джеймс II, положиться (после Бога) «на истинные и старинные храбрость, веру и верность нашего народа, с которым мы часто рисковали своей жизнью ради чести нации и для которой против наших врагов мы твердо решили жить и умереть. И поэтому мы торжественно закликаем наших подданных оставить в стороне все формы враждебности, зависти и предубеждений и искренно и бодро объединиться вместе для защиты нас и своей родной страны, что одно только (под покровительством Бога) разрушит и расстроит главную надежду и план наших врагов, надеющихся найти наш народ разделенным и посредством публикации некоторых правдоподобных мотивов их прихода сюда, как то: благовидных, хотя и ложных претензий на поддержку протестантской религии, или защиту свобод и собственности нашего народа, уповать на завоевание великого и обновленного королевства». После такого заявления английский король объявил о своем намерении созвать в ноябре 1688 года парламент и заверял, что он будет в состоянии успокоить умы всех своих подданных в вопросах религии. Подтверждая обещание делать все для безопасности и благополучия своих подданных, Джеймс II восстановил действие старинных хартий английских родов.

В ответ на эти действия короля Англии, Шотландии и Ирландии принц Оранжский издал 14/24 октября 1688 года дополнительную Декларацию, в которой подтвердил свои намерения, объявленные в Декларации от 1/10 октября. «Мы уверены, — заявил он, — что никакие лица не имеют о нас столь тяжких мыслей, чтобы вообразить, что мы имеем какой-либо иной план в нашем предприятии, нежели обеспечить устройство религии и свобод и собственности подданных на столь прочном основании, чтобы не могло быть никакой

¹ Текст указанной прокламации Джеймса II был опубликован в выпуске от 27 сентября — 1 октября 1688 года «Лондонской газеты».

опасности для впадения нации в нечто подобное несчастью в какое бы то ни было время после этого». Отвечая на выдвинутое в его адрес королем Джеймсом II обвинение в том, что вынашивает намерение завоевать Англию, подчинить ее подданных иностранной власти, принц Оранжский ссылаясь на то, что вооруженных сил, которые он приведет с собой, будет недостаточно для завоевания нации и что он рассчитывает в этом своем походе, главным образом, на поддержку со стороны огромного числа знатных людей и джентри. «Невообразимо, — утверждал штадхаудер Нидерландов, — чтобы те, кто пригласил нас, или те, кто уже прибыли помогать нам, могли присоединиться к мерзкой попытке завоевания, чтобы сделать недействительными свои законные титулы на свои достоинства, имущества и выгоды». Принц Оранжский еще раз подтвердил и свое стремление собрать по прибытии в Англию свободный парламент. «И очевидно, — заявлял он, — что не может быть предложено никакого средства исправления или меры лечения, кроме парламента, с помощью Декларации о правах подданных, подвергшихся завоеванию»¹.

Как известно, венцом «славной революции» стала именно Декларация о правах, принятая лордами и общинами 12/22 февраля 1688/1689 года и вошедшая впоследствии в Билль о правах от 16/26 декабря 1689 года. Упоминание о ней в документе, подписанном принцем Оранжским 14/24 октября 1688 года, то есть за четыре месяца до того дня, когда она была принята английским конвентом, свидетельствует, что накануне своего вторжения в Англию принц имел четкий план действий, по меньшей мере, на несколько месяцев вперед.

Если исходить из того, что Декларация принца Оранжского о мотивах, побудивших его совершить вооруженное вторжение в Британию, писалась с целью сокрытия истинных намерений штадхаудера Нидерландов, то ее содержание трудно признать удачным. Слишком много было в нем сугубо надуманных утверждений, слишком мало было здесь логики. Не случайно король Джеймс II дал разрешение на публикацию этого документа с кратким предисловием и с небольшим комментарием к нему, а также с критическими замечания-

¹ «And it is plain, that there can be no Redress nor Remedy offered, but in Parliament, by a Declaration of the Rights of the Subjects that have been invaded» (The Prince of Orange. His Declaration: Shewing the Reasons, why he invades England. P. 16).

ми (*Animadversions*) на него в объеме 14-ти страниц¹ (в то время как основной и дополнительный текст Декларации принца Оранжского занимал 11 страниц). Автор критических замечаний не обозначил своего имени, но если судить по его высказываниям, это был человек очень умный и весьма осведомленный в делах Английского королевства, при этом он являлся протестантом по своему вероисповеданию.

Критическая статья о Декларации принца Оранжского писалась этим человеком в ноябре 1688 года, уже после того, как голландские войска высадились на побережье Англии, и начал он ее с объяснения причин, по которым при дворе короля Джеймса II долгое время не придавалось большого значения сведениям о том, что в Нидерландах идет подготовка к вооруженному вторжению в Англию. По его словам, кроме постоянных уверений нидерландского посла в том, что этого никогда не произойдет, поверить в реальность такого поворота событий мешало знание о том огромном влиянии, которое оказывал на ход дел в Нидерландах Уильям, принц Оранжский. Не укладывалось в голову, отмечал анонимный критик Декларации, что тот, «кто был рожден одной дочерью Англии и женат на другой, когда-нибудь приведет мир к расстройству в стране, по отношению к которой сама природа требовала от него испытывать нежные чувства»². Считалось «абсолютно невозможным, что он когда-либо сподвигнется принести огонь и меч в самую Англию, и будет самолично сражаться со своим тестем и дядей»³.

Главным основанием для вмешательства в дела Англии, Шотландии и Ирландии штатхаудер Нидерландов объявлял нарушения в них законов, свобод и обычаев, установленных «законной властью», попытки переменить религию, ввести религию, «противоречащую закону». При этом в его Декларации не содержалось конкретных фактов, которые могли бы свидетельствовать о том, что в период правления Джеймса II в Англии предпринимались попытки навязать

¹ См.: *Animadversions upon the Declaration of His Highness The Prince of Orange // The Prince of Orange. His Declaration: Shewing the Reasons, why he invades England. With a short preface and some modest remarks on it.* London, M DC LXXXVIII [1688]. P. 19–32.

² *Ibid.* P. 19.

³ *Ibid.*

римско-католическую веру всему населению, что состояние законности в английском обществе было хуже, чем, например, в государствах, составлявших Нидерланды. Но даже если допустить, что все это имело место, что законный порядок в Англии был действительно ниспровергнут, выбор принцем Оранжским в качестве главного средства исправления такой ситуации вооруженного вторжения в ее пределы кажется лишенным какой-либо логики. Приход иностранных войск в любую страну неизбежно нарушает существующий здесь мир и порядок. Отсюда очевидно, что вооруженное вторжение в Англию понадобилось принцу Оранжскому совсем не для восстановления законности.

Любопытно, что вину за ниспровержение в королевствах Англии, Шотландии и Ирландии законной религии, самих законов и свобод подданных, принц Оранжский возлагал не на короля, а на «злых советников», пользующихся королевским доверием. Анонимный автор «Критических замечаний на Декларацию Его Высочества Принца Оранжского» писал по этому поводу: «Если бы это давало Его Высочеству истинные основания, он мог бы также не слишком воздерживаться от выступления с подобной декларацией против многих, возможно, всех вообще наций, в которых теми, кто наблюдает за ними, обнаруживается больше рациональных и больше реальных причин для недовольства»¹.

Для критика Декларации принца Оранжского не было секретом участие в ее разработке ряда высших должностных лиц, состоявших на службе английскому королю и королевству. По его мнению, такие лица, пошедшие в услужение к иностранному властителю, запятнавшие себя предательством, больше заслуживали бы названия «злых советников», нежели те, которые сохранили верность своему королю. Однако принц Оранжский, оказывая доверие лицам, предавшим своего короля, не называл их «злыми советниками», но применял это выражение лишь к советникам, которые пользовались доверием короля.

Рассмотрев указанные в Декларации принца Оранжского «мотивы» для вооруженного вторжения в Англию, автор критических замечаний об этом документе пришел к выводу о том, что ничего похожего на мотивы в нем на самом деле нет, но есть лишь одно, «а именно

¹ Animadversions upon the Declaration of His Highness The Prince of Orange. P. 21.

*интерес»*¹. В оценке же объявленных принцем Оранжским целей военной экспедиции в Англию он не скрывал своего сарказма. Отметив, что штатхаудер Нидерландов имеет намерение собрать по прибытии с войском в Англию «свободный и законный парламент», а перед этим восстановить действие старинных хартий городов и, в особенности, Лондона, реформировать прежние магистраты и т. д., критик его Декларации заявил: «Человек не менее умный, чем я, подумал бы, что если его Высочество ничего больше этого не планирует, то он вполне мог бы оставаться дома. Так как все эти приготовления были сделаны, и он это знал еще до того, как сел на корабль. И свободный и законный парламент в настоящее время заседает или готовится заседать, если он это допустит. Скажем далее без церемоний, очевидно, что невозможно, чтобы его Высочество прибыл делать снова все то, что, как он знает, было сделано до него»².

Представив объявленные принцем Оранжским цели вооруженного вторжения в Англию как несерьезные, автор критических заметок о подписанной им Декларации задался вопросом, в чем же заключаются тогда подлинные намерения принца. Его ответ на этот вопрос был следующим: «Мы не можем воздержаться от подозрения о существовании у него некоторого тайного плана, хотя мы не обнаружили, что такой план есть. Однако если он не сказал нам о нем самолично, то не следует ли нам подозревать, что интерес может заставить принца Оранжского свергнуть короля, лишить титула принца его сына и захватить Корону для себя»³.

Для такого вывода Декларация принца Оранжского о мотивах его вторжения с войском в Англию давала достаточно оснований. Так, она вменяла «злым советникам», пользовавшимся доверием короля, в числе прочих «преступлений» создание ложного наследника королевского престола.

Ровно за четыре месяца до подписания принцем Оранжским рассматриваемой Декларации в королевской семье появился сын. Это

¹ «For nothing looks like a Reason but one. viz. interest» (Animadversions upon the Declaration of His Highness The Prince of Orange. P. 28).

² Ibid. P. 28.

³ «We could not forbear to suspect some design at bottom, though we had not found it own'd. But, if he had not told us so himself, we should hardly have suspected, that Interest could have drawn the Prince of Orange to dethrone the King, unprince his Son, and seize the Crown for himself» (ibid. P. 29).

означало, что английский королевский трон вряд ли мог теперь перейти после смерти Джеймса II к его дочери Мэри. Законным наследником оказывался ее младший брат Джеймс Фрэнсис, принц Уэльский. Принца Оранжского такая перспектива, естественно, не устраивала, хотя бы уже потому, что задача освобождения королевского трона усложнялась. Теперь недостаточно было свержения Джеймса II с королевского престола, требовалось еще и лишить прав на престол его сына и законного наследника. В своей Декларации принц Оранжский выразил сомнения в том, что рожденный мальчик действительно родился в королевской семье: «Существуют великие и сильные доводы, заставляющие нас поверить, что злые советники для того, чтобы провести в жизнь все свои намерения и получить для себя больше времени на их осуществление, в целях поощрения своих сообщников и расхолаживания всех добрых подданных обнародовали, что королева родила сына; хотя, как оказалось, и в течении притворной беременности, и в манере, в которой происходили роды, есть столько верных и очевидных оснований для подозрений, что не только мы сами, но все добрые подданные этих королевств охвачены сильными подозрениями, что притворный Принц Уэльский не был рожден королевой»¹.

Между тем роды королевы происходили в присутствии многочисленных свидетелей — тех лиц, которые и должны были присутствовать при такого рода событиях в королевской семье. Английский историк Дж. Макинтош писал об этом событии следующее: «В Троицын день, 10 июня, между 9 и 10 часами утра, родился принц Уэльский, в присутствии королевы-вдовы, большинства Тайного Совета и нескольких знатных леди; короче, всех, кто должны были выступать в таких случаях в качестве естественных свидетелей, за исключением принцессы Анны, которая была в Бате (Bathe), и архиепископа Кэнтерберийского, который был заключенным в Тауэре»². В распоряжении принца Оранжского и его супруги Мэри был полный список лиц, присутствовавших при родах королевы. Его предо-

¹ Animadversions upon the Declaration of His Highness The Prince of Orange. P. 12.

² Mackintosh J. History of Revolution in England in 1688. London, 1834. P. 280.

ставила принцессе Оранжской ее младшая сестра Анна в своих ответах на вопросы об этом событии¹.

Поднимать в Декларации о мотивах вторжения в Англию вопрос о наследовании королевского трона принцу Оранжскому не было бы никакой необходимости, если бы его военная экспедиция в Англию действительно, как он утверждал, не имела никакой другой цели, кроме той, чтобы «собрать насколько возможно быстрее свободный и законный парламент»². Этот вопрос мог иметь для принца Оранжского большое значение только при одном условии, а именно: *при наличии у него желаний и намерений захватить британский королевский трон*. Любопытно, что в своей Декларации он прямо заявил: «И так как наша дражайшая и всецело любимая супруга (cosort), принцесса, и равным образом мы сами, имеем столь огромный интерес в этом вопросе и такое же право, как известно всему миру, на наследование Короны... и так как английская нация всегда испытывала самую исключительную привязанность и уважение как к нашей дражайшей супруге принцессе, так и к нам самим, мы не можем отстранить себя от поддержки своих интересов в вопросе столь высокого значения и от содействия всем, что есть в нас, сохранению как протестантской религии, так и законов и свобод этих королевств (Англии, Шотлан-

¹ Так, на вопрос принцессы Оранжской о том, кто присутствовал при родах королевы, Анна ответила: «Когда Королева-Вдова пришла в комнату, она стала рядом с кроватью, после этого все встали у часов. В комнате находились лорд канцлер, лорд хранитель печати, два чэмберлена, лорд президент, лорд Мидлтон, лорд Крэвен, лорд Хантингдон, лорд Повис, лорд Дувер, лорд Питербург, лорд Мелфорд, лорд Дартмаут, сир Джон Фётели, лорд Престон, сир Николас Батлер, дюк Бофорт, лорд Беркли, лорд Мёррей, лорд Кастлемэйн; это были из Совета; а что касается других, то присутствовали лорд Февешэм, лорд Эррэн, сир Ст. Фокс и мистер Гриффин, позади пажей с черной лестницы и священников. Женщинами, которые присутствовали там, были: леди Питербург, леди Беллэсис, леди Эррэн, леди Тирконнель, леди Роскоммон, леди София Беркли, леди Фингал, мадам Мазарин, мадам Буиллон, леди Повис, леди Стрикленд, леди Крэвен, миссис Крэн, две португальские королевы-вдовы, миссис Бромлей, миссис Доусон, миссис Уолгрэйв, леди Уэнтворт и миссис Ферэйт. Все они стояли так близко, как могли».

² «So wee now think fit to DECLARE, that this our expedition is intended for no other designe, but to have a free and lawfull Parliament assembled, as soon as is possible» (The Prince of Orange. His Declaration: Shewing the Reasons, why he invades England. P. 12).

дии и Ирландии. — В. Т.) и обеспечению для них постоянного пользования всеми справедливыми правами»¹.

В своей Декларации принц Оранжский не просто требовал созыва «свободного и законного парламента», но перечислял меры, которые необходимо было предпринять для обеспечения этого. Более того, он намечал и ближайшую программу деятельности созванного парламента, называл законы, которые следовало, по его мнению, немедленно принять двум палатам парламента. Созыв парламента, принятие мер, обеспечивающих свободные выборы в Палату Общин, предложение проектов законов — все это входило в круг правомочий английского короля. И принц Оранжский брал их осуществление на себя. Таким образом, не выражая прямо в своей Декларации намерения стать королем, принц Оранжский вполне ясно давал понять, что, придя с войсками в Англию, *он будет действовать так, будто является английским королем.*

Впрочем, иной характер действий принца Оранжского был бы в тех условиях совершенно нелогичным. Нидерланды находились в октябре 1688 года в крайне враждебных отношениях с Францией², и военная экспедиция штадхаудера в Англию оказывалась очень рискованным предприятием. Отправляясь с войсками в эту страну, Вильгельм серьезно ослаблял оборону Соединенных Провинций в преддверии их прямого военного столкновения с Францией. При этом он вполне мог и не доплыть с войсками до берегов Британии, встретившись в проливе с английским флотом или со штормом. Вторгнувшись в пределы Англии, он мог столкнуться в бою с английской армией и втянуться в длительную войну. Возможно ли было принцу Оранжскому рисковать в такой сильной степени, ставя на карту свою жизнь и благополучие своей страны и не чужой для него Англии ради тех целей, которые он провозглашал в Декларации, то есть чтобы добиться созыва здесь «свободного и законного парламента»? Очевидно, что крайняя рискованность, почти авантюристность военной экспедиции принца Оранжского в Англию могла уравниваться только одним — реальной возможностью захвата им в результате данного

¹ The Prince of Orange. His Declaration: Shewing the Reasons, why he invades England. P. 12.

² Через девять дней после высадки принца Оранжского с войсками в Англии французский король Людовик XIV объявил Нидерландам войну.

предприятия британского королевского трона и, как следствие этого, приобретением в свое распоряжение людских и материальных ресурсов весьма состоятельной европейской страны.

Исход конфликта между Нидерландами и Францией, который длился уже многие десятилетия и с сентября 1688 года шел к новой войне между этими странами, в огромной степени зависел от того, на чьей стороне окажется Англия. Пока на английском королевском троне восседал Джеймс II, который, как известно, был не только католиком по своей вере, но и сыном француженки, существовала большая вероятность того, что Англия выступит, в конце концов, на стороне Франции¹. Захват штатхаудером Нидерландов английского королевского трона позволял ему втянуть Англию в войну против Франции².

§ 3. Финансовые тайны «славной революции»

Чтобы при вступлении на территорию Британии не потерпеть поражения при первом же столкновении с английской армией, принц Оранжский должен был иметь в своем распоряжении достаточное количество хорошо обученных войск. В распоряжении английского короля находилась сорокатысячная регулярная армия, и половину ее Джеймс II был в состоянии немедленно выставить против войск штатхаудера Нидерландов в случае, если они высадятся на побережье Англии. Следовательно, принц-завоеватель должен был иметь при себе не менее двадцати тысяч войск, а с учетом того, что в захваченных городах необходимо было оставлять военные гарнизоны, — на тысячу или две больше. И, как известно, в действительности Вильгельм привел в Англию войско численностью в двадцать одну тысячу человек³. Это были великолепно обученные воины, имевшие большой опыт участия в сражениях, вооруженные мушкетами и самыми

¹ Во время франко-нидерландской войны 1672–1678 гг. так и произошло — Англия, едва началась эта война, выступила против Нидерландов.

² Так и случилось на самом деле — 7/17 мая 1689 г. принц Оранжский, ставший незадолго до этого английским королем, объявил войну Франции.

³ См.: *Israel J. I. The Dutch role in the Glorious Revolution // The Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and its world impact / Ed. by J. I. Israel. Cambridge, 2003. P. 106, 124–125.*

грозными для того времени пушками, снаряженные всем самым совершенным, что имелось тогда в Европе для экипировки воинов. Нанять, вооружить и снарядить такую армию стоило огромных денег. А ведь еще нужны были повозки и лошади (принц Оранжский получил в свое распоряжение более пяти тысяч лошадей). А для переправки в Англию всех этих воинов с лошадьми, всего их вооружения и снаряжения, для отражения при этом возможного нападения английского флота нужны были сотни кораблей с моряками (пять тысяч служителей моря обеспечивали военный поход принца Оранжского в Англию).

Финансовое обеспечение «славной революции» 1688–1689 годов в Англии почему-то не принимается во внимание историками при ее объяснении. *А между тем именно в нем, по всей видимости, находится ключ к разгадке этого одного из самых таинственных и самых значительных по своим последствиям для последующего устройства мира событий европейской истории.*

Сохранившиеся в мемуарах и письмах лиц, причастных в той или иной степени к «славной революции», весьма скудные сведения о денежных средствах, предоставленных для осуществления военной экспедиции в Англию, показывают, что у этого события была не только политическая, религиозная, военная, но и *коммерческая* подоплека. Так, немалые деньги на оплату расходов по организации указанной экспедиции принц Оранжский получил от папы Иннокентия XI. Глава римско-католической церкви был в остром конфликте с Людовиком XIV, а Джеймс II являлся в его глазах самым преданным союзником французского короля. О том, что сумма, предоставленная римским папой принцу-кальвинисту, защитнику протестантской религии, была весьма значительной, свидетельствует тот факт, что для возврата долга штатхаудер Нидерландов предложил (вскоре после того, как занял британский королевский престол) передать в пользу римско-католической церкви свой личный фьеф Оранж, располагавшийся на юге Франции. Но Иннокентий XI к тому времени умер, а новый папа не захотел предавать публичной огласке финансовые связи своей организации с протестантским правителем¹.

¹ *Follain J.* William of Orange funded by the Pope // The Sunday Times. 2001. September 23.

Самые большие денежные суммы на обеспечение военной экспедиции в Англию принц Оранжский получил от проживавших в Нидерландах торговцев и финансистов — потомков евреев-сефардов, переселившихся сюда из Португалии и Испании. Среди спонсоров его вторжения в Англию были, в частности, Антонио Альварес Мачадо, Якоб Перейра, Лопес Суассо. Последний, передавая Уильяму два миллиона гульденов от своей семьи, сказал ему: «Если удача будет на вашей стороне, я знаю, что вы со мной рассчитаетесь; если же вам не повезет, я согласен их потерять»¹. Не меньшие суммы принц Оранжский получил и от ряда других торговых и банковский корпораций².

Нидерланды, официально именовавшиеся с 1581 года Республикой Соединенных Провинций, были в 80-е годы XVII века территорией, в высшей степени благоприятной для развития торгового и банковского капитала. Амстердам входил в число крупнейших мировых торговых и финансовых центров. Однако обострение противоречий между Нидерландами и Францией, вылившееся в ноябре 1688 года в очередную войну между этими странами, создавало серьезную угрозу для торговой и финансовой деятельности. Военные действия вполне могли быть перенесены Францией на территорию Соединенных Провинций. Французская сухопутная армия и французский флот были в то время сильнейшими в Европе. В этих обстоятельствах нидерландские торговцы и банкиры явно нуждались в новой, более надежной базе для ведения своей деятельности, поддержки торговой и финансовой экспансии. Расположенная на острове и отделенная от Франции проливом и штормами Англия — по-французски: *Angleterre*, то есть «земля в углу» — была в то время самой благоприятной территорией для создания такой базы³. Однако

¹ Цит. по: Джонсон Пол. История евреев. М., 2006. С. 232.

² Современный историк К. Х. Хэлей в своей статье «Голландия, вторжение в Англию и союз 1689 года» указывает, что штатхаудер Нидерландов получил у себя в стране осенью 1688 г. на обеспечение своей военной экспедиции в Британию 6 миллионов гульденов. См.: *Haley K. H. D. The Dutch, the invasion of England and the alliance of 1689 // The Revolution 1688–1689: Changing perspectives / Ed. by Lois G. Schwoerer. Cambridge, 2003. P. 21.*

³ О том, что у «славной революции» 1688 года в Англии, совершенной в результате вторжения войск под командованием Уильяма, принца Оранжского, была, помимо прочих, и указанная — торгово-финансовая — подоплека, свидетельствуют многие факты из его государственной деятельности на королевском троне в Ан-

для этого необходимо было, чтобы принц Оранжский стал английским королем (и соответственно королем Шотландии и Ирландии). Можно не сомневаться, нидерландские торговцы и банкиры никогда бы не предоставили своему штадхаудеру столь большие денежные суммы на военный поход в Англию, если бы не были уверены, что он изначально шел в поход только за КОРОНОЙ, а не за моральным удовлетворением от созыва в этой стране «свободного и законного парламента».

глии. Любопытно, что после того, как Уильям стал британским королем, в Британию переселились многие торговцы и финансисты из Нидерландов и среди них в первую очередь те, которые финансировали его военную экспедицию и захват королевского трона. Об этих фактах пойдет речь в моей книге, посвященной развитию Английского государства в конце XVII – начале XVIII в.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вторжение армии принца Оранжского в Англию. Поход нидерландских войск на Лондон

§ 1. Начало военной экспедиции принца Оранжского в Англию

5/15 ноября 1688 года принц Оранжский высадился со своим войском на побережье Англии, в порту Торбей (*Torbay*). Джеймс II был чрезвычайно расстроен этой новостью: он совершенно ясно сознавал, с каким намерением штадхаудер Нидерландов вступил на британскую землю, но не мог понять, как могло это намерение уместиться в душе его племянника и мужа его дочери.

В прокламации, изданной на следующий день, король дал, тем не менее, вполне спокойную и здравую оценку действиям своего родственника. Содержание этого документа стоит того, чтобы привести его полностью:

«Мы не можем не рассматривать это вторжение в наше королевство принца Оранжского без ужаса, столь нехристианским и неестественным является предприятие, осуществленное лицом, состоящим в таком близком отношении с нами; потому что это поступок, влекущий величайшее потрясение, заставляющий нас размышлять о многих несчастьях и бедствиях, которые армия иностранцев и мятежников должна неизбежно навлечь на наш народ. Слишком очевидным является из последней декларации, опубликованной им, что несмотря на многие выдвигаемые им благовидные и правдоподобные претензии, его намерения в глубине своей не предполагают ничего меньшего, чем полную узурпацию нашей короны и королевской власти, что в полной мере проявляется в принятии им на себя в указанной декларации королевского звания, в требовании им от пэров королевства, как духовных, так и светских, и от всех других лиц всяких степеней повиновения себе при исполнении его планов, что составляет прерогативу имперской короны этого королевства. И для более несомненного доказательства наличия в нем неумеренной амбиции,

которую ничто не может удовлетворить, кроме как немедленное обладание самой короной, он поднимает вопрос о законном рождении Принца Уэльского, очевидного нашего сына и наследника, хотя провидением Господа при его рождении присутствовало столь много свидетелей, пользующихся несомненным доверием, что это кажется особой заботой небес в целях разоблачения столь гнусной и беспрецедентной попытки. Для осуществления своих амбициозных намерений он, кажется, выражает в заключении своей декларации желание подчинить все решению свободного парламента, надеясь посредством его снискать расположение у нашего народа, хотя нет ничего более очевидного, что парламента не может быть свободным, как скоро в сердце наших королевств находится армия иностранцев; так что, по правде говоря, он сам и есть единственная преграда для такого свободного парламента: мы окончательно решили, как уже объявили об этом, что как только милостью Божией наше королевство освободится от этого вторжения, сразу созовем парламента, свободное избрание которого нельзя будет подвергнуть малейшему сомнению, так как мы действительно восстановили все старинные права и привилегии бургов и корпораций нашего королевства, от которых мы будем готовы не только получать и удовлетворять все справедливые недовольства и жалобы наших добрых подданных, но также повторять и подтверждать гарантии, каковые мы уже им дали в нескольких наших декларациях нашего решения, по милости Божией, поддерживать их в их религии, в их вольностях и в собственности, и во всех других каких-либо справедливых правах и привилегиях.

На этих соображениях и обязательствах, вытекающих из их долга и естественной верности, мы не можем никоим образом сомневаться, что все наши преданные и любящие подданные охотно и искренно согласятся и соединятся с нами в деле полного подавления и изгнания тех наших врагов и мятежных подданных, которые столь оскорбительно и вероломно вторглись и нарушили мир и спокойствие наших королевств».

Начало военной экспедиции принца Оранжского в Англию не предвещало ему быстрой и полной победы над Джеймсом II. Местное население встретило нидерландские войска довольно прохладно. Местные власти отказывали принцу Оранжскому в содействии. И даже явные его сторонники среди английских подданных не спешили предать своего короля.

На следующий день после высадки на побережье Англии Вильгельм двинулся со своей армией к Эксетеру — главному городу графства Девоншир. Эксетер находился всего в 20 милях от Торбея, но нидерландские войска шли к нему три дня — под непрекращающимся дождем, по размытой небесной водой продуваемой холодным ветром дороге. Офицер Хикс, посланный туда принцем Оранжским с поручением сообщить о предстоящем прибытии его высочества в город, был по приказу мэра арестован. Вслед за ним к Эксетеру прискакали с отрядом кавалерии лорд Мордонт (*Mordaunt*) и Гильберт Бёнет. При их приближении городские ворота были закрыты — открылись они лишь после того, как лорд выкрикнул угрозу предать смертной казни любого, кто помешает ему въехать в этот город. 9/19 ноября в Эксетер прибыл принц Оранжский — мэр города отнесся к его высочеству как к обычным визитерам, то есть не обратил на него ни малейшего внимания. Епископ же Эксетера Лэмплаг (*Lampugh*) покинул город и отправился в Лондон, как только услышал о высадке в Торбее нидерландских войск.

11/21 ноября епископ Бёнет произнес в городской церкви длинную проповедь на тему последних строк 107-го псалма («Кто введет меня в укрепленный город? Кто доведет меня до Едома¹? Не Ты ли, Боже, Который отринул нас и не выходишь, Боже, с войсками нашими? Подай нам помощь в тесноте, ибо защита человеческая суетна. С Богом мы окажем силу: Он низложит врагов наших»). Епископ хотел показать этой проповедью, что принц Оранжский имеет на своей стороне Господа Бога. После проповеди Бёнет начал читать декларацию его высочества о причинах вторжения с войсками в Англию. Но как только он произнес ее первые строки, большинство из присутствовавших в храме священников, хористов и прихожан удалились. Тем не менее Бёнет дочитал текст этого документа до конца и, завершая свое выступление, воскликнул: «Боже, спаси принца Оранжского!» В декларации, зачитанной епископом, не говорилось прямо о том, что целью вооруженного вторжения нидерландских войск в

¹ В данном случае Едом (на латинском: *Idumea*) — название страны. Она существовала приблизительно в XI–VIII в. до н. э. и располагалась на юге от Мертвого моря. На севере Едом граничил с Иудейским царством, севернее которого находилось, в свою очередь, царство Израиля. Едомиты отличались враждебным отношением к иудеям и израильтянам. Израиль периодически воевали с Едомом и в конце концов захватил территорию этого государства.

Англию является свержение короля Джеймса II. Восклицая «Боже, спаси принца Оранжского!» вместо «Боже, спаси короля!», епископ Бёнет фактически объявлял о свержении Джеймса II с английского королевского престола.

Двенадцать дней принц Оранжский стоял с армией в Эксетере (по словам епископа Бёнета, «как для подкрепления своих войск, так и для того, чтобы дать стране время выказать свои настроения»¹). В первую неделю к нему не присоединилось ни одного сколько-нибудь знатного и влиятельного человека из английских подданных. Более того, не появилось никого, кто хотя бы просто выразил поддержку его намерениям. В разговорах со своими приближенными и в письме к своему советнику Гаспару Фагелю (от 16 ноября 1688 г.) Уильям не скрывал разочарования по этому поводу и грозился по возвращении в Гаагу обнародовать имена английских аристократов, обещавших поддержать его военную экспедицию в Англию и не выполнивших этого обещания. Принц имел в виду прежде всего тех, кто 30 июня / 10 июля 1688 года отправил в адрес его высочества приглашение прийти в Англию с войсками. Эти лица не указали в тексте приглашения своих подлинных имен, скрыв их за цифрами — 24, 25, 27, 29, 31, 33, 35, но принцу Оранжскому они были известны².

15 ноября принц Оранжский выступил с речью перед представителями землевладельцев (*gentlemen*) Сомерсетшира и Дорсетшира. «Наш долг перед Богом, — сказал он, — обязывает нас защищать протестантскую религию и нашу любовь к человечеству, наши вольности и права на имущество. Мы ожидали от вас, живущих столь близко от места нашей высадки, что вы присоединитесь к нам быстрее; не потому, что сейчас слишком поздно это сделать, не потому что мы нуждаемся в вашей военной помощи, но более для того, чтобы иметь с вашей стороны моральную поддержку и присутствие для оправдания объявленных нами притязаний, чем для осуществления наших добрых и милостивых намерений. Хотя мы взяли с собой хороший флот и хорошую армию для содействия счастью этих королевств пу-

¹ Burnet's history of his own time: from the restoration of King Charles the Second to the Treaty of Peace at Utrecht, in the reign of Queen Anne. London, 1875. P. 500.

² За цифрой 24 скрывался William Cavendish, Earl of Devonshire, за цифрой 25 — Charles Talbot, Earl of Shrewsbury, 27 — Thomas Osborne, Earl of Danby, 29 — Richard Lumley, Lord Lumley, 31 — Henry Compton, Bishop of London, 33 — Henry Sidney, 35 — Edward Russell.

тем спасения всех протестантов от папизма, рабства и произвольной власти; посредством восстановления протестантов в их личных и имущественных правах, установленных правом, и содействием миру и торговле, которые являются душой правительства и самым что ни на есть источником жизненной силы нации; однако мы полагаемся более на милость Бога и справедливость нашего предприятия, чем на какую-либо человеческую силу и чью бы то ни было власть. Однако, если Бог позволит, мы используем человеческие средства». В заключение своего выступления принц Оранжский заверил, что сердечно примет всех джентльменов, друзей и протестантов при своем дворе и лагере. «Пусть весь мир теперь судит, — заявил он, — справедливы ли наши претензии»¹.

Принц Оранжский открыто признавал в приведенной речи, что главной своей опорой он считал нидерландские войска, поддержка же со стороны англичан ему была нужна лишь для оправдания вооруженного вторжения в Англию. При ее отсутствии военная экспедиция штадхаудера Нидерландов в чужую страну представляла не иначе, как агрессия одного государства против другого.

С целью обеспечения своим действиям моральной поддержки среди английских подданных принц Оранжский постарался широко распространить Декларацию о причинах, побудивших его появиться в Англии с войсками. Тысячи экземпляров этого документа были по распоряжению штадхаудера Нидерландов в условиях строгой секретности и наивозможной быстротой отпечатаны в типографиях Амстердама, Гааги и Роттердама. До конца 1688 года было выпущено в свет двадцать одно издание указанной Декларации, в восьми из них ее текст излагался на английском, в остальных — на французском, немецком, голландском и латинском языках².

¹ The Speech of Prince of Orange to some principal gentlement of Somersetshire and Dorsetshire on their coming to join his Highness at Exeter, the 15th of November, 1688 // A Fourth Collection of Papers relating to the present juncture of affairs in England. London, 1688. P. 18. См. также: The Harleian Miscellany; or, a collection of scarce, curious, and entertaining pamphlets and tracts, as well in manuscript as in print, found in the late Earl Of Oxford's Library, interspersed with historical, political, and critical notes (далее: The Harleian Miscellany). Vol. 9. London, 1810. P. 220–221.

² The Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and its world's impact / Ed. by Jonathan I. Israel. Cambridge, 2003. P. 13–14. Перевод текста Декларации принца Оранжского на латинский язык был выполнен известным в то время во всей Европе немецким правоведом Самуэлем Пуфендорфом.

По словам историка Йонатана Израэля, «Декларация принца Оранжского стала величайшим и наиболее решительным из пропагандистских ходов раннего периода Нового времени»¹. Доверенное лицо штадхаудера Нидерландов Ганс Виллем Бентинк, граф Портландский (*Hans Willem Bentinck, graaf Portland*, 1649–1709) сумел с помощью своих агентов доставить напечатанные экземпляры Декларации во все ключевые населенные пункты Англии и Шотландии. Накануне высадки войск принца Оранжского на побережье Англии и во время их движения к Лондону эти экземпляры распределялись среди населения. Публичное чтение текста Декларации на площади или в церковном храме, происходившее после вступления нидерландских войск в какой-либо английский город, служило в качестве церемонии, символизировавшей переход его под власть принца Оранжского.

В течение ноября–декабря 1688 года Декларация принца Оранжского быстро распространилась по всей Британии. Одновременно она получила хождение в Европе и в Северной Америке. Познакомились с Декларацией принца Оранжского и члены королевского двора. Лорд Кларендон признался впоследствии в своих мемуарах, что впервые прочитал ее по копии, принадлежавшей принцессе Анне, которая, в свою очередь, взяла ее у своего отца короля Джеймса II.

Его величество поначалу приказал своим должностным лицам всячески препятствовать распространению указанной декларации. 2/12 ноября 1688 года им была издана прокламация, запрещающая всем лицам «публиковать, распространять или пересказывать какую-либо из бумаг и деклараций принца Оранжского, читать, получать, скрывать или хранить их»². Осознав, что такие способы борьбы с пропагандой принца Оранжского неэффективны, король отказался от них и распорядился принять все меры для дискредитации его Декларации. В конце концов, Джеймс согласился на то, чтобы этот документ напечатали в лондонской типографии вместе с заметками, подвергающими его содержание критике.

¹ The Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and its world's impact. P. 14.

² *Luttrell N.* A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. In six volumes. Vol. 1. London, 1857. P. 473.

В ответ на пропаганду штадхаудера Нидерландов, направленную против политики английской королевской администрации, Джеймс II развернул пропагандистскую кампанию против него. Одновременно его величество предпринимал попытки собрать как можно больше сведений о вторгнувшихся в пределы Английского королевства нидерландских войсках. По его распоряжению в Эксетер были посланы шпионы, снабженные деньгами. Английский король имел в своем распоряжении армию, не уступавшую по численности войскам принца Оранжского, но не спешил применить ее против них. Прошло одиннадцать дней после высадки иностранных войск на побережье Англии, прежде чем Джеймс II решился, наконец, выступить с армией навстречу принцу Оранжскому¹.

§ 2. Отъезд Джеймса II из Лондона в Солсбери. Неудача попытки короля остановить вторжение нидерландских войск

Местом сбора своих войск его величество определил город Солсбери (*Salisbury*), находившийся на пути из Эксетера к английской столице. Отъезд же из Лондона король назначил на 17/27 ноября. Днем ранее он получил петицию, подписанную архиепископом Кентерберийским Уильямом Сэнкрофтом и восемнадцатью представителями английской духовной и светской знати². Лорды призывали Джеймса II созвать парламент, «постоянный и свободный во всех его обстоятельствах». Это «единственный очевидный способ сохранить Ваше Величество и Ваше королевство», — заявляли они в петиции. «Поэтому мы настоятельно просим Ваше Величество, чтобы Вы милостиво соизволили со всей быстротой созвать такой парламент, в

¹ По свидетельству Нарцисса Латтрелла (*Narcissus Luttrell*), после того, как Джеймсу II сообщили о высадке нидерландских войск на побережье Англии, король вызвал к себе лорда мэра и олдмерэна Лондона и, передав им эту новость, сказал, что поручает им заботиться о городе в его отсутствие, а в случае, если он падет в сражении, провозгласить наследником короны своего сына-младенца, принца Уэльского (*Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. In six volumes. Vol. 1. London, 1857. P. 473.*

² Избранным архиепископом Йорка, епископами Сэнт Эзепы (Северный Уэльс), Элая (*Ely*), Рочестера (*Rochester*), Питебара (*Peterborough*), Оксфорда (*Oxford*), двумя герцогами, шестью графами, одним виконтом и тремя баронами.

котором мы готовы выдвинуть такие предложения и решения относительно мира и устройства в церкви и государстве, которые будут способствовать сохранению достоинства и безопасности Вашего Величества и успокоению умов Вашего народа. Мы также покорнейше просим Ваше Величество использовать тем временем такие средства для предотвращения пролития христианской крови, которые кажутся наиболее подходящими Вашему Величеству». Джеймс II дал на эту петицию следующий ответ: «То, что вы просите от меня, я сам наистрастно желаю: и Я обещаю вам честью короля, что созову парламент и именно такой, о котором вы меня просите, как скоро принц Оранжский покинет это королевство; ибо как может быть парламент свободным во всех обстоятельствах, согласно вашей петиции, в то время, когда враг находится в королевстве»¹.

Накануне отъезда из Лондона Джеймс II получил первые известия о случаях перехода офицеров его армии на сторону принца Оранжского². Среди предателей были и представители аристократии. Так, нидерландцам предались лорд Кольчестер (*Colchester*), лорд Обингтон (*Abington*), сын лорда Уортон (*Wharton*), брат лорда Рассела (*Russel*). В числе предателей оказался и племянник первой супруги короля Джеймса — герцогини Йоркской — виконт Корнбёри (*Cornbury*), старший сын лорда Кларендона (*Clarendon*), служивший высшим офицером в кавалерийской части, которая была расположена в Солсбери. Лорд Кларендон, узнав о переходе сына на сторону принца Оранжского, бросился к своему королю просить прощения. Джеймс II заверил, что прощает его, хотя и очень сожалеет о преда-

¹ State tracts, being a farther collection of several choice treaties relating to the government from the year 1660 to 1689; now published in a body, to shew the necessity, and clear the legality of the late revolution, and our present happy settlement, under the auspicious reign of their majesties, King William and Queen Mary (далее: State tracts). London, 1692. P. 430–431.

² По словам историка Дж. Макинтоша, «майор Бёрингтон (*Burrington*) называется среди первых джентльменов, присоединившихся к принцу. За ним последовал сэр Эдуард Сеймур, который сразу же стал принимать ведущее участие в общественных делах. По его предложению было составлено соглашение об ассоциации, подписанное всеми присоединившимися лордами и джентльменами. “Без этого, — говорил он, — друзья принца могли бы разойтись, когда пожелали бы”» (*Mackintosh J. History of the Revolution in England in 1688, comprising a view of the reign of James II.* London, 1834. P. 483).

тельском поступке его сына. Лорд Кларендон пошел домой успокоенный, но спустя некоторое время и он предаст своего короля.

Прибыв к вечеру 19/29 ноября в штаб-квартиру своей армии в Солсбери, Джеймс II узнал, что сюда не подошли еще артиллерия, часть пехотных подразделений, ирландские и шотландские драгуны. Но самым большим огорчением для него стали известия о новых случаях перехода ряда офицеров английской армии на сторону принца Оранжского. Именно предательства со стороны командиров своих войск король больше всего опасался в ситуации, сложившейся после высадки нидерландских войск на побережье Англии.

Штадхаудер Нидерландов подходил в это время со своими войсками к Аксминстеру, расположенному в 60 милях от Солсбери. Он двигался медленно, надеясь тем самым оттянуть на возможно более длительный срок столкновение с армией Джеймса II¹. Король же, ознакомившись с реальным состоянием своей армии, стал опасаться ее встречи с нидерландскими войсками. 22 ноября / 2 декабря он собрал высших офицеров и спросил у них совета, что ему делать в сложившейся ситуации. Лорд Февершэм (*Feversham*), Лорд Данбартон (*Dunbarton*) и граф Ройе (*Roye*) рекомендовали его величеству отступить в Лондон, лорд Черчилль (*Churchill*) предложил остаться в Солсбери. Король согласился с первым советом, сказав при этом, что наступать против врага надо было раньше.

В ночь, которая последовала после этого совещания, лейтенант-генерал (*Lieutenant-general*) лорд Черчилль покинул Солсбери и отправился вместе с внебрачным сыном Карла II герцогом Грэфтоном (*Grafton*), полковником Беркли (*Berkeley*) и рядом других офицеров своей кавалерийской части в расположение войск принца Оранж-

¹ В письме, написанном одним из участников военной экспедиции принца Оранжского какому-то знатному лицу и датированном 1 декабря 1688 г., этот поход описывался следующим образом: «Когда его высочество оставил Эксетер, в среду 21 ноября, он двигался со своей собственной охраной, сопровождаемый огромным множеством джентри как Сомерсетшира, так и Девона к Сент Мэри Оттери (название городка. — *B. T.*), где он обедал; после чего он двинулся к Аксминстеру, где оставался в течение четырех дней» (*The Expedition of His Highness the Prince of Orange for England: giving an account of the most remarkable passages thereof, from the day of his setting sail from Holland, to the first day of this instant December, 1688 // The Harleian Miscellany. Vol. 9. P. 218*). Нарцисс Латтрелл в качестве даты выхода принца Оранжского из Эксетера называет 19 ноября (*Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. P. 478*).

ского. В письме, оставленном для короля, лорд-предатель постарался объяснить мотивы своего поступка, который не мог не казаться странным для тех, кто знал, как Джеймс II покровительствовал этому человеку, продвигая его по службе. «Сэр, — обращался он к его величеству, — так как люди редко бывают заподозрены в искренности, когда они действуют противоположно своим интересам; и хотя мое почтительное к Вашему Величеству поведение в наихудшие времена (за которое, я признаю, мои жалкие услуги были сверхвознаграждены) не может быть достаточным, чтобы склонить Вас к толкованию моих действий как бескорыстных, я, однако, надеюсь, что великая благосклонность, которой я пользовался со стороны Вашего Величества и которую я не могу никогда ожидать при какой-либо другой перемене правления, вполне может убедить Ваше Величество и мир, что я действовал под влиянием высшего начала». Далее лорд Черчилль объяснял королю, что его поступок был продиктован его религиозными убеждениями и, в частности, нежеланием вступать в конфликт со своим протестантским сознанием. Заверив Джеймса II, что будет стремиться «защищать его королевскую персону и законные права со всем подобающим в этом случае заботливым отношением и почтительным уважением», лорд Черчилль закончил свое письмо выражениями наивысшего уважения к королю, которые после совершенного им предательства выглядели не иначе, как издевкой: «Вашего Величества предельно исполненный сознания долга и наиболее благодарнейший подданный и слуга»¹.

Предательство лорда Черчилля окончательно убедило Джеймса II в необходимости ехать в Лондон. 24 ноября король вместе с пехотой покинул Солсбери и направился в расположенный неподалеку Андвур. Для прикрытия своего отхода он оставил в Солсбери кавалерию под командованием лорда Февершэма.

Утром 25 ноября / 5 декабря Джеймс II получил сообщение о том, что оставшийся в Солсбери муж его дочери Анны принц Георг Датский сбежал ночью к принцу Оранжскому. В записке, оставленной для тестя, принц-предатель указал, что принужден порвать с ним по причине своей приверженности к протестантству и потому, что его величество состоит в союзе с французским королем Людовиком XIV, направленным против всех монархов-протестантов. Упрек этот был

¹ The Lord Churchill's Letter to the King // The Harleian Miscellany. Vol. 9. P. 221.

весьма странным, поскольку Дания — родная для принца Георга страна — также состояла в то время в союзе с Францией.

Выйдя в тот же день из Андувра, английский король переправился с верными ему войсковыми подразделениями через Темзу, и, расставив их в Мейденхеде, Виндзоре, Стейнзе, Эгхэме, Чертсее, Колнбруке и в других местах, примыкающих к реке, вступил 26 ноября / 6 декабря в Лондон.

Позднее историки будут упрекать Джеймса II за то, что он не решился немедленно после получения известия о высадке иностранных войск на побережье Англии направить навстречу им свою армию. «Это была, возможно, решающая ошибка в королевской системе защиты, — напишет историк Дж. Макинтош в своей “Истории революции в Англии в 1688 году”. — Ему следовало прикрыть столицу одним из воинских подразделений и держать другую мобильную армию в центральном месте готовой двинуться туда, где появится неприятель. Такой была защита Елизаветы против армады. Джеймс, правда, не имел ни ее способных и верных слуг, ни ее силы характера, ни, короче, всего того, что было ей свойственно, за исключением ее примера, которому он не последовал. Странным являлось то, если было что-либо странным в его поведении, что он не исполнил своего собственного намерения немедленно выступить против принца Оранжского силами гарнизона и других войск, имевшихся в его распоряжении, не ожидая прибытия войск с севера»¹.

Между тем нерешительность Джеймса II, проявленная им после вооруженного вторжения в Англию штадхаудера Нидерландов, имела вполне рациональное основание. Английский король не сумел добыть точных сведений о количестве и вооружении нидерландских войск, высадившихся в Торбее, но он знал многое об армии принца Оранжского во время ее пребывания на континенте. В этой армии служили сотни английских офицеров, и немалое их число возвратилось в свою страну незадолго до начала военной экспедиции принца Оранжского в Британию. Другим источником сведений о нидерландских войсках были для Джеймса II его послы в европейских странах. Среди них особо важным информатором являлся для английского короля его чрезвычайный посланник в Гааге с 1687 года Игнатиус Уайт, маркиз Д'Альбевиль (*Ignatus White, marquis D'Albeville*,

¹ Mackintosh J. History of the Revolution in England in 1688. P. 482.

1653–1694). 30 октября он сообщил Джеймсу II из Гааги, что подготовленная к вторжению в Англию армия насчитывает приблизительно 21 000 человек. В описаниях военной экспедиции принца Оранжского, изданных в Нидерландах вскоре после ее завершения, численность войск, находившихся в его распоряжении после высадки на английском побережье, определялась цифрой в 23 000 человек¹. В дневнике Нарцисса Латтрелла численность одних только голландских воинов среди высадившихся в Англии определялась — на основании списка, напечатанного в Голландии, — следующими цифрами: 10 692 пеших воина и 3660 всадников, всего, таким образом, — 14 352 человека². Кроме того, в состав армии вторжения входили, как сообщал 30 октября 1688 года маркиз Д'Альбевиль, военные отряды волонтеров-гугенотов, насчитывавшие в целом не менее 5000 человек³. К ним следует добавить отряды артиллеристов и просто наемников из различных европейских стран. И все это не считая вспомогательных войск, обеспечивавших тыл армии принца Оранжского. Естественно, что для переправки такого количества воинов через Ла-Манш необходимо было задействовать огромный флот. Из документов голландской адмиралтейской коллегии следует, что Оранжский имел в своем распоряжении 400 транспортных кораблей (90 из них было предназначено для лошадей), 53 военных корабля и 10 брандеров (*fireships*) для их эскорта⁴.

О том, какой была нидерландская армия, высадившаяся 5/15 ноября 1688 года на юго-западном побережье Англии, некоторое представление дает и написанное 24 ноября / 4 декабря из Эксете-

¹ Эта цифра приводится в таких книгах, как, например: *Hollandse Mercurius, verhalende de voornaemste saken van staet en andere voorvallen die in en omtrent de Vereenigde Nederlanden en elders in Europa in het jaar 1688 zijn geschiet*. Haarlem, 1689. P. 275; *Lambert van den Bos. Leven en Bedryf van Willem de Derden, koning van Groot Brittanien*. Amsterdam, 1694. Vol. 1. P. 255.

² *Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714*. P. 474.

³ См. об этом: *Israel J. I., Parker G. Of Providents and Protestant Winds: the Spanish Armada of 1588 and the Dutch Armada of 1688 // The Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and its world's impact*. P. 337.

⁴ См. об этом: *Hollandse Mercurius*. P. 277; *Israel J. I., Parker G. Of Providents and Protestant Winds: the Spanish Armada of 1588 and the Dutch Armada of 1688*. P. 337; *Israel J. The Dutch Republic: Its Rise, Greatness, and Fall, 1477–1806*. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 848–849.

ра (Эксона) письмо одного англичанина, поступившего на службу в армию принца Оранжского в подразделение лорда Мордонта (*Lord Mordaunt's regiment*). «Когда я пришел сюда, — пишет он, — я попытался собрать информацию, самым лучшим способом, которым только мог, относительно численности и качества армии принца, и все делали в целом вывод о том, что их около тридцати тысяч, все они отборные люди, и многие из них лично участвовали в осаде Буды. Они определенно кажутся людьми решительными, хорошо дисциплинированными и храбрыми, необыкновенно рослыми, и их вооружение соответствует этому: мушкеты, мечи и пики у них большие размером, чем виденные мною когда-либо прежде»¹.

Джеймс II имел постоянную армию общей численностью около 50 000 воинов — ни у кого из его предшественников по трону не было таких вооруженных сил. Однако выставить против двигавшихся к Лондону войск принца Оранжского английский король мог менее половины своей армии. Ее подразделения были рассредоточены по территории Англии, Ирландии и Шотландии и требовалось немало времени для того, чтобы собрать их воедино и двинуть в организованном порядке навстречу врагу. Кроме того, армия Джеймса II не имела такого боевого опыта, который приобрели во время военных конфликтов на континенте войска принца Оранжского, и явно уступала им качеством своей боевой выучки. Британские воины не отличались дисциплиной, которой славились воины штадхаудера Нидерландов, и вооружены они были намного хуже своих противников из Нидерландов. Но самое главное — Джеймс II не имел полного доверия к руководству своей армии. В его распоряжении были сведения о том, что многие командиры из протестантов готовы изменить ему и перейти на сторону противника. Одним из главных источников таких сведений являлся сам принц Оранжский — распространение их составляло часть пропагандистской войны, развязанной им против английского короля. Джеймс II мог бы отнестись к ним как к обыкновенным слухам, сопровождающим любое крупное событие в политической жизни общества, но дело в том, что ко времени его прибытия в Солсбери предательство ряда лиц, состоявших у него на службе, стало свершившимся фактом.

¹ A Futher Account of the Prince's Army, in a Letter sent from Exon, dated Nov. 24 // The Harleian Miscellany. Vol. 9. P. 219.

В этих условиях отказ Джеймса II от прямого военного столкновения с принцем Оранжским проистекал вовсе не из его трусости. Он участвовал в нескольких сражениях до того, как стать королем, и во всех них показал себя достаточно храбрым командиром. И отправляясь из Лондона в Солсбери, он был уверен, что даст жестокий бой своему наглому зятю, посмевавшему прийти на землю своей матери, супруги и тестя с войсками. Но, получив первые сведения о высадившейся на побережье Англии нидерландской армии, Джеймс II понял, что с имевшимися в его распоряжении военными отрядами ему не выиграть сражения с ней. В то же время английскому королю было очевидно, что поражение в военном столкновении с принцем Оранжским не оставит ему никаких шансов на сохранение своей власти. Отступление с верными войсками к Лондону было для него в этих условиях единственно правильным решением. Данное отступление, безусловно, вело к упадку морального духа королевской армии, но поражение в сражении с нидерландскими войсками стало бы для Джеймса II просто катастрофой. Выбрав отступление к Лондону, английский король предпочел *плохой* вариант развития событий *более худшему*.

§ 3. Возвращение короля Джеймса II в Лондон

Первая же новость, которую Джеймсу II сообщили в Лондоне, привела его в полное отчаяние — его дочь принцесса Анна последовала за своим мужем¹. Джеймс не сдержал слез, услышав сообщение об этом. «Боже! Помогите мне — мои дети покинули меня», — зарыдал он. Не осмелившись написать своему отцу, принцесса Анна объяснила свой поступок в записке, адресованной к его супруге, которую она, словом сказать, люто ненавидела. «Мадам! — обращалась она к Мэри Модене. — Прошу Вашего прощения, если я была столь глубоко расстроена удивительными новостями об уходе принца; так как я была не в состоянии свидеться с Вами, то оставляю эту бумагу для того, чтобы выразить свой смиренный долг перед королем и Вами и сообщить Вам, что я удаляюсь, дабы избежать недовольства со сторо-

¹ Вместе с ее высочеством к принцу Оранжскому отправились, как отмечается в дневнике Н. Латтрелла, леди Черчилль и супруга полковника Беркли (*Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. P. 479*).

ны короля, которое я не могу позволить испытывать ни принцу, ни себе... Был ли кто-нибудь когда-либо в таком несчастном состоянии, в таком раздвоении между долгом и привязанностью к отцу и мужу, поэтому я не знаю, что делать, но знаю, что надо следовать одному, чтобы сохранить другое. Я вижу общее падение знати и джентри, которые признаются, что не имеют никакой другой цели, кроме как победить короля, чтобы сохранить свою религию, которую они увидели в такой большой опасности из-за неправильных советов священников, которые в защите своей собственной религии не заботятся о том, каким опасностям они подвергают короля. Я полностью убеждена, что принц Оранжский намеревается обезопасить и сохранить короля, и надеюсь, что все дела могут совершиться без большого кровопролития посредством созыва парламента. Бог обеспечит счастливый конец этим беспокойствам, чтобы королевское правление могло быть процветающим, и я смогу вскоре встретить Вас в совершенном мире и безопасности»¹.

Представляя в приведенной записке свое бегство спонтанным, вызванным неожиданным переходом своего мужа на сторону нидерландцев, принцесса Анна явно лукавила. 18 ноября она писала принцу Оранжскому о своем муже: «Принц отправился вчера с королем в Солсбери, намереваясь уйти оттуда к Вам, как только его друзья сочтут, что наступило подходящее время для этого»². Советник штатхаудера Нидерландов Гаспар Фагель признался перед самой своей смертью, случившейся в конце 1688 года, что договоренность принца Оранжского с принцем Георгом и принцессой Анной о переходе их на его сторону была достигнута еще до высадки нидерландских войск на побережье Англии.

На следующий день после своего возвращения в Лондон, а именно: 27 ноября / 7 декабря, Джеймс II собрал на совещание духовных и светских лордов. Первые прибыли к его величеству в количестве девяти человек, вторых было тридцать или сорок. Лорды посоветовали королю сделать следующие шаги: 1) срочно созвать парламент, 2) вступить в переговоры с принцем Оранжским, 3) издать прокламацию об общем прощении, 4) удалить всех католиков с государственных должностей. Джеймс II попросил ночь на размышление и

¹ State tracts. London, 1692. P. 433.

² Цит. по: *Mackintosh J.* History of the Revolution in England in 1688. P. 502.

утром объявил, что принимает все советы лордов, за исключением последнего. По мнению его величества, принятие решения об удалении всех католиков с государственных должностей следует возложить на «свободный» парламент.

Требование созвать парламент предьявлялось королю Джеймсу II различными группами его подданных еще до вторжения в Англию нидерландских войск. Причем неоднократно. Выдвинув данное требование в Декларации от 1/10 октября 1688 года, принц Оранжский выразил тем самым весьма распространенные в английском обществе настроения. Известие о высадке на побережье Англии иностранной армии только усилило эти настроения среди англичан. Немедленный созыв парламента стал теперь рассматриваться ими в качестве единственного средства предотвратить гражданскую войну, которой в Англии панически боялись, помня кровавые события 40–50-х годов XVII века. Это сознание отчетливо проступало в содержании петиции дворянского сословия северных частей Англии, составленной через две недели после начала вооруженного вторжения принца Оранжского в Британию. В ней говорилось: «Мы, зная и джентри *северных частей Англии*, будучи глубоко озабочены бедствиями, угрожающими этим *королевствам* (Англии, Ирландии, Шотландии. — В. Т.), и считаем своим долгом, как *христиан*, так и *добрых подданных*, попытаться сделать то, что лежит на нас, — избавиться от наших настоящих неурядиц и предотвратить более великие. С печалью мы предчувствуем ужасные последствия, которые могут появиться от *высадки в этом королевстве армии из чужих краев*; поэтому мы не можем не огорчаться тем, что повод для этого был дан столь многими посягательствами, совершенными в течение последнего года, относительно *религии и законов*. И в то же время мы не можем не думать о каком-либо другом средстве уладить наши разногласия и предотвратить пролитие крови, кроме такого, которое обеспечило их *урегулирование (settlement)* в этих *королевствах* после последних гражданских войн — *созыв и работа парламента*, свободно и надлежащим образом *избранного*»¹.

28 ноября / 8 декабря король издал приказ о созыве парламента 15/25 января 1688/1689 года. Через день — 30 ноября /10 декабря —

¹ The true copy of a paper delivered by the lord Devonshire to the Mayor of Darby, where he quarter'd the One and twentieth of November, 1688 // A Forth Collection of Papers relating to the present juncture of affairs in England. London, 1688. P. 19.

им была издана прокламация об общем прощении. В ней говорилось: «Для безопасности всех лиц, как при выборах в парламент, так и во время службы в нем, несмотря на то, что они взяли за оружие или совершили какое-либо враждебное действие, или каким-либо способом содействовали ему или участвовали в нем: и для лучшей гарантии ее, его величество приказал немедленно подготовить для скрепления большой печатью Общее Прощение (*General Pardon*) всех его подданных. И для примирения всех общественных групп и стирания самой памяти о всех прошлых неурядицах, его величество увещевает сим и любезно предостерегает всех своих верных подданных склониться к выбору таких лиц для своего представительства в парламенте, которые не могли бы оказаться пристрастными вследствие предрассудка или страсти, но отличались бы талантами, опытом и знаниями, соответствующими для этой ситуации»¹.

§ 4. «Подложная» декларация принца Оранжского

В описываемые дни в Англии стал распространяться в форме декларации принца Оранжского документ, прямо противоположный по своему духу приведенной королевской прокламации. Впоследствии принц Оранжский объявит, что эта Декларация не принадлежит ему, но фактом остается, что она распространялась от имени его высочества без какого-либо препятствия с его стороны и сыграла немалую роль в рассматриваемых событиях. Экземпляры указанного документа были посланы королю и лорд-мэру Лондона. Изложенные в его тексте жестокие меры против так называемых «папистов», а по сути в отношении сторонников Джеймса II сильно впечатлили его величество. Страх за свою жизнь передался и ему.

Содержание Декларации в полной мере соответствовало духу той политики, которую принц Оранжский проводил в Англии с момента вооруженного вторжения в пределы данной страны, — политике,

¹ The King's Proclamation declaring general pardon // Cobbett's Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the Year 1803. Vol. 5. Comprising the period from the Revolution, in 1688, to the Accession of Queen Anne, in 1702. London, 1809. Col. 18. В данном издании нумерация сделана не по страницам, а по столбцам или колонкам — по два столбца на каждой странице.

сочетавшей обещания английским подданным обеспечить неприкосновенность их личных и имущественных прав с одновременными угрозами применения насилия в отношении тех из них, кто этим обещаниям не верил и относился к принцу Оранжскому как к чужеземному завоевателю, который преследует свои собственные цели, не имеющие ничего общего с интересами Англии.

В начальной части указанной Декларации сообщалось о том, что большое число англичан всех сословий присоединилось к принцу Оранжскому. А в королевской армии, призванной служить «инструментом рабства и папства», многие офицеры и солдаты «проникнуты таким сознанием религии и чести и подлинной привязанности к своей родной стране, что уже оставили незаконную службу, в которую были вовлечены, и пришли к нам и дали нам полное заверение от остальной части армии в том, что они определенно последуют этому примеру, как только мы со своей армией приблизимся достаточно близко, чтобы принять их без риска, что им воспрепятствуют и обвинят в измене»¹.

Далее в Декларации заявлялось от имени принца Оранжского, что он предполагает добиваться восстановления в Англии протестантской религии и созыва свободного парламента без применения какого-либо насилия, кроме необходимого для собственной защиты. «Поэтому, — заверял принц, — мы не причиним вреда личности даже паписта, при условии, что он будет находиться в таком месте и в таких состоянии и условиях, каковых требуют законы. В связи с этим мы приняли решение и объявляем, что все паписты, которые будут обнаружены с готовым к бою оружием, или с оружием в своих домах, или носящими его на себе, или состоящими на какой-нибудь должности, или службе гражданской или военной, предполагающими выполнение чего-либо, противоречащего законам страны, будут рассматриваться нами и нашими вооруженными силами не как солдаты и джентльмены, но в качестве разбойников (*robbers*), грабителей (*free-booters*) и бандитов; они не будут подлежать пощаде и целиком поступят в распоряжение наших солдат». При этом в Декларации объявлялось, что все лица, содействующие папистам, слу-

¹ A counterfeit Declaration published in the Prince's Name // Cobbett's Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the Year 1803. Vol. 5. Col. 13–14.

§ 4. «Подложная» декларация принца Оранжского

жащие им, выполняющие их «незаконные поручения», будут рассматриваться в качестве «соучастников их преступлений, врагов закона и своей страны»¹.

В заключительной части Декларации от имени принца Оранжского выдвигались требования к «наместникам (*lords-lieutenants*), их заместителям (*deputy-lieutenants*), мировым судьям (*justices of the peaces*), лорд-мэрам (*lords-mayors*), мэрам (*mayors*), шерифам (*sheriffs*) и другим магистратам и должностным лицам, гражданским и военным, всех графств, городов (*cities*) и городков (*towns*) Англии, особенно графства Мидлсекс и сити Лондона и Уэстминстера и примыкающих к ним частей, чтобы они немедленно разоружили и заключили в тюрьму, как это могут и обязаны делать в пределах своих соответствующих графств, городов и юрисдикций, всех папистов какого бы то ни было рода как лиц, во все времена, но особенно теперь, наиболее опасных для мира и безопасности правительства, так чтобы у них не только была отобрана вся власть делать зло, но и все законы, которые являются величайшей и лучшей гарантией, могли возобновить свою силу и строго исполняться»².

Текст приведенной Декларации завершался следующей фразой: «Заверена Нашей Рукou и Печатью, в Нашей Штаб-Квартире в Шербурнском замке, 28 ноября 1688 года. Уильям Генри, Принц Оранжский»³.

Уильям Коббетт (*William Cobbett*, 1763–1835) включил ее текст в пятый том своего многотомного собрания парламентских документов под названием «Подложная Декларация, опубликованная от имени принца Оранжского». В качестве примечания к данному тексту он процитировал замечание историка Лоренса Эрчарда (*Laurence Erchard*, circa, 1670–1730) о том, что его автором был предположительно Фергюсон (*Ferguson*) или Джонсон (*Johnson*); но позднее и мистер Хью Спик (*Hugh Speke*) принял на себя честь авторства в отношении к нему. Мы не знаем, заметил по этому поводу Эрчард, в какой степени здесь можно верить или возражать, но «кто бы ни был автором этой Декларации, от которой принц Оранжский отрекался, она немало послужила его высочеству в это славное время: римские

¹ A counterfeit Declaration published in the Prince's Name. Col. 14.

² Ibid. Col. 15.

³ Ibid.

католики были страшно напуганы ею, и несколько мировых судей заставили опубликовать ее. Какой-то капитан подобным же образом смело передал ее копию лорд-мэру Лондона, обязывая его при свидетелях привести ее в исполнение»¹.

О большом впечатлении, произведенном указанной Декларацией на сторонников короля Джеймса, сообщал в своих мемуарах и епископ Бёнет: «Храбрый человек осмелился начертать и опубликовать другую декларацию от имени принца. Она была написана с великой моральной силой, и имела большой эффект... Не было никаких сомнений, что это подлинная декларация принца... Король был в таком ужасе, что не знал, ни что решить, ни кому доверять. Эта фальшивая декларация привела сити в такую горячку, что ее принесли лорд-мэру, и он потребовал исполнять ее»².

§ 5. Переговоры короля Джеймса II с принцем Оранжским

С самого начала своей военной экспедиции в Англию штадхаудер Нидерландов вел себя так, будто уже был в этой стране настоящим королем. Декларация, распространению которой среди населения Англии в начале декабря 1688 года он нисколько не препятствовал и даже не объявлял ее фальшивкой, но от которой впоследствии — уже после того, как захватил английский трон, — отрекся, в полной мере отражала своим содержанием характер его столь вызывающего поведения. Будучи правителем иностранного государства, он уверенно давал различные поручения чиновникам королевской администрации и жестко требовал их выполнения. Причем по мере продвижения штадхаудера Нидерландов к Лондону его обращение с местными властями и населением становилось все более властным и бесцеремонным. Решительности действиям принца Оранжского на территории чужого государства придавало прежде всего наличие в его распоряжении войск, превосходивших своей боеспособностью английскую армию. Проводившаяся им политика запугивания королевских

¹ A counterfeit Declaration published in the Prince's Name. Col. 13 (примечание).

² Burnet's history of his own time: from the restoration of King Charles the Second to the Treaty of Peace at Utrecht, in the reign of Queen Anne. P. 503.

должностных лиц оказывалась в этих условиях очень эффективной. Их воля к сопротивлению иностранной агрессии с каждым днем становилась все слабее. В этих условиях все большее число королевских сановников, армейских офицеров и просто влиятельных в английском обществе лиц переходило на сторону принца Оранжского. Так, о присоединении к нему заявил губернатор Плимута лорд Бат (*Bath*), отказался от противодействия принцу Оранжскому и мэром города Бристоля. А Оксфордский университет, являвшийся идеологической цитаделью доктрины божественной прерогативы английского короля¹, направил принцу Оранжскому письмо с выражением своей приверженности ему и с приглашением посетить город Оксфорд.

30 ноября / 10 декабря король Джеймс после некоторых колебаний принял решение о назначении лорда Галифакса (*Halifax*), графа Ноттингэма (*Nottingham*) и лорда Годолфина (*Godolphin*) своими представителями на переговорах с принцем Оранжским. В тот же день его высочеству была направлена от его величества просьба выдать для них пропуски и назначить место для переговоров. Принц Оранжский сначала определил в качестве такового город Амсбери (*Amesbury*). 2/10 декабря представители короля отправились в Амсбери, но, когда прибыли туда, узнали, что его высочество находится в Хангерфорде (*Hungerford*). По прибытии же в Хангерфорд их ждала другая новость: принц Оранжский отказался вести с ними переговоры самолично и назначил в качестве переговорщиков со своей стороны лордов Оксфорда и Кларендона. Первый из названных лиц не имел никакого представления о предмете предстоявших переговоров, второй же был злейшим врагом лорда Галифакса. Эти факты ясно свидетельствовали об отношении принца Оранжского к переговорам с Джеймсом II.

Представителям английского короля было предложено изложить свои предложения в письменном виде. 8 декабря они передали свой меморандум принцу Оранжскому. «Сэр, — обращались они к Вильгельму, — король приказал нам известить вас, что он принимает во внимание все расхождения и причины неудовольствия, которые по утверждению вашего высочества должны быть вынесены на рассмотрение свободного парламента. Его величество, как он об этом уже

¹ Не случайно Карл I во время гражданской войны 1642–1646 гг. избрал город Оксфорд своей резиденцией.

объявил, разрешил их до того, как парламент будет созван, но полагал, что в настоящем состоянии дел было бы целесообразно отложить этот созыв до того, как обстановка станет спокойнее. Однако видя, что его народ все еще продолжает желать этого, он выпустил прокламацию и издал приказ (*writ*) для того, чтобы созвать парламент. И с целью предотвращения любой причины для задержки в этом, он согласится на все, что может разумно требоваться для безопасности тех, кто придет в него. Его величество послал нас поэтому присутствовать при вашем высочестве для урегулирования всех вопросов, которые будут согласованы в качестве необходимых для свободы выборов и безопасности заседания, и готов немедленно вступить для этого в переговоры. Его величество предлагает, чтобы соответствующие армии оставались тем временем в пределах таких границ и на таком расстоянии от *Лондона*, каковое способно исключить мнения о том, что парламенту можно каким-то образом помешать, желая при этом, чтобы созыв его больше не откладывался, разве что посредством, как это должно быть, обычных и необходимых процедур»¹.

Принц Оранжский не замедлил с ответом на эти предложения Джеймса II, и содержание его было весьма любопытным: «Мы, по совету с лордами и джентльменами, собравшимися с нами, выработали в ответ следующие предложения: 1. Чтобы все паписты и такие же лица, не квалифицируемые правом, были разоружены, распущены и удалены от всех должностей гражданских и военных. 2. Чтобы все прокламации, бросающие тень на нас, были отменены; и чтобы, если какие-либо лица за содействие нам были задержаны, они должны быть незамедлительно выпущены на свободу. 3. Чтобы для защиты и безопасности сити Лондона надзор и управление Тауэром были немедленно отданы в руки указанного сити. 4. Чтобы, если его величество сочтет для себя необходимым быть в Лондоне во время заседания парламента, мы могли также быть там, с равными по численности охранами; или если его величество соизволит быть в каком-либо месте за пределами Лондона на любом расстоянии, которое он сочтет подходящим, мы могли пребывать в месте на том же самом расстоянии; и чтобы соответствующие армии находились от Лондона в

¹ A Paper delivered to his Highness the Prince of Orange by the commissioners sent by his Majesty The King's Proposals to the Prince of Orange // A Forth Collection of Papers relating to the present juncture of affairs in England. London, 1688. P. 25.

30 милях; и чтобы никаких других вооруженных сил не приводилось в королевство. 5. Чтобы для безопасности сити Лондона и его торговли форт Тилбери был отдан в руки указанного сити. 6. Чтобы достаточная часть общественных налогов была передана нам для поддержки и содержания наших войск до открытия сессии свободного парламента. 7. Чтобы предотвратить высадку французов или других иностранных войск, Портсмут мог быть передан в такие руки, в которые его величество и мы согласны будем передать»¹.

Стиль, которым были изложены предложения принца Оранжского королю Джеймсу, не оставлял никаких сомнений: нидерландский штадхаудер уже чувствовал себя английским королем. Смысл же их также был вполне очевиден: его высочество требовал у его величества отдать ему фактическую власть над столицей Английского королевства. Причем отказ короля принять эти похожие на ультиматум предложения противника, по сути, ничего решительно не менял ни в собственной его участи, ни в судьбе его королевства. Впрочем, по свидетельству Нарцисса Латтрелла, текст ответных предложений принца Оранжского был доставлен в Лондон спустя сутки после того, как Джеймс II покинул его². Правда, его величество скорее всего смог все же ознакомиться с содержанием этих предложений — они были изложены в письме лорда Галифакса, которое король успел получить до своего отплытия из столицы.

§ 6. Бегство короля Джеймса II из Лондона

Армия принца Оранжского между тем продолжала занимать город за городом. Когда его войска вступили в городок Рединг, их попытался остановить отряд ирландцев из армии Джеймса II, но, потеряв несколько человек убитыми, отступил в большом беспорядке³.

¹ His Highness's Answer // Cobbett's Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the Year 1803. Vol. 5. P. 19.

² Под датой 12 декабря 1688 г. в дневнике Н. Латтрелла стоит следующая запись: «Уполномоченные, посланные королем к принцу, возвратились доброжелательно принятые, и принесли с собой предложения принца; но король, удалившись до этого, ничего более не предпринимал» (*Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. P. 486.*)

³ См. сообщение об этой стычке у Н. Латтрелла: *Ibid.* P. 485.

Это событие еще раз продемонстрировало королю неспособность его армии противостоять войскам принца Оранжского. Получив сообщение о нем 8/18 декабря, его величество отдал распоряжение королеве немедленно отправиться с маленьким сыном в Портсмут для того, чтобы переправиться с ним во Францию¹. 9/19 декабря, в 2 часа ночи, супруга Джеймса II Мэри Модена покинула Лондон.

Утром 10/20 декабря король отправил свое последнее послание к главнокомандующему своей армией Луису де Дюрасу графу Февершэму: «Обстановка становится чрезвычайно опасной, так что я вынужден был отослать королеву и своего сына, принца Уэльского, чтобы они не попали в руки врагов, что должно было случиться, если бы они остались. Я обязан сделать то же самое и попытаться обезопасить себя — лучшее, что я могу, в надеждах, что Богу будет угодно своей бесконечной милостью к этой несчастной нации тронуть сердца моих подданных истинной верностью и честью. Если бы я мог положиться на все мои войска, я мог бы не подвергаться той опасности, которой сейчас подвергаюсь, и нанес бы, по меньшей мере, один удар по ней; однако хотя, как я знаю, среди вас есть много верных и храбрых людей, как офицеров, так и солдат, вы, однако, знаете, что и вы, и несколько генералов, и люди из армии говорили мне, что никоим образом не было бы целесообразным для меня отважиться стать самому во главе их, или думать сражаться вместе с ними против принца Оранжского; и теперь мне остается только поблагодарить вас и всех тех офицеров и солдат, которые бились за меня и были истинно верными мне. Я надеюсь, вы все еще сохраняете ту же самую преданность мне, и хотя я не ожидаю, что вы проявите себя сопротивлением иностранной армии и отравленной нации, я, однако, надеюсь, что ваши прежние принципы настолько укоренены в вас, что вы останетесь свободными от ассоциаций и столь же пагубных вещей. Время не терпит, так что я не могу сказать ничего более». Поставив под пись-

¹ *Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714.* P. 485. Это была вторая попытка Джеймса II отправить королеву с наследником престола во Францию. 17 ноября — в день, когда король отправился из Лондона в Солсбери, его сын был отправлен в Портсмут. Лорду Дартмуту (*Dartmouth*) было поручено организовать переправку маленького Джеймса-Фрэнсиса во Францию, но лорд отказался выполнить это поручение, несмотря на неоднократные письма короля к нему с требованиями привести его в исполнение. 8/18 декабря сын Джеймса II был возвращен в Лондон.

мом инициалы «J. R.», Джеймс написал: «Я должен добавить к этому, что так как я всегда находил вас верными ко мне, то и вы находили во мне доброго господина, каким и будете еще находить меня»¹.

В тот же день граф Февершэм направил принцу Оранжскому следующее сообщение: «Сэр, получив этим утром письмо от его величества с несчастной новостью о его решении покинуть Англию и узнав, что он действительно отъехал, я счел обязанным, будучи во главе его армии и получив приказ его величества не выступать против кого бы то ни было, поставить ваше высочество в известность об этом (по совету здешних офицеров), чтобы помешать, насколько это возможно, несчастью пролития крови; я отдал уже с этой целью соответствующий приказ всем войскам, находящимся под моей командой, который будет последним приказом, который они от меня получат»².

Прощавшись вечером 10/20 декабря с королевой-вдовой, Джеймс в два часа ночи 11/21 декабря вышел из своего дворца, захватив с собой большую королевскую печать, патенты для новых шерифов и приказы о созыве парламента, спустился к Темзе, сел вместе с Эдуардом Хэйлсом, своим слугой, в лодку и поплыл прочь из Лондона, где его жизни, как он предполагал, угрожала большая опасность. Оказавшись на середине реки, король выбросил в воду печать³. Догадывался ли он тогда, что завершил этим странным жестом странное свое правление?

Впоследствии очевидцы описываемых событий давали в своих воспоминаниях различные объяснения поспешному бегству Джеймса II из Лондона в то время, когда значительная часть его армии и многие должностные лица его администрации оставались ему верны. Некоторые мемуаристы видели причину данному поступку в недостатке храбрости у короля, другие усматривали здесь проявле-

¹ The King's Letter to the earl of Feversham, upon his leaving Whitehall. Whitehall, December, 10, 1688 // A Forth Collection of Papers relating to the present juncture of affairs in England. London, 1688. P. 27–28.

² Ibid. P. 28.

³ «Большая печать последнего короля Джеймса была обнаружена в реке Темзе, близ Ламбета, одним из лодочников» — такое сообщение занесет в свой дневник 4 мая 1689 г. Нарцисс Латтрелл (*Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. In six volumes. Vol. 1. London, 1857. P. 529*).

ние расстройства его сознания¹. Мне думается, в объяснении тайны бегства короля Джеймса из Лондона 11/21 декабря 1688 года следует прежде всего принять во внимание последующее его поведение, а именно: тот факт, что он не отказался от королевского трона. В свете этого факта очевидно, что бегство Джеймса из Лондона ни в коей мере не было уклонением его от борьбы за королевский трон, на который настойчиво и, не гнушаясь самыми подлыми приемами, лез принц Оранжский. Джеймс понимал, что предотвратить захват Лондона нидерландскими войсками он не в состоянии. В этих условиях конечную победу в битве с принцем Оранжским королю могло дать только одно — полное расстройство системы английского государственного управления и, как следствие, всеобщая анархия, влекущая к новой гражданской войне. Неспособность нидерландского штадхаудера восстановить в Англии государственный порядок неизбежно обратило бы взоры английской элиты и простого населения к законному королю Джеймсу II. Такая ситуация уже складывалась в стране за три десятилетия до этого — во время правления и особенно после смерти лорда-протектора Оливера Кромвеля. И выход из нее тогдашняя английская аристократия увидела в восстановлении королевской власти и в приглашении на трон сына казненного короля Карла I, старшего брата Джеймса — Карла II. Вероятность подобного развития событий после занятия нидерландскими войсками Лондона была довольно большой: это не мог не понимать ни принц Оранжский, ни король Джеймс II.

По свидетельству современников рассматриваемых событий, как только в Лондоне узнали о бегстве его величества, особо рьяные протестанты бросились к домам католиков, дабы учинить расправу над ними. И хотя никто из лондонцев не был убит или ограблен, хаос стал стремительно нарастать. Это признал в своих мемуарах даже такой ревностный сторонник принца Оранжского, как епископ Бёнет. По его словам, лорд-мэр Лондона был «так поражен террором своего грубого населения и неблагодарностью человека, который заставил весь народ дрожать перед ним, что с ним сделался припадок, из-за которого он вскоре умер. Чтобы предотвратить дальнейшее нараста-

¹ См. о различных версиях указанного поступка короля в издании: Burnet's history of his own time: from the restoration of King Charles the Second to the Treaty of Peace at Utrecht, in the reign of Queen Anne. P. 504—505.

ние таких беспорядков, он созвал собрание тайных советников и пэров, состоявшееся в Гилдхолле»¹.

На этот призыв лорд-мэра Лондона откликнулось около тридцати духовных и светских лордов. На своем заседании 11/21 декабря они приняли декларацию, в которой заявили, что «единодушно приняли решение обратиться к его высочеству, принцу Оранжскому, который с великой добротой к этим королевствам, пройдя через огромные испытания и с таким большим риском для собственной персоны, предпринял попытку обеспечить свободный парламент, чтобы освободить нас, со столь малым пролитием христианской крови, насколько это было возможно, от постоянных опасностей папства и рабства. И мы настоящим объявляем, что с предельным старанием будет содействовать его высочеству в созыве со всей быстротой такого парламента, в которой могут быть обеспечены наши законы, наши вольности и имущественные права; может поддерживаться и поощряться к славе Бога, в особенности, церковь Англии, с должной свободой для протестантских инакомыслящих, и вообще протестантской религии и влиянием над целым миром, счастье установленного в этих королевствах правления и польза всех монархов и государств в христианстве»². Вместе с тем, лорды объявили, что предпримут все усилия для сохранения «мира и безопасности огромных и населенных сити Лондона и Уэстминстера и прилегающих территорий посредством проявления заботы о разоружении всех папистов и обеспечения безопасности всех иезуитов и римских священников»³.

Приведенный документ был напечатан для всеобщего сведения под названием «Декларация лордов духовных и светских, в Сити Лондона и Уэстминстера и их окрестностях, собравшихся в Гайдхолле, 11 декабря 1688 года (The Declaration of the Lords Spiritual and

¹ См.: Burnet's history of his own time: from the restoration of King Charles the Second to the Treaty of Peace at Utrecht, in the reign of Queen Anne. P. 505. См. о беспорядках в Лондоне после бегства из него короля также заметки под датой 13 декабря в дневнике Н. Латтрелла: *Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714.* P. 486–487.

² Declaration of the Lords Spiritual and Temporal, December 11, 1688 // *Cobbett's Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the Year 1803.* Vol. 5. Col. 20.

³ Ibid.

Temporal, in and about the Cities of London and Westminster, assembled at Guildhall, 11 December 1688)¹.

Помимо совещания лордов, 11/21 декабря состоялось и заседание общего совета сити Лондона в составе лорд-мэра, олдермэна и общин (*commons*), на котором было принято «Покорнейшее обращение к его высочеству принцу Оранжскому», начинавшееся словами: «Не будет ли угодно его высочеству». «Мы, лорд-мэр и др., — говорилось в нем, — принимая во внимание ваше пламенное рвение в пользу протестантской религии, выраженную перед всем миром в ваших многих и рискованных предприятиях, которые благодаря Всемогущему Богу освящены удивительным успехом, мы передаем за то же самое наши глубочайшие благодарности Божественному Величеству; и просим оставить настоящему наши наипокорнейшие вашему высочеству, особенно за ваше появление с оружием в этом королевстве для того, чтобы осуществить и исполнить ваше славное намерение освободить Англию, Шотландию и Ирландию от рабства и папства, и установить в свободном парламенте религию, законы и вольности этих королевств на прочное и долговременное основание»². В заключение своего «Покорнейшего обращения» к принцу Оранжскому лорд-мэр, олдермэн и общины сити Лондона просили его высочество защитить столичный город и заверяли, что он «будет принят со всеобщей радостью и удовлетворением»³.

§ 7. Принц Оранжский в предместье Лондона

Штадхаудер Нидерландов пребывал тем временем в Хенлее (*Henley*). Английская армия не могла противостоять его войскам, но тем не менее несла в себе опасность для него как правителя захваченной им страны: брошенные королем Джеймсом на произвол судьбы офицеры и солдаты покидали свои подразделения и растекались по Англии. В условиях, когда государственная власть стремительно ру-

¹ См. о разработке и обсуждении этого документа: *Beddard R. The Guildhall Declaration of 11 December 1688 and the Counter-Revolution of the Loyalists // The Historical Journal. 1968. Vol. 11. № 3. P. 403–420.*

² *Address of the City of London to the Prince // Ibid. Col. 20–21.*

³ *Ibid.*

шилась, люди вооруженные и умеющие владеть оружием могли начать устанавливать на местах собственные порядки, беря под свой контроль местные ресурсы. Вильгельму ничего не оставалось делать, как издать следующий приказ: «Принимая во внимание полученное Нами сообщение о том, что различные воинские части (regiments), войска (troops) и военные отряды (companies) осмелились самораспуститься в необычной и неоправданной манере, посредством чего общественный мир очень сильно расстроен: Мы сочли необходимым потребовать от полковников и командующих такими воинскими частями, войсками и военными отрядами бить в барабаны, или иначе созвать нескольких офицеров и солдат, принадлежащих к соответствующим воинским частям, войскам и военным отрядам, в таких местах, которые будут найдены наиболее подходящими для их сбора, и держать их там в добром порядке и дисциплине»¹.

Самым примечательным в приведенном приказе принца Оранжского была фраза, стоявшая под основным его текстом: «Given at *Our Court* at Henly², the Thirteenth Day of December, 1688 (Дано при Нашем Дворе в Хенли, в тринадцатый день декабря 1688 года)»³. До этого для заверения актов принца Оранжского, пребывавшего со своими войсками на территории Англии, использовалось словосочетание: дано «в нашей Штаб-квартире (at our Head Quarters)». Приняв вместо него слова «при Нашем Дворе», штадхаудер Нидерландов фактически провозглашал себя королем Англии, Шотландии и Ирландии. Оставался сущий пустяк — войти в Лондон и короноваться, принять корону официально. 14/24 декабря принц-король перенес свой двор в Виндзор⁴, в городок на берегу Темзы и всего в 20 км от Лондона. Король Уильям I (Завоеватель), правивший Англией с 1066 до 1087 года, построил здесь замок и с тех пор Виндзор был резиденцией английских королей. Уильям Генри, принц Оранжский (и тоже завоеватель) был самым талантливым политиком своего времени.

¹ By the Prince of Orange Declaration // A Forth Collection of Papers relating to the present juncture of affairs in England. London, 1688. P. 29.

² Так в оригинале.

³ A Forth Collection of Papers relating to the present juncture of affairs in England. London, 1688. P. 29.

⁴ *Luttrell N.* A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. P. 487.

И хотя для восшествия на английский королевский трон ему предстояло приложить еще немало усилий, он понимал, что после победы над английской армией ему нетрудно будет одержать победу над английской конституцией.

§ 8. Возвращение короля Джеймса II в Лондон

Возникшее у Джеймса II под гнетом обстоятельств намерение покинуть Англию в полной мере отвечало интересам принца Оранжского. Захват английского трона становился в этом случае для штатхаудера Нидерландов значительно более легким делом. Однако осуществить этот план король смог не сразу. Отплыв в два часа ночи 11/21 декабря из Лондона, его величество к 10 часам утра приплыл к маленькому прибрежному городку Февершэму (*Feversham*). Здесь Джеймса и его спутников ждал небольшой корабль с таможни, который должен был доставить их во Францию. Дул сильный ветер, и хозяин корабля не решился пуститься в плавание без дополнительного балласта. Пока его искали и переносили на судно, день прошел. К одиннадцати часам вечера корабль был готов к отплытию, но к нему вдруг приблизились три рыбацких бота с полусотней вооруженных людей, имевших разрешение задерживать лиц, в которых можно было заподозрить папистов. Джеймс и сопровождавший его Эдуард Хэйлс были сняты ими с корабля и препровождены в таверну. После того, как рыбаки обнаружили, что задержали короля, они предприняли меры, чтобы воспрепятствовать его отплытию из Англии. В течение трех дней Джеймс оставался в Февершэме, скрываясь от толп горожан в одном из частных домов. 15/25 декабря сюда прибыл с отрядом войск командующий его армией лорд Февершэм и заставил рыбаков освободить короля. В тот же день его величество отправился в Лондон. Остановившись на короткое время в Рочестере, он написал письмо принцу Оранжскому, в котором предложил его высочеству приехать в столицу для встречи с ним, взяв с собой столько войск, сколько сочтет необходимым для своей безопасности. Лорду Февершэму было поручено немедленно доставить это письмо в Виндзор.

К вечеру 16/26 декабря Джеймс II прибыл в сопровождении отряда личной гвардии в Лондон. При подъезде к Уайтхоллу его карету встретили толпы горожан, радостно приветствовавших своего

короля. Покои дворца были наполнены придворными. И Джеймсу показалось на короткое время, что дела его не так плохи, как представлялись ему ранее. В этом, слегка приподнятом, настроении король пребывал недолго. Спустя несколько часов после его прибытия в Уайтхолл сюда наведался граф Зьюлестейн (*Zeulesteyn*). Он передал Джеймсу письмо от принца Оранжского, в котором его высочество, полагавший, что король все еще находится в Рочестере, просил его величество там и оставаться. Джеймс в ответном письме сообщил, что если бы он пребывал еще в Рочестере, то поступил бы так, как просит его высочество. Но поскольку он уже в Лондоне, то приглашает принца Оранжского прибыть в Сент-Джеймский дворец на переговоры. Зьюлестейн ответил на это, что уверен, его высочество не вступит в Лондон до тех пор, пока все королевские войска не будут удалены отсюда.

Едва граф Зьюлестейн удалился, как к Джеймсу пришел граф Руае с известием о том, что лорд Февершэм немедленно после передачи королевского письма принцу Оранжскому был по приказу его высочества арестован и заточен в тюрьму¹. Джеймс приказал вернуть Зьюлестейна. Выразив свое удивление тем, что его посланник арестован в Виндзоре, в нарушение общепринятых дипломатических норм, король попросил Зьюлестейна передать его высочеству просьбу освободить лорда Февершэма. Однако принц Оранжский отказался выполнить это желание своего поверженного противника.

Сразу после отъезда Зьюлестейна из дворца Джеймс собрал заседание Тайного совета. На него прибыло всего лишь восемь советников. Его величество обсудил вместе с ними прокламацию о предотвращении беспорядков. На следующий день о ее содержании было сообщено в «Лондонской газете (*The London Gazette*)». «Его Величеству дали понять, что различные насилия и беспорядки совершаются в нескольких частях Англии, путем поджога, сноса и иного рода порчи домов и других зданий, а также их разграбления и обысков с целью грабежей, вплоть до великого террора в отношении поддан-

¹ Формальным основанием для ареста главнокомандующего королевскими войсками было названо отсутствие у него пропуска в Виндзор. Но истинной причиной заключения лорда Февершэма в тюрьму стало выполнение им приказа короля Джеймса II о роспуске армии без предварительного уведомления об этом принца Оранжского, а также его стремление воспрепятствовать отъезду его величества из Англии.

ных Его Величества, и выражают нарушение мира; Его Величество в Совете соизволил указать и приказать всем наместникам, заместителям наместников, мировым судьям, мэрам, констаблям и всем другим должностным лицам, которых это касается, применить все самые крайние средства для предотвращения в будущем таких насилий и беспорядков и для разгона всех каких бы то ни было мятежных и буйных сборищ и собраний»¹.

Данная прокламация стала последним актом, изданным Джеймсом II в качестве короля Англии. Впрочем, его никто уже не воспринимал как суверена. Обратившись за деньгами в свое казначейство, Джеймс получил от чиновника данного ведомства ответ, что выдадут ему деньги лишь в том случае, если на приказе об этом будет стоять подпись принца Оранжского. Его величество вынужден был поэтому занять деньги (в размере ста гиней) у лорда Годолфина.

Вечером 16/26 декабря, после ужина, к Джеймсу пришел посол Франции Пауль Бариллон². В разговоре с ним король показал, что не считает свое положение безнадежным. «Принц Оранжский предпочел бы, чтобы я удалился, — сказал Джеймс Бариллону, — но он окажется в большом затруднении при установлении формы правления. Заседание парламента не может быть легитимным без приказов, скрепленных Большой печатью, а они изданы только для пятнадцати графств, остальные сожжены. Большой печати больше нет. Канцлер отдал ее мне за восемь дней до моего отъезда. Они не смогут сделать другую без меня. Все это вызовет трудности и случайности, которые дадут мне повод решиться на соответствующие [меры]»³.

¹ Цит. по: *Bohun E., Collier J. The History of the Desertion, or an Account of all the Publick Affairs in England, from the beginning the September 1688 to the Twelfth of February following.* London, 1689. P. 102.

² Пауль Бариллон д'Амонкурт, маркиз де Бранж (*Paul Barillon d'Amoncourt, the marquis de Branges*, 1630–1691) был послом Франции в Англии с 1677 г. до 24 декабря 1688 г.

³ «Le Prince d'Orange auroit mieux aimé que je fusse parti, et va se trouver fort embarrassé sur la forme de Gouvernement à établir. La séance d'un Parlement ne peut être légitime sans les mandemens scellés du Grand-Sceau, et il n'en a été expédié que pour quinze Comtés. Les autres sont brûlés; les Grand-Sceau *ne se trouve plus*. Le Chancelier me l'avoit remis huit jours avant mon départ. On n'en peut faire un autre sans moi. Tout cela formera des difficultés et des incidents qui me donneront lieu de prendre un parti convenable...» (Цит. по: *Mazur F. A. J. Histoire de la Révolution de 1688, en Angleterre.* T. 3. Paris, 1825. P. 264).

Между тем принц Оранжский отправил в указанный день с двумя английскими джентльменами — сэром Робертом Говардом и мистером Генри Паулом — следующее послание в адрес лорда-мэра, олдермена и Общего совета Лондона: «Я получил только что письмо от короля, в котором он ставит меня в известность о своем возвращении в Лондон, предпринятом без моего одобрения. Я не думаю, что оно соответствует этому времени, и не знаю, к чему оно приведет в настоящих обстоятельствах. Я послал поэтому месье Зьюлестейна с требованием, чтобы он отменил свою поездку. Тем не менее, я счел необходимым известить вас об этом и пожелать вам оставаться в том положении, которое наиболее соответствует вашей безопасности и стабильности в городе, а я постараюсь сделать все, чтобы как можно быстрее оказать вам содействие и прибыть к вам в следующий вторник (то есть 19 декабря. — *В. Т.*). Вы можете полностью доверять этим двум джентльменам, о которых я вам в связи с этим случаем в дальнейшем расскажу. Уверяю вас в вечной моей приязни и покровительстве относительно вас. Самый нежный ваш друг (*Your most affectionate friend*), У. Г., принц Оранжский»¹. В ответ лорд-мэр, олдермэн и Общий совет Лондона выразили его высочеству покорнейшую благодарность за то, что он сообщил о своих благородных целях в отношении Лондона и обещал покровительствовать им. «Мы не можем также, — говорилось в их письме к штатхаудеру Нидерландов, — воздержаться от повторения нашей покорнейшей благодарности вашему высочеству за ваш успех в вашем великом и славном предприятии по защите нашей религии, законов и вольностей; и мы уверяем ваше высочество в том, что не побоимся подвергнуть опасности наши жизни и имущество, помогая вам в достижении этих целей и предотвращая все опасности, исходящие от появившихся беспокойных натур. В настоящий момент мы приказали вооружить экстраординарную стражу городских милицейских сил (*city forces*), которой, мы надеемся, будет достаточно для вашей безопасности. Мы также благодарим ваше высочество за обещание быстро оказать нам содействие и покорно желаем, чтобы ваше высочество приняли наше предложение подготовить или назначить подходящее место для приема вас в городе (*city*), если ваше высочество соизволит

¹ A Kingdom without a King: The Journal of the Provisional Government in the Revolution of 1688 / Ed. by Robert Beddard. Oxford: Phaidon Press, 1988. P. 178.

принять это для большей безопасности и для того, чтобы быть свободным от соборища лиц, недовольных вашими личными и славными намерениями»¹.

Пребывание Джеймса II в Лондоне или в каком-либо другом городе Англии серьезно нарушало планы принца Оранжского. Некоторые из советников его высочества предлагали задержать короля и заточить его в Тауэр на все время, пока Англия и Ирландия не успокоятся². Но принц Оранжский отверг все меры, предполагавшие арест короля и пребывание его на территории Британии. В конце концов, отмечает в своих мемуарах епископ Бёнет, «было сочтено необходимым стремиться к тому, чтобы король бросил свой народ, и не отказываться от этого заключением с ним какого-либо соглашения»³. Последующие действия штадхаудера Нидерландов показывают, что добиться этой цели он решил путем внушения Джеймсу страха за свою жизнь. Лорд Февершэм мог помешать этой операции, поэтому он приказал задержать его в Виндзоре.

17/27 декабря принц Оранжский направил к королю трех своих сторонников из представителей английской знати с сопроводительным письмом следующего содержания: «Мы желаем, чтобы вы, лорд маркиз Галифакс (*Halifax*), граф Шрусбери (*Shrewsbury*) и лорд Деламер (*Delamere*) сказали бы королю, что сочтено подходящим для большего умиротворения города (*city*) и большей безопасности его личности, чтобы он переехал в Хэм, где его будут сопровождать его стражники, которые будут готовы оградить его от любого беспокойства»⁴. Вместе с тем принц Оранжский послал графу Солмсу (*Solms*), отправленному с отрядом голландских воинов в Лондон для того, чтобы расположиться в районах Челси и Кенсингтон, новый приказ, а именно: идти к Уайтхоллу и окружить королевскую резиденцию.

¹ A Kingdom without a King: The Journal of the Provisional Government in the Revolution of 1688 / Ed. by Robert Beddard. Oxford: Phaidon Press, 1988. P. 179.

² См. об этом: Burnet's history of his own time. P. 507; Mackintosh J. History of the Revolution in England in 1688, comprising a view of the reign of James II. London, 1834. P. 547

³ Burnet's history of his own time. P. 507.

⁴ Цит. по: Bohun E., Collier J. The History of the Desertion, or an Account of all the Publick Affairs in England, from the beginning the September 1688 to the Twelfth of February following. P. 101.

§ 9. Удаление короля Джеймса II из Лондона

Джеймс уже готовился отойти ко сну, когда ему сообщили, что у его дворца стоит гвардия принца Оранжского. Спустя некоторое время к королю пришел офицер его охраны граф Крэвен и сказал, что кавалеристы и пехотинцы принца Оранжского движутся по парку от Сент-Джеймского дворца по направлению к Уайтхоллу с намерением взять королевскую резиденцию штурмом. При этом граф заверил его величество, что не покинет свой пост в Уайтхолле даже под угрозой быть изрубленным на куски. Но Джеймс ответил ему, что не допустит кровопролития, и велел позвать к себе командира нидерландских войск. Увидев графа Солмса, король спросил, не ошибся ли он, приняв Уайтхолл за Сент-Джеймский дворец, где должен был остановиться принц Оранжский. Солмс показал в ответ письменное распоряжение его высочества взять под охрану именно Уайтхолл. Джеймс приказал графу Крэвену увести своих воинов с постов и отправился спать.

Однако едва король заснул, как был разбужен лордом Мидлтоном, сообщившим, что в Уайтхолл прибыли от принца Оранжского лорды Галифакс, Деламер и Шрусбери, которые настаивают, чтобы его величество принял их без промедления. Показав текст выданного им принцем Оранжским распоряжения, они сообщили королю, что ему желательно покинуть Лондон в девять часов утра, ибо в полдень в город войдет его высочество со своими войсками. Принц Оранжский позволял Джеймсу взять с собой своих слуг, но для охраны короля он выделял отряд нидерландских воинов. Джеймс вынужден был согласиться на это, но пожелал, чтобы местом его пребывания стал Рочестер, ибо дворец в Хэме не годится для проживания зимой. К восьми часам утра ему доставили от принца Оранжского милостивое разрешение отправиться в Рочестер.

§ 9. Удаление короля Джеймса II из Лондона

18/28 декабря, за час до полудня, король взошел на баржу вместе с четырьмя знатными персонами¹ и с шестью дворцовыми стражниками.

¹ В «Мемуарах Джеймса Второго, короля Англии», изданных в 1821 г., говорится, что вместе с королем в Рочестер отправились: лорд Эррэн (*Arran*), сын герцога Гамильтона, лорды Эйлсбери (*Aylesbury*), Личфилд (*Lichfield*) и Дамбатон (*Dumbarton*) с ирландским офицером Ричардом Гамильтоном (*Richard Hamilton*).

ками и отплыл из Лондона. На пути к Рочестеру его сопровождал по воде отряд из 50 нидерландских пехотинцев, помещенных в две лодки, а по берегу — сотня кавалергардов принца Оранжского¹. Вечером того же дня Джеймс был в Грэйвсенде, а на следующий день — в Рочестере.

Во время пребывания в этом городе король ежедневно получал послания из Лондона, в которых сообщалось о каждом шаге принца Оранжского: например, о том, как его встречали лондонцы, кого он собирал у себя, что говорил на этих собраниях. 20/30 декабря в Рочестер прибыл лорд Миддлтон, который по поручению Джеймса в течение суток после его отплытия из Лондона оставался здесь и наблюдал за тем, как штатхаудер Нидерландов въезжал в английскую столицу, и с какими настроениями лондонцы встречали его. Рассказывая об этом королю, лорд Миддлтон заметил, что если его величество покинет Англию, дверь за ним немедленно и навсегда закроется, а в конце своего рассказа высказал мнение, что, оставаясь в стране, его величество будет подвергать свою жизнь опасности.

В ночь с 22 на 23 декабря / с 1 на 2 января 1688/1689 года Джеймс покинул Рочестер и направился к Дувру. Здесь король сел на небольшой корабль, предназначенный доставить его во Францию. Вместе с ним Англию покинул и его внебрачный сын (от сестры лорда Черчилля) герцог Бервик. Утром 25 декабря корабль прибыл во французский порт Амблетёз (*Ambleteuse*).

За день до своего отъезда из Рочестера Джеймс написал письмо к своим подданным с объяснением причин, побудивших его оставить Англию. В качестве главной из них король назвал угрозу своей жизни, которую он особенно остро ощутил во время пребывания в Уайтхолле в последнюю ночь перед отплытием из Лондона, когда войска принца Оранжского окружили его дворец. «После всего этого, — заявлял Джеймс в своем послании к подданным, — как мог я надеяться быть в безопасности, поскольку тот, в чьей власти я находился, не только совершил это в отношении меня и завоевал мои королевства без какого-либо предоставленного ему для этого обо-

См.: *Memoirs of James the Second, King of England &*, collected from various authentic sources. In two volumes. London, 1821. Vol. 2. P. 186–187.

¹ См.: *Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714*. In six volumes. Vol. 1. London, 1857. P. 489.

снованного повода»¹. «Я был рожден свободным и желаю оставаться свободным, — продолжал он далее, — и поэтому в нескольких случаях я открыто рисковал своей жизнью для блага и чести моей страны и свободен поступить так еще раз... однако я не считаю подобающим выставлять себя защищенным, так как на самом деле не в состоянии защитить себя; и по этой причине удаляюсь, но так, чтобы находиться поблизости до тех пор, пока глаза нации не откроются, чтобы увидеть, как они были оскорблены и обмануты под благовидными предлогами религии и собственности»².

Лорд Эйлсбери, пребывавший с Джеймсом в Рочестере, вспоминал впоследствии, что при прощании перед отплытием во Францию его величество сказал ему: «Если я не удалюсь, меня определенно заточат в Тауэр, а из этого места никогда не выходил ни один король, разве что в могилу. Покидать свою родную страну — жестокая вещь для подданного, еще более жестоко для короля покидать три своих королевства... Я объявляю вам, что удаляюсь ради безопасности своей персоны, и я всегда буду готов возвратиться, когда глаза моих подданных откроются. Вам всем надо держаться друг друга и жить в единстве для моего блага. А что касается моих офицеров и других лиц, приверженных римско-католической вере, я приказал им возвратиться и жить в спокойствии... Вы можете дать мне совет остаться?»³

Свое вступление в столицу Англии штатхаудер Нидерландов начал готовить еще до того как Джеймс II ее покинул. В ночь на 18/28 декабря сюда вошли отряды личной гвардии его высочества и стали по улицам, по которым он должен был проезжать, а также возле Уайтхолла и Сент-Джеймского дворцов и Сомерсетского дома (*Somerset House*), где проживала королева-вдова.

Заседавший утром Общий совет лондонского сити постановил, чтобы все олдермены и их заместители, а также два шерифа и чле-

¹ The Life of James the Second, King of England &, collected out of memoirs writ of his own hand. Together with the King's advice to his son, and His Majesty's will. Published from the original Stuart's manuscripts in Carlton-House, by the Rev. J. S. Clarke. In two volumes. Vol. 2. London, 1816. P. 274.

² Ibid. См. также: Cobbett's Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the Year 1803. Vol. 5. Comprising the period from the Revolution, in 1688, to the Accession of Queen Anne, in 1702. London, 1809. Col. 22.

³ Цит. по: *Turner F. C.* James II. New York, 1948. P. 453.

ны Совета собрались у Сент-Джеймского дворца для торжественной встречи его высочества¹.

§ 10. Вступление принца Оранжского в Лондон

Принц Оранжский въехал в Лондон 18/28 декабря, около трех часов пополудни, в коляске с открытым верхом и в сопровождении многочисленного отряда военных². Его встречали толпы лондонцев, вышедших на улицы города, несмотря на дождливую погоду. Они приветствовали штадхаудера Нидерландов как долгожданного гостя. А он прибыл в английскую столицу как завоеватель, заполонив ее своими войсками. Находившийся в это время в Лондоне французский посланник Бариллон написал в письме к королю Людовику XIV, что принц Оранжский вел себя в столице Англии так, будто пребывал в военном лагере. Английские офицеры не скрывали своего недовольства бесцеремонным поведением иностранного властителя и его окружения.

21/31 декабря его высочество издал приказ, которым обязал всех лиц, в чьих руках по каким-то причинам оказалось оружие, потерянное или брошенное при беспорядочном расформировании армии Джеймса II, передать его тем, кому оно принадлежало, или их командирам³. Вслед за тем он приказал солдатам королевской армии возвратиться в свои подразделения. По распоряжению его высочества все английские войска были удалены из Лондона и его окрестностей. Новые места их дислокации были отнесены от столицы на расстояние не менее 20 миль. Вплоть до лета 1690 года английским военным отрядам было запрещено находиться в Лондоне и его предместьях. Все это время здесь располагались только нидерландские войска.

¹ A short account of a methods, used for re-establishing of our government // *Bohun E., Collier J.* The History of the Desertion, or an Account of all the Publick Affairs in England, from the beginning the September 1688 to the Twelfth of February following. P. 113.

² A True Account of His Highness the Prince of Orange's Coming to St James's, on Tuesday the 18th of December 1688. London, 1688. P. 1.

³ Текст данного приказа приводится в издании: *Bohun E., Collier J.* The History of the Desertion, or an Account of all the Publick Affairs in England, from the beginning the September 1688 to the Twelfth of February following. P. 115.

§ 10. Вступление принца Оранжского в Лондон

По свидетельству очевидцев, иностранные офицеры и солдаты вели себя в Лондоне как хотели и платили за покупки, сколько соизволяли¹. Не случайно лондонцы спустя некоторое время стали открыто выражать недовольство их пребыванием в городе. Многомесячная оккупация английской столицы иностранными войсками есть еще один факт, показывающий, что так называемая «славная революция» являлась в сущности своей настоящей военной агрессией Нидерландов против Англии.

¹ The State-Prodigal His Return, containing a true State of the Nation. In a Letter to a Friend. London, 1689. P. 4.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Принц Оранжский в Лондоне: декабрь–январь 1688/1689 года. Подготовка созыва Конвента

Вступив в Лондон, принц Оранжский оказался перед нелегким выбором. Его высочеству предстояло теперь осуществить то, что было провозглашено им накануне военной экспедиции в Англию в качестве главного ее мотива, а именно: созвать «свободный и законный» парламент. Созыв английского парламента был необходим штадхаудеру Нидерландов и для того, чтобы юридически оформить свое восшествие на королевский престол, являвшееся настоящей целью его вторжения с войсками в Англию. Однако созвать парламент на основе приказов, изданных королем Джеймсом II, он не мог, поскольку тем самым признал бы его власть над страной. Для издания же собственных приказов принц Оранжский не имел полномочий: иностранный властитель не мог назначать выборы в английский парламент. Некоторые правоведы из группировки вигов (Поллексфен, Холт и др.) советовали принцу Оранжскому возложить на себя звание короля по примеру Генриха VII и после этого созвать парламент, который был бы вполне законным как созданный королем *de facto*¹. Если бы штадхаудер Нидерландов согласился на такой шаг, то проявил бы себя как узурпатор и неизбежно лишился бы поддержки многих английских подданных. Поэтому он выбрал другой, более сложный и длинный путь, решив действовать через посредство лордов.

На третий день после своего прибытия в Лондон принц Оранжский собрал в Сент-Джеймском дворце около шестидесяти представителей английской знати и выступил перед ними со следующей речью: «Мои лорды! Я пожелал увидеть вас здесь, чтобы посоветоваться, как лучше достичь целей моей Декларации, состоящих в созыве свободного парламента для защиты протестантской религии, восстановления прав и свобод королевства и в установлении их таким

¹ См.: Burnet's history of his own time. P. 509; *Mackintosh J.* History of the Revolution in England in 1688. P. 556.

образом, дабы они не могли снова подвергнуться опасности быть ниспровергнутыми»¹. После этого принц Оранжский удалился. Лорды же продолжили свое заседание. Кто-то из них зачитал Декларацию его высочества о мотивах вооруженного вторжения в Англию. Все дружно одобрили ее и постановили выразить штадхаудеру Нидерландов благодарность за то, что он пришел с войсками в Лондон и освободил Англию от засилья папистов. Затем лорды решили, что достижение целей указанной Декларации требует как можно быстрого созыва парламента. Для разрешения юридических проблем, которые возникали в связи с этим, лорды обратились за помощью к профессиональным юристам: Джону Майнарду, Холту, Поллексфену, Брэдфорду и Аткинсону².

22 декабря / 1 января 1688/1689 года духовные и светские лорды собрались в Вестминстере и приняли постановление, которым потребовали удаления в течение пяти дней, «для лучшего обеспечения мира и общей безопасности», всех папистов и лиц, имеющих репутацию папистов, из сити Лондона и мест, к нему прилегающих. Данное постановление не распространялось на папистов, состоявших в услужении королеве-вдове, и на исповедовавших римско-католическую веру иностранных послов с их домашними слугами и других иностранцев — торговцев или промышленников, пребывавших в Английском королевстве для ведения торгово-промышленной деятельности³. По признанию короля Джеймса, находившегося в то время в Рочестере, именно это постановление окончательно склонило его к принятию решения об оставлении Англии⁴.

23 декабря / 2 января принц Оранжский издал следующий приказ: «Принимая во внимание, что необходимость дел требует быстрого совета, Мы желаем, чтобы все лица, состоявшие на службе

¹ Cobbett's Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the Year 1803. Vol. 5. Col. 21.

² Историк Джеймс Макинтош в перечне юристов, к которым обратились лорды для консультаций, назвал вместо Аткинсона — Аткинса (*Atkins*), вместо Брэдфорда — Брэдбери (*Bradbury*). См.: *Mackintosh J. History of the Revolution in England in 1688*. P. 556.

³ Orders of the Lords Spiritual and Temporal against Papists, December 22, 1688 // *A Kingdom without a King: The Journal of the Provisional Government in the Revolution of 1688*. P. 156.

⁴ См.: *Mackintosh J. History of the Revolution in England in 1688*. P. 561.

в качестве рыцарей, жителей сити и бургов в каком-либо из парламентов, собиравшихся во время правления короля Карла Второго, встретились с Нами в Сент-Джеймском дворце в среду 26 декабря в 10 часов утра. И Мы также хотим, чтобы лорд-мэр и курия олд-ермэнов сити Лондона были бы там в то же самое время; и чтобы Общий совет назначил бы пятьдесят своих членов, дабы они также там были. И в связи с этим Мы желаем, чтобы они не подвели Нас»¹.

25 декабря / 4 января лорды снова заседали в Вестминстере и приняли, от имени Палаты лордов, следующее обращение к принцу Оранжскому: «Мы, собравшиеся духовные и светские лорды, желаем, чтобы ваше высочество взяли на себя управление общественными делами, как гражданскими, так и военными, и распоряжение общественными налогами для сохранения нашей религии, прав, свобод и мира нации; и чтобы ваше высочество уделили особое внимание нынешнему состоянию Ирландии, и попытались быстрыми и эффективными мерами предотвратить опасность, угрожающую тому Королевству. Мы просим у его высочества предпринять и осуществить все это до созыва запланированного Конвента 22 января. Мы не сомневаемся в том, что будут предприняты соответствующие меры, которые поспособствуют установлению всего этого на таких прочных и легальных основаниях, чтобы им не угрожала опасность снова быть ниспровергнутыми»². За принятие данного постановления проголосовало 77 лордов.

На следующий день около ста шестидесяти парламентариев времен правления короля Карла II, а также олд-ермэны и депутаты Общего совета сити Лондона собрались в Сэнт-Джеймском дворце. Принц Оранжский обратился к ним с короткой речью, в которой сказал: «Я пожелал, джентльмены, встретиться с вами, членами последних парламентов, чтобы посоветоваться о лучшем способе достижения целей моей Декларации, заключающихся в созыве свободного парламента, в сохранении протестантской религии и в восстановлении прав и свобод королевства и в устройстве такого порядка,

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. London, 1802. P. 5.

² Address of the Lords Spiritual and Temporal to the Prince of Orange, December 25, 1688 // The History and Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the Present Time. Vol. 2. London, 1742. P. 195.

при котором они не будут подвергаться опасности снова оказаться ниспровергнутыми»¹.

Выслушав речь принца Оранжского, парламентарии направились заседать в качестве Палаты общин в Вестминстерский дворец. Там они первым делом избрали председательствующего — им стал эсквайр Генри Паул (*Henry Powle*, 1630—1692) и обсудили вопрос о том, какая власть их созвала. Решили, что просьба принца Оранжского вполне достаточное основание для этого. Затем сэр Роберт Саусвел (*Robert Southwell*, 1635—1702) предложил подумать, каким образом его высочество мог бы взять на себя управление всеми делами королевства, не принимая на себя какого-либо особого титула, на что ему ответили, что собрание напрасно потеряет много времени, если будут ждать до тех пор, пока сэр Роберт поймет, как это можно было бы сделать. После этого парламентарии единогласно приняли решение о том, чтобы просить принца Оранжского принять на себя управление делами королевства на период до начала работы Конвента, то есть до 22 января. При этом парламентарии выразили мнение о том, что было бы желательно, чтобы его высочество повелел направить лордам духовным и светским, протестантам по своим религиозным верованиям, а также коронерам или секретарям мировых судов (*clerk of peace*) графств, вице-канцлерам университетов, главным магистратам городов и портов Англии и Уэльса подписанные им письма с поручениями организовать в течение десяти дней после их получения выборы такого количества представителей в Конвент, созываемый 22 января, которое обыкновенно избирается в состав парламента². Эти и другие свои решения, принятые на заседании в Вестминстерском дворце, парламентарии сочли необходимым довести до сведения принца Оранжского. С этой целью они поручили группе депутатов составить текст специального адреса и представить его на рассмотрение и одобрение собрания во второй половине дня.

27 декабря / 6 января Генри Паул передал указанный адрес принцу Оранжскому. В нем говорилось: «Мы, служившие в качестве членов парламентов в течение правления короля Карла Второго, вместе с кюрией олддермэнов и членами Общего совета сити Лондона,

¹ Address of the Lords Spiritual and Temporal to the Prince of Orange, December 25, 1688. P. 197.

² The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 6.

собравшиеся по желанию Вашего Высочества в этой чрезвычайной обстановке, по единодушному согласию, приносим Вашему Высочеству нашу покорнейшую и искреннюю благодарность за то, что Вы прибыли в это Королевство, подвергая свою персону столь великим опасностям, за сохранение нашей религии, законов и свобод, и за освобождение нас от ужасов папства и рабства. И мы желаем Вашему Высочеству, чтобы для достижения этих целей и для сохранения спокойствия нации Ваше Высочество приняли на себя управление общественными делами, как гражданскими, так и военными, и распоряжение общественными налогами. Мы желаем также, чтобы Ваше Высочество обратили особое внимание на настоящее положение в Ирландии и попытались посредством быстрых и эффективных мер предотвратить опасности, угрожающие этому Королевству. Мы желаем, чтобы все это Ваше Высочество предприняли и исполнили до созыва запланированного Конвента 22 января»¹. Далее в адресе излагались предложения парламентариев по организации выборов в Конвент. Завершалось обращение парламентариев к принцу Оранжскому следующими словами: «Мы покорно предлагаем это Вашему Высочеству в качестве лучшего нашего совета в тяжелом положении дел для достижения целей Декларации Вашего Высочества и как лучшие средства, ведущие к такому устройству, при котором наша религия, законы и свободы не будут подвергаться опасности снова оказаться ниспровергнутыми»².

Принц Оранжский ответил на обращения к нему лордов и депутатов Палаты общин 28 декабря / 7 января. «Я рассмотрел ваш совет, — гласил его ответ, — и попытаюсь, насколько буду в состоянии это сделать, обеспечить спокойствие нации до созыва Конвента в ближайшем январе; что же касается выборов, то я направлю письма в соответствии с вашим пожеланием. Я также позабочусь о том, что использовать общественные налоги на наиболее неотложные нужды, требуемые настоящим состоянием дел; и подобным же образом попытаюсь привести Ирландию в такое состояние, чтобы протестантская религия и английские интересы были гарантированы в этом королевстве: и далее уверяю вас, что я пришел сюда для сохранения протестантской религии и законов и свободы этих королевств;

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 6.

² Ibid. P. 7.

поэтому я всегда буду готов подвергнуть себя любой опасности для их защиты»¹.

29 декабря / 8 января 1688/1689 года принц Оранжский подписал письма коронерам и секретарям мировых судов графств, вице-канцлерам университетов и главным магистратам городов и портов с поручением организовать в течение десяти дней после их получения выборы членов Конвента. Его высочество вполне сознавал, что подобные поручения должностным лицам местной администрации мог давать только законный король Англии. В крайнем случае, они могли исходить от лордов или должностных лиц центрального или местного управления², но ни при каких обстоятельствах от иностранного властителя. Поэтому направление принцем Оранжским должностным лицам местной администрации поручений организовать выборы в Конвент было представлено в его письме в качестве исполнения совета и желания депутатов парламентов, собиравшихся в течение правления короля Карла II, а также олдермэнов и членов Общего совета Сити Лондона. Коронеры и секретари мировых судов графств, вице-канцлеры университетов, главные магистраты городов и портов должны были в течение десяти дней после получения поручений принца Оранжского организовать выборы такого количества представителей в Конвент, созываемый 22 января, которое обыкновенно избирается в состав парламента. В заключение письма о выборах членов Конвента его высочество заверял: «Мы, искренне желая исполнения того, что было выражено Нами в Декларации, следуя указанным совету и желанию, повелели направить вам это письмо

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 7.

² Созыв парламента по решению лордов или должностных лиц центрального или местного правления предусматривался, например, в «Акте для предотвращения неудобств, случающихся вследствие долгого перерыва в работе парламента», принятом 15/25 февраля 1640/1641 г. (см.: *Томсинов В. А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года. М.: Зерцало-М, 2010. С. 95–107. В 1688 г. названный акт не действовал — его отменил принятый в 1664 г. «Акт о собрании и заседании парламента, по крайней мере, раз в три года и об отмене акта, озаглавленного “Акт для предотвращения неудобств, случающихся вследствие долгого перерыва в работе парламента”, однако сам факт, что он был принят и считался действующим двадцать три года, показывает, что созыв парламента вопреки воле законного короля являлся для политического сознания английского общества вполне допустимым.

с ожиданием, что вы верно и честно, без потворства и пристрастия к какому-либо лицу, без ложных приемов и процедур, сделаете то, что должно быть сделано с вашей стороны для должного исполнения всего, в соответствии с указанным советом; выборы должны осуществляться только такими лицами, которые, согласно старинным законам и обычаям, имеют право избирать членов парламента»¹.

30 декабря / 9 января принц Оранжский издал прокламацию, в которой повелел шерифам, мировым судьям и другим должностным лицам местной администрации исполнять свои обязанности вплоть до начала работы Конвента. На следующий день его высочество наведялся в Сомерсетский дом к королеве-вдове, супруге Карла II. Королева воспользовалась благоприятным случаем, чтобы попросить его высочество освободить лорда Февершэма, который будучи главнокомандующим армии Джеймса II, являлся одновременно ее чемберленом. Принц Оранжский исполнил ее просьбу.

2/12 января 1688/1689 года штадхаудер Нидерландов выпустил декларацию, призывающую английских чиновников лучше собирать общественные налоги. 5/15 января он издал приказ об отводе всех войск из мест, где должны были состояться выборы в близлежащие города или города, в которых выборов не будет².

7/17 января принц Оранжский выступил перед представителями знати и джентри Шотландии, собранными им в Сент-Джеймском дворце. В своей речи он сказал то же самое, что говорил 26 декабря лордам и коммонерам Англии. И точно так же шотландские представители удалились из дворца на заседание. Оно проходило в Уайтхолле и тоже заняло два дня. В ходе этого заседания было рассмотрено и одобрено обращение к принцу Оранжскому, весьма похожее на такой же документ, утвержденный 26 декабря английскими парламентариями. Единственное отличие шотландского обращения заключалось в дате созыва собрания представителей нации — шотландцы предложили созвать его в Эдинбурге 14 марта³. 10/20 января указан-

¹ The Letters for Electing of Members for the Convention // The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 8.

² См. текст данного приказа в издании: *Bohun E., Collier J.* The History of the Desertion, or an Account of all the Publick Affairs in England, from the beginning the September 1688 to the Twelfth of February following. P. 119.

³ См. текст данного обращения в издании: *Ibid.* P. 120.

ное обращение, подписанное тридцатью шотландскими лордами и восьмьюдесятью джентльменами, было передано принцу Оранжскому. Ответ его высочества на это обращение, последовавший 14/24 января, был таким же, как и его ответ на обращение английских парламентариев¹. Данный факт является очевидным свидетельством того, что английские и шотландские парламентарии руководствовались при составлении своих обращений к принцу Оранжскому одним и тем же образцом.

¹ См. текст ответа принца Оранжского на обращение представителей знати и джентри Шотландии в издании: *Bohun E., Collier J. Op. cit. P. 121.*

ГЛАВА ПЯТАЯ

Революция в Конвенте

§ 1. Начало работы Конвента

Конвент собрался, как и было запланировано, 22 января / 1 февраля 1688/1689 года. В своей организации и деятельности он полностью следовал формам и процедурам обыкновенного английского парламента¹. Так же, как и в парламенте, в нем было две палаты — Палата лордов и Палата общин, которые, в свою очередь, делились на комитеты². В самом начале первого заседания палат были избраны спикеры: в Палате лордов эту должность занял Георг Савиль, маркиз Галифакс (*George Savile, marquis Halifax*, 1633—1695), в Палате общин — эсквайр Генри Паул. Затем были назначены клерки палат и их помощники, а также приставы (*serjeant at arms*).

Во время процедуры представления депутатов палат обнаружилось, что на первое заседание Конвента не явилось около полуторда десятка лордов³, а в Палате общин не были представлены целые

¹ Член Палаты общин Томас Кладжес (*Thomas Clarges*, 1617—1695) говорил 22 января / 1 февраля, обращаясь к депутатам Конвента: «Вы находитесь здесь в настоящее время в качестве Конвента, похожего на Парламент» (*Debates of the House of Commons. From the Year 1667 to the Year 1694. Collected by the Honourable Anchtell Grey, Esq.; who was Thirty Years member for the Town of Derby, Chairman of Several Committees; and deciphered Coleman's letters for the use of the House. In ten volumes. Vol. 9 (далее: Grey's debates. Vol. 9). London, 1769. P. 5).*

² Протокол заседания Палаты общин 22 января 1688 г. (по Юлианскому календарю) показывает, например, что в этот день были образованы: «Комитет по выборам и привилегиям», «Большой комитет по религии», «Большой комитет по жалобам», «Большой комитет по судам правосудия», «Большой комитет по торговле» (*The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 10*). В Палате лордов 23 января были созданы «Комитет по привилегиям» и «Комитет по петициям», 28 января — «Комитет по папистам» (*The Journals of the House of Lords. Vol. 14. London, 1771. P. 104, 109*).

³ Протокол первого заседания Палаты лордов зафиксировал присутствие 81 лорда (*The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 101*), тогда как в парламенте, созывавшемся Джеймсом II, их было 97 (*ibid. P. 3*).

графства¹. Палата лордов 23 января / 2 февраля призвала лордов, получивших от принца Оранжского письма с приглашением в Конвенте, прибыть на заседание 25 января / 4 февраля², а Палата общин предложила своему спикеру подать прошение принцу Оранжскому о том, что было бы желательно, чтобы его высочество послал новые письма соответствующим коронерам или главным магистратам о заполнении вакансий в Палате общин путем избрания в нее новых депутатов³.

По традиции каждый парламент открывался торжественной речью короля. Вместо нее спикеры палат зачитали депутатам письмо принца Оранжского. Его высочество утверждал в своем послании к членам Конвента, что использовал все имевшиеся в его распоряжении властные полномочия для обеспечения спокойствия и безопасности в обществе, и не знает ничего, что не было бы сделано для их поддержания с тех пор, как управление государственными делами оказалось в его руках. «Теперь, — заявлял он, — на вас лежит задача заложить основания прочных гарантий для вашей религии, ваших законов и ваших вольностей. Я не сомневаюсь, что этим, столь полным и свободным представительством нации, каковое собралось ныне, цели моей Декларации будут достигнуты. И так как до сих пор Богу было угодно благословлять мои добрые намерения столь великим успехом, я верю в Него, верю в то, что Он завершит Свою Работу, ниспослав дух мира и единения для воздействия на ваши советы, дабы не могло прерваться счастливое и долговременное государственное устройство»⁴. Далее принц Оранжский обращал внимание членов Конвента на «опасное состояние протестантской религии в Ирландии», требовавшее, по его мнению, «масштабных и быстрых мер», и на состояние дел за границей. «После опасности несвоевременных разногласий между вами, — увещевал он депутатов, — ниче-

¹ «Перед нами стоят вопросы огромной важности, — говорил в своем выступлении на первом заседании Палаты общин Томас Кладжес, — поэтому, я надеюсь, мы будем действовать с благоразумием и осторожностью. Цели графства не имеют пока членов: и это не может быть вменено нам в вину, и [хотя] все возражения могут быть отброшены, я хотел бы, чтобы это великое дело обсуждалось в полной Палате» (Grey's debates. Vol. 9. P. 5).

² The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 105.

³ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 12–13; Grey's debates. Vol. 9. P. 6.

⁴ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 9.

го не может быть столь фатальным, как слишком большая отсрочка в ваших советах. Штаты, которыми я уполномочен освободить данную нацию, могут внезапно ощутить неблагоприятные последствия этого — как от того, что слишком долго лишены услуг своих войск, которые в настоящее время находятся здесь, так и из-за того, что вы прежде помогали могучему врагу, объявившему им войну. И так как Англия уже обязалась посредством договора помогать им (т. е. штатам. — *В. Т.*) в случае крайней необходимости, поэтому я уверен, что их желание сохранить это королевство, сопряженное с таким большим риском для них самих, встретит в ответ все проявления дружбы и содействия, какие только можно ожидать от вас как от протестантов и англичан в любое время, когда их положение будет этого требовать»¹.

В ответ на данное письмо члены Конвента направили принцу Оранжскому адрес с выражением благодарности за спасение нации и за принятие на себя управления государственными делами Англии. В конце адреса они обращались к его высочеству с просьбой продолжать эту управленческую деятельность до тех пор, пока парламентариями, собравшимися в Вестминстере, «не будет сделано относительно этого дальнейшее заявление»². Принц Оранжский в свою очередь направил членам Конвента адрес, в котором выразил удовлетворение высокой оценкой его дел и сообщил, что принимает сделанное ему предложение продолжать управление Английским королевством.

Джеймс II также подготовил к открытию Конвента послание. Через своего слугу он сумел передать его текст, датированный 4/14 января 1689 года³, некоторым членам Палаты лордов. Не получив известий о том, прочитано оно было лордами или нет, король подготовил еще одно послание, в котором коротко пересказал суть предыдущего. В конце его стояла дата «the 3d of Febru: Anno 1689», скорее всего — по Григорианскому стилю. По Юлианскому это было 24 января 1688 года, третий день работы Конвента.

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 9.

² Ibid.

³ 4 января 1688 г. — по Юлианскому календарю, 14 января 1689 г. — по Григорианскому, действовавшему тогда во Франции, где пребывал в это время английский король.

Тексты этих писем короля Джеймса не приводятся в работах, посвященных английской «славной революции» 1688–1689 годов, и редко в какой из них упоминаются. Нет информации о них и в официальных протоколах заседаний палат, опубликованных в четырнадцатом томе «Журналов Палаты лордов» и в десятом томе «Журналов Палаты общин». Не упоминаются указанные письма и в частных записях дебатов в Конвенте, сделанных его депутатами — такими, как например, член Палаты общин от города Дерби Анчитл Грей (*Anchitell Grey*). Во всяком случае, просмотрев сборники, содержащие записи протоколов заседаний Конвента, проходивших в январе — начале февраля 1688/1689 года, я обнаружил сведения о письмах короля Джеймса к лордам только в издании под названием «История и заседания Палаты Общин с Реставрации до настоящего времени, содержащие наиболее примечательные предложения, речи, решения, доклады и конференции этого периода»¹, которое было выпущено в Лондоне в 1742 году. В помещенной в это издание заметке, предшествующей записи, датированной 28 января, говорится, в частности: «Около этого времени король, пребывавший тогда в Сэнт-Жермене, направил следующее письмо обеим палатам, в котором он с огромным беспокойством сообщал им...». Далее приводится сокращенный текст письма Джеймса от 4/14 января 1689 года. Данная заметка была впоследствии воспроизведена в пятом томе «Коббетской парламентской истории Англии»², вышедшем в свет в 1809 году.

Полные же тексты писем английского короля к лордам от 4/14 января и от 24 января / 3 февраля 1688/1689 года были впервые опубликованы только в 1816 году — в первом издании его жизнеописания, составленного предположительно в 1707 году на основе собственноручно им написанных мемуаров³. Данное издание осуше-

¹ The History and Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the present time. Containing the most remarkable motions, speeches, resolves, reports and conferences to be met in that interval. London, 1742. Vol. 2. P. 202.

² Cobbett's Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the Year 1803. Vol. 5. Col. 35–36.

³ The Life of James the Second, King of England &, collected out of memoirs writ of his own hand. Together with King's advice to His son, and His Majesty's will. Published from original Stuart manuscript in Carlton House, by the rev. J. S. Clarke. Vol. 2. P. 286–289. Во втором издании мемуаров короля Джеймса II его письмо к лордам, написанное 4/14 января 1689 г., было приведено в примечании — в сокращенном виде и

ствил историограф принца Уэльского Джеймс Станьер Кларк (*James Stanier Clark*) на основе их манускрипта, приобретенного его высочеством в 1807 году в Италии у бенедиктинских монахов¹.

Сам факт появления в Конвенте королевского письма и в особенности его содержание очень важны для оценки судьбоносных для Англии решений Конвента и для понимания сущности события, вошедшего в историю под названием английской «славной революции».

«Мы считаем себя обязанными, — сообщал король в начале своего послания от 4/14 января, — по совести делать все, что можем, для отверзания глаз народа, чтобы они могли видеть истинный интерес Нации в этой важной ситуации, и поэтому полагаем довести до вашего сведения следующее: обнаружив, что Мы не можем больше ни оставаться в безопасности, ни действовать свободно во всем, что касается нашего народа, и что Нам совершенно необходимо удалиться, Мы оставили изложенные собственноручно мотивы Нашего удаления для того, чтобы они были сообщены вам и Нашим Подданным...»². Далее его величество отмечал, что решил заново изложить

в пересказе. При этом к нему были добавлены строки из короткого письма, написанного королем 3 февраля. Эта смесь двух писем была представлена как одно письмо и под ним была поставлена дата второго письма. См.: *Memoirs of James the Second, King of England &, collected from various authentic sources. In two volumes. Vol. 2. London, 1821. P. 201–202 (примечание).*

¹ Подлинная рукопись мемуаров Джеймса II не сохранилась. 24 марта 1701 г., за полгода до своей смерти (16 сентября 1701 г.) Джеймс передал ее на хранение Луи Иннесу, принципалу шотландского колледжа в Париже, и его наследникам. Во время революции колледж попытался переправить рукопись в Англию через посредство месье Чапентьера (*Chapentier*). Но эта попытка оказалась неудачной. Чапентьер был арестован. Его жена сначала закопала рукопись возле своего дома, а потом, боясь, что революционные власти найдут королевскую рукопись, выкопала ее и сожгла. В 1707 г. сын Джеймса II Джеймс Фрэнсис Эдуард брал рукопись мемуаров отца из шотландского колледжа к себе в Сент-Жерменский дворец. По всей видимости, именно тогда и было составлено четырехтомное жизнеописание Джеймса Второго, короля Англии. О том, кто являлся составителем этого произведения, можно только гадать. Несомненно одно: текст жизнеописания содержит множество фрагментов оригинального текста мемуаров Джеймса II и подлинные тексты его писем.

² «We think our selves oblig'd in conscience to doe all we can, to open our people's eyes that they may see the true interest of the Nation in this important conjuncture, and therefore think to let you know, that finding we could no longer stay with safety, nor act with freedom in what concern'd our people, and that it was absolutely necessary for us

эти мотивы для лордов, членов его Тайного совета, так как прежнее его письмо, в котором они описывались, принц Оранжский и его приверженцы злонамеренно скрыли.

Джеймс хорошо понимал, что своей эмиграцией из Англии дал противникам весомый повод для отстранения его от королевского престола. Поэтому в основном тексте послания к лордам он постарался представить этот свой поступок как вынужденный, а свое пребывание за пределами Англии — временным. Возвращение в Англию Джеймс назвал самым большим своим желанием. «Мои лорды,— писал он, — когда Мы увидели, что для Нас небезопасно более оставаться в пределах Нашего королевства Англии и вследствие этого приняли решение удалиться на некоторое время, Мы приказали сообщить вам и всем Нашим подданным мотивы Нашего удаления, и в то же время решили подобным же образом оставить после себя такие приказы вам, Нашему Тайному совету, каковые могли бы лучше подходить к настоящему состоянию дел; но так как в то время это все было для Нас небезопасным, в настоящее время Мы полагаем подобающим сообщить вам, что хотя Нашей постоянной заботой с момента первого Нашего восшествия на королевский престол было управлять Нашим народом с такой справедливостью и умеренностью, чтобы не давать (если возможно) никакого повода для жалобы, однако в особенности во время последнего вторжения, видя, какой план приводился в исполнение, меньше всего опасаясь, что Наш народ (который никем не мог быть погублен, кроме как самим собой) мог быть посредством малого числа воображаемых обид приведен к крушению, для предотвращения столь великого бедствия и для полного искоренения не только справедливого повода, но даже предлога к недовольству, Мы свободно и по Нашему собственному согласию исправляли все то, что могло быть выставлено в качестве мотивов вторжения; и дабы иметь возможность получить от Совета и от наших подданных сведения о том, какой путь позволит дать им дальнейшее и полное удовлетворение, Мы решили встретиться с ними в свободном парламенте, восстановив относительно сити Лон-

to retire, we left the reasons of our withdrawing under our hand, to be communicated to you and our Subjects in the following terms...» (The Life of James the Second, King of England &, collected out of memoirs writ of his own hand. Vol. 2. P. 286). Здесь и далее при цитировании английского текста письма Джеймса II я сохраняю правописание его публикации, основанной на манускрипте.

дона и других корпораций действие их старинных хартий и привилегий и после этого действительно поручили издать приказы для его созыва 15 января. Однако принц Оранжский, видя, что все цели его Декларации достигнуты и народ начал выходить из заблуждения и быстро возвращаться к своему старинному долгу и верности, и хорошо предвидя, что, если парламент соберется в назначенное время, как в церкви, так и в государстве будет введено, по всей вероятности, такое устройство (*settlement*), которое полностью разрушит его амбициозные и несправедливые намерения, решил всеми возможными средствами воспрепятствовать его созыву, и чтобы сделать это наиболее эффективным способом, он счел необходимым наложить ограничение на Нашу королевскую персону; поэтому было бы абсурдным называть свободным Парламент, где применяется какое-либо принуждение относительно какой-либо из палат, еще меньше оснований говорить, что действует свободно тот парламент, где суверен, посредством власти которого он созван и заседает и от чьего королевского одобрения получают силу акты и санкции, находится под фактическим арестом»¹.

¹ «My Lords, when we saw it was no longer safe for us to remain within our Kingdom of England, and thereupon we had taken our resolutions to withdraw for some time, we order'd to be communicated to you and all our Subjects the reasons of our withdrawing, and we were at the same time resolved likewise, to leave such orders behind us, to you of our Privy Council, as might best suit with the present state of affairs; but that being altogether unsafe to us at that time, we now think fit to let you know, that thō it has been our constant care since our first accession to the Crown to govern our people with that justice and moderation as to give (if possible) no occasion of complaint; yet more particularly upon the late invasion, seeing how the design was layd, and fearing least our people (who could not be destroyd but by themselves) might by little imaginary grievances, be cheated into a certain ruin; to prevent so great a mischief and to take away not only all just cause, but even pretence of discontent, we freely and of our own accord redress'd all those things which were set forth as the causes of invasion, and that we might be inform'd by the Council and Advice of our Subjects themselves, which way to give them a further and full Satisfaction, we resolved to meet them in a free Parliament by restoring the City of London and the rest of the Corporations to their antient Charters and privileges; and afterwards actually appointed writs to be issued out for its meeting on the 15th of January: But the Prince of Orange seeing all the ends of his Declaration answered, the people beginning to be undeceived, and returning a pace to their antient duty and allegiance, and well foreseeing that if the Parliament should meet at the time appointed, such a settlement would in all probability have been made both in Church and State, as would have totally defeated his ambitious and unjust designes, resolved by all means possible to prevent the meeting of it; and to doe this the most effectual way,

Словами «фактический арест» Джеймс определил положение, в котором он оказался после своего возвращения в Лондон 16 декабря, когда королевский дворец был окружен нидерландскими военными. Напоминая о нем лордам, его величество признавался, что думал в тот момент о горестной участи своего отца — короля-мученика Карла I, находившегося, по его словам, «в подобных же обстоятельствах», а также о том, что «между тюрьмой монарха и могилой для него дистанция вообще маленькая»¹. По признанию Джеймса, именно эти мысли заставили его использовать все возможные средства для освобождения себя от «несправедливого ареста и ограничения». «И Мы совершили это, — подчеркивал он в своем письме, — не столько для безопасности Нашей персоны, сколько для того, чтобы Мы могли бы иметь больше возможности действовать и лучше были бы подготовлены ко всему, что могло бы способствовать миру и устройению наших королевств; в то же время, с одной стороны, никакая перемена фортуны не заставит нас забыть себя настолько, чтобы унизиться до чего-либо недостойного того высокого и королевского места, на которое Всемогущий Бог поместил нас по праву наследования, поэтому, с другой стороны, ни провокация, ни неблагодарность наших собственных подданных, ни какое-либо иное мнение о чем-либо никогда не возобладают над нами, чтобы побудить нас к малейшему шагу, противоречащему интересу английской нации; на который Мы всегда смотрели и должны смотреть как на собственный интерес. Наша воля и желание заключаются поэтому, чтобы вы, наш Тайный совет, проявили самую действенную заботу для того, чтобы сделать эти наши милостивые предпочтения известными лордам духовным и светским, в Сити и его окрестностях и в Вестминстере, и лордам-мэрам Сити Лондона и вообще всем нашим подданным; и заверить их, что Мы ничего более не желаем, кроме как возвратиться и созвать свободный парламент, в котором Мы сможем иметь луч-

he thought fit to lay a restraint upon our royal person; for as it were absurd to call that a free Parliament where there is any force upon either of the Houses, so much less can that Parliament be said to act freely, where the Sovereign by whose authority they meet and sit, and from whose royal assent all their acts receive their life and Sanction, is under actual confinement» (The Life of James the Second, King of England &, collected out of memoirs writ of his own hand. Vol. 2. P. 286–288).

¹ «That there is generally little distance between the prison and grave of a Prince» (Ibid. P. 288).

шую возможность вывести Наш народ из заблуждения и показать искренность этих, сделанных Нами, заявлений о сохранении свобод и собственности наших подданных, защите приверженцев протестантской религии, в особенности тех, которые принадлежат Англиканской церкви, установленной законом, вместе с такой же терпимостью к тем, кто отошел от нее, так как Мы всегда пребываем в раздумье о правосудии и заботе об общем благе Нашего Народа, обязанные обеспечивать его; а тем временем вы, члены Нашего Тайного совета (кто может судить лучше тех, кто находится на месте), должны послать Нам совет о том, что надлежит Нам сделать к Нашему возвращению и для достижения этих благих намерений, и Мы требуем от вас от Нашего имени и Нашей властью постараться подавить все волнения и беспорядки, чтобы нация вообще и каждый из наших подданных в особенности пострадали насколько возможно меньше от нынешних раздоров. Поэтому, не сомневаясь в вашем исполненном сознании долга повиновении этим нашим королевским директивам, от всего сердца желаю вам всего хорошего»¹.

¹ «And this we did not more for the security of our person, than that thereby we might be in a better capacity of transacting and provideing for every thing, that may contribute to the peace and settlement of our Kingdoms: whereas on the one hand, no change of the fortune shall us forget our selves, so far as condescend to any thing unbecomeing that high and royal Station in which God Almighty by right of succession has placed us, so on the other hand, neither the provocation or ingratitude of our own Subjects, no any other consideration whatsoever, shall ever prevail with us, to make the least step contrary to the interest of the English Nation; which we ever did and ever must look upon as our own. Our Will and pleasure therefore is, that you of our Privy Council take the most effectual care to make these our gracious inclinations known to the Lords Spiritual and Temporal, in and about the City and Westminster, and to the Lords Major of the City of London and to all our Subjects in general; and to assure them we desire nothing more than to return and to hould a free Parliament, wherein we may have the best opportunity of undeceiveing our people, and shewing the sincerity of this protestations, we have made, of preserveing the libertys and propertys of our Subjects, protecting the Professors of the Protestant Religion, more especially those of the Church of England as by Law established, together with such indulgence for those as dissent from her, as we have always thought our selves in justice and care of the general welfare of our people, bound to procure for them; and in the mean time you of our Privy Council (who can judge better being upon the place) are to send us your advice, what is fit to be done by us towards our returning, and accomplishing those good ends, and we require you in our name and by our authority to endeavour to suppress all tumults and disorders; that the Nation in general and every one of our Subjects in particular, may receive the least prejudice from the present distractions, that is possible: So not doubting of your dutyfull

Приведенное письмо могло оказать серьезное влияние на умонастроения членов Конвента, но попытки сторонников короля Джеймса вынести его на рассмотрение Палаты лордов оказались тщетными. Лорд Престон передал его текст в Палату общин, к ее спикеру, однако и эта палата сочла неподходящим принимать королевское послание во внимание и потому отклонила его, не открывая¹. Напечатать письмо Джеймса также не удалось. Штадхаудер Нидерландов оказался в достаточной мере всесильным, чтобы предотвратить его публикацию в Лондоне².

Конвент собрался через месяц с небольшим после вступления принца Оранжского с нидерландскими войсками в английскую столицу. Настроения среди жителей Лондона и, в особенности, в среде английской аристократии за это время заметно изменились. Многие из тех, кто поддержал принца Оранжского, отозвавшись на призывы, содержащиеся в его Декларации, испытали разочарование. Им стало ясно, что цели, провозглашенные его высочеством, оказались всего лишь идеологическим прикрытием его стремления захватить английский королевский трон.

Генри Гайд, граф Кларендон записал в своем дневнике под датой 14 января 1688 года³, то есть за восемь дней до начала работы Конвента разговор с нидерландским послом месье Дайквелтом (*Dykevelt*). Посол сказал Кларендону, что, будучи в Голландии, с радостью воспринял известие о его переходе на сторону принца Оранжского, но, прибыв в Англию, не увидел в нем такой приверженности к интересам его высочества, которую ожидал увидеть. Лорд Кларендон ответил на этот упрек посла, что пребывает в том же самом умонастроении, в каком прежде находился, что «перешел на сторону принца Оранжского из-за его декларации, с которой были согласны все честные люди»; что переходя к принцу, «он не был против короля, его величества, назначившего дату созыва парламента и комиссионеров для перегово-

obedience, to these our Royal Commands, we bid you heartily fairwell» (The Life of James the Second, King of England &, collected out of memoirs writ of his own hand. Vol. 2. P. 289–290).

¹ The History and Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the present time. P. 202.

² См. об этом: The Life of James the Second, King of England &, collected out of memoirs writ of his own hand. Vol. 2. P. 291.

³ По Юлианскому календарю.

ров с принцем; что если принц отступит от своей декларации», он не знает, как долго он сможет подчиняться ему. Месье Дайквелт сказал в ответ на это, что лорду Кларендону следует учесть, что «бегство короля полностью изменило положение дел», что «тот, кто видел, как король нарушал и ниспровергал большинство законов, никогда не смог бы подумать о том, чтобы возвратить короля, отрекшегося от правления». В свою очередь Кларендон, заметив, что не будет вступать с послом в спор по вопросу отречения короля или его бегства, довольно откровенно заявил: «*Наша религия не позволяет свергать королей; и я полагаю, мало кто из церкви Англии подвигнется на это. Я знаю общую городскую молву о том, что принц будет провозглашен королем и, возможно, — принцесса королева; один из них или оба, если они на это согласятся: я же, со своей стороны, не могу ни согласиться на это, ни освободить себя от присяги, которую принес королю*»¹.

Подобные воззрения разделяли многие лорды, собравшиеся в Конвенте (Годолфин, Рочестер и др.). Распространены они были и среди коммонеров. Так, по свидетельству баронета Джона Рересби², за сохранение Джеймса II на английском королевском троне выступал бывший спикер Палаты общин (в 1673 и в 1678–1679 гг.) баронет Эдуард Сеймур (*Edward Seymour*, 1632/1633–1708)³. Описывая умонастроения английских политиков во время работы Конвента, Джон Рересби отмечал: «В это время существовало, безусловно, огромное и сильное недовольство, и причины его были следующими: принц

¹ The Correspondence of Henry Hyde, earl of Clarendon and of his brother Laurence Hyde, earl of Rochester, with the Diary of lord Clarendon from 1687 to 1690, containing minute particulars of the events attending the Revolution: and the Diary of lord Rochester during his embassy to Poland in 1676. Edited from the original manuscripts, with notes, by Samuel Weller Singer in two volumes. Vol. 2. London, 1828. P. 246.

² Джон Рересби (*John Reresby*, 14.04.1634–12.05.1689) был губернатором Йорка до своего смещения с этого поста 22 ноября 1688 г. сторонниками принца Оранжского. С первых дней января 1688/1689 г. он пребывал в Лондоне и внимательно следил за работой Конвента.

³ По словам Джона Рересби, Эдуард Сеймур был «человеком очень уважаемым, ратовавшим за продолжение власти от имени короля и даже в его лице, при условии если бы нас гарантировали от опасности папства» (*The Memoirs of the Honourable Sir John Reresby, Bart. and last Governor of York, containing several private and remarkable transactions from the Restoration to the Revolution inclusively*. London, 1734. P. 307). Джон Рересби находился в дружеских отношениях со спикером Палаты лордов маркизом Галифаксом и лично знал сэра Джона Сеймура.

объявил, что он не имеет никаких видов на корону, а ныне добивался ее всеми средствами, какими только мог; он пришел, чтобы упрочить протестантскую религию, и тем не менее привел с собой 4000 папистов в составе своей армии — число, не намного меньшее того, что король имел в своей, однако первые являлись иностранцами, последние же, большей частью, — англичане; была опубликована Декларация, в которой рождение принца Уэльского было объявлено ложным или притворным; и что существует тайный договор с Францией, подчиняющий Англию французским интересам; что убийство последнего короля¹ и графа Эссекского будет полностью раскрыто; и однако ничего из всего этого не появилось, за исключением некоторых незначительных обстоятельств, относящихся к графу Эссекскому. Далее, принц держал свои голландские войска в городе, тогда как английские были отведены в отдаленные места; его высочество объявил, что он намеревается держать здесь своих собственных людей и отослать наших в Голландию и Ирландию; принцесса Анна Датская отодвинута в наследовании короны; несколько знатных людей были смещены со своих постов и лишены продвижения по службе, которого они заслуженно ожидали за свое присоединение к его высочеству, потому что они, как ему показалось, не будут с готовностью голосовать за него»².

Принц Оранжский понимал, что в английском обществе в целом и среди членов Конвента, в частности, было немало противников его восшествия на королевский престол, что многие из англичан поддерживали его не для того, чтобы он стал их новым королем, но исключительно по причине своего неприятия политики Джеймса II. В принце Оранжском они видели не нового короля, а всего лишь инструмент исправления этой политики. При этом они допускали, что его высочество будет править, но мыслили это правление лишь в качестве регента или протектора³. Многие из тех, кто не хотел больше терпеть Джеймса II на английском королевском престоле, полагали, что занять его должна старшая дочь короля Мэри, принцесса Оранжская, а

¹ То есть Карла II. Принц Оранжский поддерживал, а возможно и сам распространял слух о том, что Джеймс II, чтобы занять королевский трон, отравил своего старшего брата-короля.

² The Memoirs of the Honourable Sir John Reresby. P. 318–319.

³ См.: Ibid. P. 305.

ее наследницей при отсутствии детей следует провозгласить ее сестру Анну, принцессу Датскую. Среди членов Палаты общин доминировали представители политической группировки вигов, идеалом которой был сильный парламент и монарх, зависимый от парламента. Очевидно, что осуществлению этого идеала в большей мере способствовало бы пребывание на королевском троне Анны Датской или, в крайнем случае, ее сестры Мэри, но никак не принца Оранжского, успевшего уже показать англичанам свои диктаторские замашки. Впрочем, вигов вполне мог устроить на королевском престоле и принц Оранжский, но только в качестве монарха, избранного парламентом. Духовенство же англиканской церкви хотело возвращения Джеймса II на королевский трон и было согласно, в случае если такой вариант становился невозможным, на провозглашение королевой его дочери Мэри Оранжской.

Подобный разброс мнений среди членов Конвента о будущем носителе королевской власти облегчал принцу Оранжскому задачу захвата королевского престола, но не давал ему полных гарантий успеха. Его высочество не остался поэтому сторонним наблюдателем происходивших в Конвенте событий, а выступил в качестве самого активного, хотя и тайного их участника.

Между тем Конвент с самого начала своей работы стал проявлять себя как самостоятельная сила. В письме к членам Конвента, зачитанном на первом заседании его палат, принц Оранжский предупреждал об опасности слишком долгой отсрочки в принятии решений по важнейшим вопросам устройства Английского королевства. Однако депутаты не проявили желания немедленно откликнуться на призыв его высочества. Палата общин приняла 22 января / 1 февраля решение назначить рассмотрение вопроса о положении и состоянии нации на 28 января / 7 февраля, а Палата лордов на своем заседании в пятницу 25 января / 4 февраля определила для обсуждения состояния нации следующий четверг, то есть 31 января / 10 февраля.

§ 2. Дебаты о судьбе королевского трона в Палате общин

Заседание Палаты общин, состоявшееся 28 января / 7 февраля 1688/1689 года, является одним из важнейших событий английской «славной революции». На нем было принято постановление о том,

что «король Джеймс Второй, предпринимавший попытку ниспровергнуть конституцию королевства путем разрыва первоначально-го договора между Королем и Народом и по совету иезуитов и других злых персон нарушавший фундаментальные законы и покинувший это королевство, отрекся от правления, и что поэтому трон стал вакантным»¹. Протокол данного заседания, содержащийся в «Журнале Палаты общин», предельно краток и не дает представления о том, как в действительности принималось это, судьбоносное для Англии, постановление. Здесь записано, в частности, что, приступая к рассмотрению вопроса о положении и состоянии нации, депутаты приняли решение о преобразовании Палаты общин в «Комитет всей Палаты». Спикер Генри Паул оставил в связи с этим свой пост. На должность председателя созданного комитета был избран Ричард Гэмпден (*Richard Hampden*, 1631–1695). На последовавшем после этого заседании «Комитета всей Палаты» и была выработана приведенная резолюция, которая получила почти единодушное одобрение Палаты общин как таковой.

Столь же кратко изложен ход рассматриваемого заседания Палаты общин и в сборнике, опубликованном в Лондоне в 1695 году под названием «Дебаты в полном объеме между Палатой лордов и Палатой общин на свободной конференции, собравшейся в Расписной Палате во время сессии Конвента, в год 1688-й, касающиеся слов «abdicated» и «вакантность трона»². Немного подробнее описывается заседание Палаты общин, состоявшееся 28 января / 7 февраля, во втором томе сборника «История и заседания Палаты Общин с Реставрации до настоящего времени»³, который вышел в свет в 1742 году.

¹ «King James the Second, having endeavoured to subvert the Constitution of the Kingdom, by breaking the original Contract between King and People, and, by the advice of Jesuits, and other wicked Persons, having violated the fundamental Laws, and having withdrawn himself out of this Kingdom, has abdicated the Government, and that the Throne is thereby become vacant» (The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 14).

² См.: The Debates at Large between the House of Lords and House of Commons at the free conference, held in the Painted Chamber, in the session of the Convention, Anno 1688. Relating to the word ABDICATED, and the *vacancy* of the Throne, in the common's vote. London and Westminster, 1695. P. 19–21.

³ См.: The History and Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the present time. Containing the most remarkable motions, speeches, resolves, reports and conferences to be met in that interval. London, 1742. Vol. 2. P. 202–203.

И лишь опубликованный в 1769 году девятый том «Дебатов в Палате общин с 1667 до 1694 года», записанных Анчитлом Греем¹, дает более или менее детальное изложение речей, произносившихся на судьбоносном заседании коммонеров 28 января / 7 февраля 1688/1689 года². Содержание этих речей убедительно показывает, что на этом заседании произошла *настоящая идеологическая и политическая революция*.

Преобразование Палаты общин в «Комитет всей Палаты» позволяло депутатам вести обсуждение вопроса о состоянии нации предельно свободно, не ограничивая себя правилами парламентских процедур³. Официальные протоколы заседаний таких комитетов не велись, и все происходившее на них обыкновенно оставалось известным лишь их участникам. Только в том случае, когда кто-то из депутатов записывал для себя речи, произносившиеся на заседаниях комитетов, их содержание переставало быть тайной. Именно такой случай помог донести до наших дней то, что говорилось на заседании «Большого комитета» Палаты общин 28 января / 7 февраля 1688/1689 года.

Согласно записям, которые вел на этом заседании член Палаты общин Анчитл Грей, первым при обсуждении вопроса о состоянии нации выступил депутат Гильберт Долбен (*Gilbert Dolben*, 1658/1659–1722)⁴. Он сказал, что необходимо прежде всего рассмотреть проблему отсутствия в Англии правительства и в связи с этим заявил: «Я открыто выражаю вам свое мнение о том, что король отрекся от престола и что Джеймс не является королем Англии»⁵. В обоснование данного мнения Долбен привел тот факт, что «король самоустранил-

¹ См.: Grey's debates. Vol. 9. P. 6–25.

² В 1809 году текст протокола заседания Палаты общин, составленного Анчитлом Греем, был воспроизведен в пятом томе «Коббеттской парламентской истории». См.: Cobbett's Parliamentary History of England. From the Norman Conquest, in 1066 to the Year 1803. London, 1809. Vol. 5. Col. 36–50.

³ Так, например, в Палате общин депутат мог выступать при обсуждении того или иного вопроса только один раз — в парламентском же комитете такого ограничения не было.

⁴ Сын архиепископа Йоркского, по замечанию Анчитла Грея.

⁵ «I tell you freely my opinion, that the King is demised, and that James the Second is not King of England» (Grey's debates. Vol. 9. P. 7).

ся от управления правительством, не сделав никакого распоряжения о поддержке государства»¹, и «прекратил применение Большой Печати, захватив ее с собой»². «Лишившись Печати, — заметил он, — канцелярия прекращает свою деятельность, и правосудие не может осуществляться. Суд Общих Тяжб не может рассматривать дело без подлинного приказа из Канцелярии; и когда этого нет, то нет и закона; и по своим последствиям это отречение от королевской власти, так как правительству нужен руководитель, отсутствие которого закон не может позволить. Тот, кто прекращает управлять, перестает и судить»³.

Для подтверждения своего мнения Гильберт Долбен привел случай с бегством Эдуарда IV (1461–1483) в Голландию в сентябре 1470 года, давший повод восстановить на королевском престоле Генриха VI: король Эдуард, сказал он, «убежал из Ноттингема за море, что было явным отречением от королевской власти, и все заседания в Вестминстерском дворце прекратились, и это было признано отречением... Великий оракул закона судья Литлтон⁴ объявил этот отъезд Эдуарда IV отречением»⁵. В один ряд с данным фактом Долбен поставил случаи смещения с королевского трона Эдуарда II и Ричарда II, отметив при этом, что «Эдуард II отказался от Короны исключительно под давлением, однако его отказ произошел 25 января, и он немедленно был признан отречением. Отказ Ричарда II от Короны совершился под угрозами, однако и он был признан

¹ «The King does withdraw himself from the Administration of the Government without any provision to support the Commonwealth» (Grey's debates. Vol. 9. P. 7).

² «stops the use of the Great Seal, by taking it away with him» (ibid.).

³ «By withdrawing the Seal, the Chancery ceases, and no Justice can be obtained. The Common Pleas cannot be possessed of any Cause, without an original Writ out of Chancery; and when these fail, the Law fails; and, by consequence, 'tis a Demise, for want of Administrators of the Government; which the Law cannot suffer. Qui cessat regnare cessat judicare» (ibid. P. 7–8).

⁴ Имеется в виду английский юрист сэра Томас де Литлтон (*Sir Thomas de Littleton*, 1407–1481).

⁵ «There is one Authority in the Rolls, instar omnium, in the case of Ed. IV. There was a rumour that the Earl of Warwick advanced towards him; he fled from Nottingham beyond sea; which was a clear Demise, and all proceedings in Westminster-Hall ceased, and it was judged a Demise... The great Oracle of the Law, Judge Littleton, pronounced this departure of Edward IV. a Demise» (Grey's debates. Vol. 9. P. 8).

отречением»¹. «Эти прецеденты, — подчеркнул Долбен, — кажутся более весомыми в нашем случае, который является добровольным отъездом, без *принуждения*»².

Приведенные примеры из английской истории составляли чисто *исторические* прецеденты, но Гильберт Долбен представил их в качестве *правовых* прецедентов. Подобным же образом и своей оценке отъезда Джеймса II из Англии как отречения от престола он попытался найти правовое основание. Поскольку в английском праве такого основания не обнаруживалось, ему пришлось обратиться к иностранным юридическим сочинениям. «Мы базируемся в этом случае не только на нашем праве, но и на суждениях авторитетных иностранных правоведов, — утверждал Долбен. — По цивильному праву, когда король добровольно оставляет правление, “это отречение и прекращение правления”, согласно Гроцию и другим ученым писателям. Посредством многих аргументов из Божественного права Гроций доказывает следующее: *Si princeps habet imperium pro direlicto, &c.* (если монарх оставляет власть, он является в таком случае лишь частным человеком, он перестает быть монархом»³.

Выступавший вслед за Гильбертом Долбеном сэр Ричард Темпл (*Sir Rjchard Temple, 1634–1697*)⁴ провел идею о том, что основанием для признания Джеймса II отрекшимся от королевской власти можно считать не только его бегство из Англии, но и предпринятую им попытку разрушить парламентское правление и правосудие, насадить в Англии рабство и папство. По словам депутата, все, что король сделал, может быть «сведено в главном к разрушению церкви путем приостановки действия церковных законов, чтобы уничтожить все

¹ «Edward II. resigned the Crown, but by duresse; yet he made the Resignation the 25th of January, and immediately it was judged a Demise. Richard IIId's Resignation was per minas, yet that was judged a Demise» (Grey's debates. Vol. 9. P. 8).

² «These Precedents seem stronger in our case, which is a voluntary departure, without *duresse*» (ibid.).

³ Ibid. P. 9.

⁴ Ричард Темпл был одним из самых активных участников Конвента, собранного 22 января / 1 февраля 1688/1689 г. для решения вопроса о судьбе королевского трона. См. о нем: *Davies G. The Political Career of Sir Richard Temple (1634–1697) and Buckingham politics // The Huntington Library Quarterly Review. 1940. Vol. 4. № 1 (October). P. 47–83.*

то, что не подчиняется папству»¹. Опираясь на эту оценку деятельности Джеймса II, Темпл призвал парламентариев принять решение о том, что король «привел себя в состояние несовместимое с правлением».

Однако по английской конституции действия монарха, какими бы они ни являлись и какой бы ущерб ни наносили, не могли служить основанием для признания его отрекшимся от престола: одной из ее основ был принцип: «Король не может ни совершить правонарушения, ни лишиться своей короны из-за дурного управления»². Коснувшись в своей речи названного принципа, Ричард Темпл высказал мнение, что он не должен приниматься во внимание в случае неспособности монарха управлять. Нация может в этом случае, утверждал депутат, взять на себя заботу о правительстве³.

По мере рассмотрения в «Большом комитете» Палаты общин вопроса о королевском престоле парламентариям становилось все более очевидным, что в рамках существовавшей в то время в Англии юридической конструкции государственного строя невозможно было придать законный характер отстранению Джеймса II от королевской власти. Выступление Ричарда Темпла выразило первую попытку депутатов выйти за рамки английской конституции.

Вторую попытку такого рода предпринял старейший из парламентариев член Палаты общин и юрист по профессии Джон Мэйнард (*John Maynard*, 1602–1690). Он выступил после того, как депутат Кристофер Масгрэйв (*Christopher Musgrave*, 1631–1704) заявил, что вопрос о смещении Джеймса II с королевского трона должны решать юристы⁴. «Вопрос заключается не в том, можем ли мы сместить

¹ Grey's debates. Vol. 9. P. 9.

² О применении данного конституционного принципа в период, предшествующий событиям «славной революции» см.: *Amos A. The English Constitution in the Reign of King Charles the Second*. London, 1857. P. 11–18. По словам Андрию Амоса, «Правило, согласно которому король не может совершить правонарушения, было мудро придумано с целью предотвращения гражданских беспорядков посредством придания руководителю государства положения, защищающего его от вспышки народного безумия или от правосудия, падающего на достойную или недостойную голову суверена» (*ibid.* P. 12).

³ Grey's debates. Vol. 9. P. 9.

⁴ «As to the matter of deposing Kings, I shall live it to the Long Robe, to exercise their abilities upon (Что же касается вопроса о смещении королей, то я бы оставил юристам

короля с трона, — сказал в своей речи Мэйнард, — но в том, не сместил ли он с трона сам себя. Это не новый проект; наше правительство смешанное, не монархическое и тираническое, но берущее свое начало в народе. Монарх может совершить такие злоупотребления, что народ не будет больше им управляться»¹.

Доктрина народного суверенитета, согласно которой источником верховной государственной власти является народ, не была новой для политического сознания английского общества. Однако частью официальной идеологии она стала лишь в разгар революции 1640–1660 годов. 4/14 января 1648/1649 года Палата общин английского парламента приняла резолюцию, в которой объявила, что «народ, живущий под Богом, является источником всякой праведной власти»². Революционеры использовали эту доктрину для юридического оформления расправы над королем Карлом I.

С окончанием революции и восстановлением монархии Стюартов в официальной политической идеологии Англии снова утвердилась доктрина Божественного источника верховной государственной власти. В Декларации, подписанной в нидерландском городе Бреда 4/14 апреля 1660 года и направленной вместе с письмом в английский парламент, Карл Стюарт назвал свое право на королевский престол таким, «которое Бог и природа сделали принадлежащим ему»³. В принятом 8/18 мая 1660 года обеими палатами английского парламента акте о признании Карла II королем провозглашалось, что «он является самым могущественным, полновластным и несомненным королем Англии, Шотландии, Франции и Ирландии по благодати

(досл.: длинной мантии), дабы они проявили здесь свои способности)» (Grey's debates. Vol. 9. P. 11).

¹ «The Question is not, whether we can depose the King; but, whether the King has not deposed himself. 'Tis no new project; our Government is mixed, not monarchical and tyrannous, but has had its beginning from the people. There may be such a transgression in the Prince, that the People will be no more governed by him» (ibid. P. 11–12).

² «The Commons of England, in Parliament assembled, do Declare, That the People are, under God, the Original of all just Power» (The Journals of the House of Commons. London, 1802. Vol. 6. P. 111).

³ Дословно король Карл II заявлял: «We can never over the hope, in good time, to obtain the possession of that right which God and nature hath made our due» (His Majesty's Declaration from Breda to all his loving Subjects // The Parliamentary History of England from the earliest period to the Year 1803. Vol. 4. A. D. 1660–1688. London, 1808. Col. 16).

и провидению Всемогущего Бога (by the goodness and providence of Almighty God)¹. Джеймс II, взойдя в 1685 году на королевский престол, в своей первой парламентской речи подчеркнул, что стал королем по воле Всемогущего Бога².

Предложение Джона Мэйнарда решать вопрос о королевской власти исходя из того, что английское правительство не монархическое и не тираническое, а смешанное, берущее свое начало в народе, было поддержано депутатом Томасом Кладжесом. Он заявил в своей речи: «Сказать, что “королевский трон пуст” значит породить последствие чрезвычайной природы. Последствие должно заключаться в том, чтобы мы получили полномочие заполнить его и сделать из наследственной монархии избирательную; но [что лучше]: ввести республику или изменить наследование — это еще пока неясно»³.

Большинство парламентариев, выступавших на заседании «Большого комитета» Палаты общин, предлагали не терять времени на решение теоретических вопросов сущности государственного строя Англии, не искать, откуда берет свое начало английское правительство, но сосредоточиться на чисто практической проблеме, возникшей в результате бегства Джеймса II из страны. «Каждый человек в городе или в графстве, — говорил в своей речи депутат сэр Уильям Уильямс (*Sir William Williams*, 1634—1700), — согласен, что фактическое положение вещей таково: ясно, что король Джеймс II бежал из Англии во Францию; это очевидный факт. Это преднамеренное, добровольное или двойственное действие. Я не слышал ни о каком указании для администрации правительства, когда Король покидал Королевство; какие распоряжения он дал относительно судов правосудия или парламента. Если этот факт — правда, то он (король) стал бесполезным и не оставил никакого средства для поддержания мира в королевстве. В этом заключается частично состояние нации; и в этом коро-

¹ A Form of a Proclamation agreed on by a committee of lords and commons. May 8 // *Ibid.* Col. 33.

² Дословно король Джеймс II сказал следующее: «It hath pleased Almighty God to place me in this station (Всемогущему Богу было угодно поместить меня в это положение» (*ibid.* Col. 1342).

³ «To say “that the Crown is void,” is a consequence of an extraordinary nature. The consequence must be, we have power to fill it, and make it from a successive Monarchy an elective; and whether a Commonwealth, or alter the descent, is yet ambiguous» (*Grey's debates.* Vol. 9. P. 15).

левстве, где мы всегда, в нескольких парламентах, выражали свое отвращение к нему, он оставил несколько мест в правительстве пустыми; и что же тогда должно быть сделано в таком случае? Я предлагаю в качестве первого шага объявить: “Что Джеймс Второй своим удалением из Англии лишил королевство Англии осуществления королевской должности”. Может какой-либо человек отрицать все это? Тогда последствие состоит в том, что мы лишились короля»¹.

Если судить по дошедшим до нас записям речей, произносившихся 28 января / 7 февраля на заседании «Большого комитета» Палаты общин, трактовка бегства Джеймса II как действия, означающего утрату им короны, была единодушно принята всеми его участниками. Однако некоторые парламентарии выступили с предложением воспользоваться случаем и изменить правовые устои государственного строя Англии, подведя под него в качестве основы принцип народного суверенитета, предполагающий в качестве источника верховной государственной власти народ. Против попыток пойти столь далеко выступил Дэниэль Финч².

Согласившись с тем, что Джеймс II в результате своего бегства из страны утратил корону и полностью отказался от правления, Д. Финч сказал, что у них не остается ничего иного, как объявить трон свободным. Он призвал депутатов не идти дальше признания этого факта. Раз монархия является наследственной, заметил он, пусть трон будет свободным или каким-то иным по названию, последствием всего будет наследование. Стараясь убедить депутатов в том, что поступки

¹ «Every man in town and country can agree in fact of the state of things. 'Tis plain that King James II. is gone out of England into France; that is a plain fact. 'Tis a wilful, voluntary, or mixed action. I hear of no direction for Administration of the Government, when the King left the Kingdom; how he has disposed either of Courts of Justice, or of the Parliament. If this fact be true, he is become useless, and has left no remedy to preserve the peace of the Kingdom. This is partly the State of the Nation; and in that Kingdom where we had always disrelished him in several Parliaments, he has left several Places void in the Government; then what is to be done in this case? I propose it to be the first step, to declare, “That James the Second, by withdrawing himself from England, has deprived the Kingdom of England of the exercise of Kingly Dignity”. Can any man deny all this? Then the consequence is, we are deprived of a Kings» (Grey's debates. Vol. 9. P. 15).

² Дэниэль Финч, второй граф Ноттингэм (*Daniel Finch, Second Earl of Nottingham, 1647–1730*). См. о нем книгу: *Horwitz H. Revolution politics: The Career of Daniel Finch, Second Earl of Nottingham, 1647–1730*. Cambridge: At the University Press, 1968.

короля, какими бы дурными они ни были, не могут изменить сущности правления, Д. Финч заявил: «Ни один человек не скажет, что монархия является избирательной, пусть администрация будет постоянно настолько плохой, и пусть король имеет в монархии не более, чем осуществление монархической власти. Если из-за пренебрежения или плохого управления он может лишиться не более того, что есть у него, тогда это последствие будет не большим, чем утрата им его личного осуществления королевской власти; однако это должно еще быть чем-то заменено. В этом заключается высшее последствие любых дебатов, которые были здесь когда-либо, поскольку закон и религия должны быть установлены надежно и твердо»¹.

После Даниэля Финча выступил сэръ Роберт Говард (*Robert Howard*, 1626–1698). В своей речи он, так же как Ричард Темпл и Джон Мэйнард, коснулся вопроса об основах государственного строя Англии. «Я слышал, — начал говорить Говард, — “что король обладает короной по Божественному праву”, [но] и мы (народ) тоже имеем Божественное право; однако он может лишиться ее, если нарушает соглашение и договор со своим народом»². «Конституция правительства, — сказал он далее, — в действительности основана на соглашении и договоре с народом. Если это так, то что остается, кроме того, что король совершил отречение от правления и бросил одновременно и церковь, и государство?»³

Признание бегства Джеймса II из Англии отречением его от королевской власти само по себе не только не решало стоявшей перед парламентариями проблемы, но порождало новую проблему, причем еще более сложную. Английская монархия была наследственной —

¹ «No man will say the Monarchy is elective, let the Administration be ever so ill, and that the King has no more in the Monarchy than the exercise of it. If by neglect, or male-administration, he can forfeit no more than is in him, then this consequence is no more, than that his personal exercise of the Crown is gone; but still it must subsist somewhere. This is of the highest consequence that ever any Debate was here, for Law and Religion to be established sure and firm» (Grey's debates. Vol. 9. P. 18).

² «I have heard, “that the King has his Crown by Divine Right,” and we (the People) have Divine Right too; but he can forfeit, if he break that pact and covenant with his People» (ibid. P. 20).

³ «The Constitution of the Government is actually grounded upon pact and covenant with the People. If this be so, what remains but that the King has made Abdication of the Government, and at one time has lopped off both Church and State?» (ibid.).

следовательно, новым королем Англии должен был стать законный наследник Джеймса II, то есть его полугодовалый сын Джеймс-Фрэнсис¹. А если не он, то Мэри, принцесса Оранжская, стоявшая после него в очереди наследников английского королевского трона. Как бы то ни было, штатхаудер Нидерландов Вильгельм, принц Оранжский, при соблюдении сложившегося к тому времени в Англии законного порядка передачи верховной государственной власти не мог занять в этой стране королевского трона.

Член Палаты общин и юрист по профессии сэр Генри Полликсфен (*Sir Henry Pollexfen*, 1632–1691) говорил на рассматриваемом заседании «Большого комитета» Палаты: «Предложенный вопрос состоит в том, прекратилось ли правление вследствие добровольного отъезда Короля? Я не удивился, джентльмены, слову “добровольное удаление”; оно означает большее, чем вы предполагаете. Если отъезд добровольный, это влечет передачу Короны по наследству; и тогда, что вы здесь делаете, если допускаете это? Однако если это прекращение правления, тогда королевский трон занят посредством наследования; и опять-таки что тогда вы здесь делаете?»²

Штатхаудер Нидерландов мог стать королем Англии и без соблюдения каких-либо юридических формальностей, а просто захватив королевскую власть, как завоеватель. Однако такой способ утверждения принца Оранжского на королевском троне не находил поддержки даже среди самых рьяных его поклонников в английском парламенте. Они опасались, что в этом случае новый король окажется свободным в своих действиях от ограничений, которые налагала

¹ Об этом наследнике Джеймса II парламентарии не раз вспоминали в своих выступлениях на заседании «Большого комитета» Палаты общин. Так, Хью Боскавен (*Hugh Boscawen*, 1625–1701) говорил: «Если удаление Короля является отречением (*demise*), тогда вы должны заполнить трон — и здесь есть не только Король, но также малыш за морем, который будет претендовать на трон» (*Grey's debates*. Vol. 9. P. 23). Сэр Роберт Говард предупреждал: «Что касается наследования юного джентльмена за морями, то если он умрет, Франция найдет для вас другого» (*Grey's debates*. Vol. 9. P. 20. P. 25).

² «The Question that has been proposed is, “Whether, by a voluntary departure of the King, the Government is demised?” I would not have Gentlemen surprized by the word “voluntary going away;” there is more meant by that than you suppose. There is a descent of the Crown, if a voluntary departure; and then what do you here, if you admit that? But if it be a “Demise,” then the Crown is full by succession; and then too what do you here?» (*ibid.* P. 20).

на монархическую власть традиционная юридическая конструкция государственного строя Англии.

Самым главным среди этих ограничений была неразрывная связь короля с парламентом. Именно в соединении с полномочиями парламента королевская власть становилась верховной государственной властью. Член Палаты общин Георг Дигби (*George Digby*, 1612–1677) говорил в своей парламентской речи 19/29 января 1640/1641 года, обращаясь к спикеру: «Истина, сэръ, заключается в том, что Король *Англии* никогда не стоит в своей славе, в своем величии, в своем Величественном Суверенитете так, как в *парламентах*. Где полномочие назначать налоги? Где полномочие восстанавливать в правоспособности? Где законодательная власть? Соединены в короле, мистер *спикер*. Но как? В короле, окруженном, укрепленном и усиленном его *Парламентом*. Король вне *парламента* имеет ограниченную, очерченную юрисдикцию. Но сопровождаемый своим *парламентом* — ни один монарх Востока не является столь абсолютным в рассеивании недовольства»¹.

С другой стороны, и принц Оранжский в случае, если он становился английским королем, был заинтересован в сохранении традиционной юридической конструкции государственного строя Англии. Парламент в этой конструкции считался политическим органом, включавшим в себя не только лордов духовных и светских с представителями графств (общин), но и короля. Он не мог поэтому действовать без короля. В мае 1642 года Карл I писал парламентариям, заседавшим в Уэстминстере: «Мы очень хорошо знаем великую и неограниченную Власть Парламента, но мы знаем так же, что она такая только в том смысле, что Мы являемся Частью Парламента. Без Нас и вопреки Нашему Согласию, голоса какой-либо или обеих Палат вместе не должны, не могут, не будут (если Мы можем избе-

¹ «The truth is Sir, the Kings of *England* are never in their glory, in their splendor, in their Majestique Sovereignty, but in *Parliaments*. Where is the power of imposing Taxes? Where is the power of restoring from incapacities? Where is the legislative Authority? Marry in the King, Mr. *Speaker*. But how? In the King circled in, fortified and evirtuated by his *Parliament*. The King out of *Parliament* hath a limited, a circumscribed Jurisdiction. But wayted on by his *Parliament*, no Monarch of the East is so absolute in dispelling Grievances» (The Lord Digbyes speech in the House of Commons to the Bill for trienniall Parliaments. Jan. 19. 1640 // The Speeches of the Lord Digby in the High Court of *Parliament*, concerning grievances and the Trienniall Parliament. London, 1641. P. 24).

жать этого ради блага Наших Подданных, так же как и Нашего собственного) запрещать что-либо, что является используемым по закону, или использовать что-либо, запрещенное законом»¹.

Утверждение штадхаудера Нидерландов на английском королевском троне в качестве завоевателя разрушило бы сложнейший, складывавшийся в течение нескольких столетий, механизм взаимодействия короля и парламента. Во многом именно по этой причине, как мне представляется, и принц Оранжский, и парламентарии избегали называть нидерландскую военную экспедицию в Англию *завоеванием*, хотя факты явно свидетельствовали о том, что она была не чем иным, как завоеванием. Джеймс II, напротив, только завоеванием и называл эту экспедицию и всячески старался представить штадхаудера Нидерландов в качестве завоевателя.

Парламентарии, поддерживавшие стремление принца Оранжского занять английский королевский престол, хорошо понимали, что достижение этой цели при сохранении традиционной юридической конструкции государственного строя Англии возможно лишь в том случае, если его высочество получит титул короля от парламента. Но для того, чтобы парламента мог провозгласить штадхаудера Нидерландов новым королем Англии, отречению Джеймса II от королевской власти необходимо было придать такой характер, при котором бы не вступал в силу действовавший порядок ее наследования или, говоря иначе, королевский трон становился бы свободным.

Выработка надлежащих оснований для объявления английского королевского трона свободным и была главной задачей заседания «Большого комитета» Палаты общин, проходившего 28 января / 7 февраля 1688/1689 года. Его участники хорошо это понимали. Так, Гильберт Долбен говорил в одном из своих выступлений: «Я должен еще назвать отъезд короля, в котором он не имел нужды и мог бы остаться, хотя слышался “шум оружия”..., я должен назвать это “до-

¹ «We very well know the great and unlimited Power of a Parliament, but We know, as well, that it is only in that sense, as We are a Part of that Parliament. Without us, and against Our Consent, the votes of either, or both Houses together, must not, cannot, shall not (if We can help it for Our Subject's sake, as well for Our own) forbid any thing that is enjoyed by the Law, or enjoyn any thing that is forbidden by the Law» (His Majesties Answer to the Declaration of both Hovses concerning Hull. Sent 4. May 1642. London, 1642. P. 1–2).

бровольным отречением (*a voluntary demise*)". Это правда, что следствием отречения (*demise*) должно быть наследование; но вопрос состоит в том, свободен ли трон сейчас, когда Король удалился и нет никого, кто бы его занял?»¹ Недвусмысленно высказывался о намерениях парламентариев и Дэниэль Финч. По его словам, каким бы ни было различие в терминах «*demised, abdicated* и *deserted*», последствие может быть одним и тем же: «*vacancy in the Throne* (освобождение трона)»².

Различие в терминах имело, однако, немаловажное значение. В общем своем смысле слова «*demise*», «*abdicate*» и «*desert*» обозначали применительно к монарху одно и то же — отречься от королевской власти. Но это отречение могло иметь различный характер и последствия. Оно могло быть, например, добровольным или совершенным по принуждению. Оно могло быть окончательным или временным, предполагающим возможность возвращения на трон. Сторонникам же принца Оранжского необходимо было представить отречение Джеймса II от королевской власти не просто добровольным, но и таким, которое бы, с одной стороны, не предполагало его возвращения на трон, а с другой, оставляло его без каких-либо наследников. Только такой вариант отречения позволял парламентариям избрать себе другого короля, не меняя существа английской монархии, не превращая ее из наследственной в избирательную. Какой термин наиболее подходил для обозначения отречения такого рода? «Большой комитет» Палаты общин решил, в конце концов, что им является слово «*abdicate*»³.

Данный термин происходил от латинского термина «*abdicare*», который применялся древними римлянами для обозначения отрече-

¹ «I must still call the King's departure, when he needed not, and might have stayed, though there was "noise of Arms"... I must call that "a voluntary Demise". 'Tis true, upon a Demise, there must be a Descent; but the Question is, whether the Crown be vacant, now the King is departed, and no body to fill it up» (Grey's debates. Vol. 9. P. 21).

² Grey's debates. Vol. 9. P. 18.

³ Применить данный термин предложил член Палаты общин Джон Сомерс (*John Somers*, 1651–1716), впоследствии лорд высокий канцлер короля Уильяма III. *Maddock H. An Account of the Life and Writings of Lord Chancellor Somers, including Remarks on the Public Affairs in which he was engaged, and the Bill of Rights with a Comment.* London, 1812. P. 214.

ния магистрата от своей должности или отказа какого-либо гражданина от опеки, отречения отца от сына. В подобном значении термин «*abdicate*» использовался и в Англии в XVI и XVII веках¹. При этом он мог обозначать как добровольное, так и принудительное отречение от власти. Члены Палаты общин, решавшие 28 января вопрос о признании Джеймса II отрекшимся от королевского престола, придали указанному термину значение добровольного отказа от королевской власти. Но такое же значение они могли придать и терминам «*demise*» или «*desert*». Почему ими был выбран термин «*abdicate*»? Примеры употребления этого слова, приведенные в «Новом английском словаре, составленном на основе исторических принципов», позволяют, мне кажется, объяснить приверженность к нему членов Палаты общин. Здесь отмечается, в частности, что в римском праве термин «*abdicare filium*» применялся для обозначения акта, посредством которого отец лишал своего сына наследства². Кроме того, приводится цитата из книги английского поэта и публициста Джона Мильтона (1608–1674) «*Jus Populi*», в которой слово «*abdicate*» употребляется в качестве синонима слова «*disinherit* (лишить наследства)». С лишением права наследования связывается термин «*abdicate*» и в отрывке из книги Роберта Бёртона (*Robert Burton*) «Анатомия меланхолии». В нем говорится о том, что «*the Turks abdicated Cernutus, the next heir, from the empire* (турки отстранили Сернутуса, следующего наследника, от империи)»³. Как видим, термин «*abdicate*» употреблялся в Англии для обозначения не только добровольного, но и принудительного действия. Но члены Палаты общин отдали ему предпочтение перед другими аналогичными терминами скорее всего потому, что он подразумевал наряду с отречением от королевского трона еще и

¹ См. примеры применения «*abdicate*» и «*abdication*» в английской литературе XVI–XVII вв. в издании: *A New English Dictionary on Historical Principles; founded mainly on the material collected by Philological Society / Edited by James A. H. Murray.* Oxford, 1888. P. 13–14.

² *Ibid.* P. 13. О том, что, выбирая для обозначения отречения Джеймса II слово «*abdicate*», парламентарии ориентировались на значение термина древнеримского права, обозначающего акт, которым отец лишал своего сына материальной поддержки, свидетельствует, например, выступление Ричарда Гэмпдена на заседании Палаты общин 2/12 февраля 1688/1689 г. См.: *Grey's debates.* Vol. 9. P. 46.

³ *A New English Dictionary on Historical Principles.* P. 13.

лишение права наследовать его¹. Другие термины, обозначавшие отречение монарха от престола, а именно: «*demise*» и «*desert*» не имели указанного дополнительного смысла. Слово «*desert*», означавшее в применении к монарху «оставить трон», предполагало к тому же сохранение за монархом, отказавшимся от власти, возможности возвратиться на трон. Сравнивая оба указанных термина между собой, член Палаты общин Роберт Говард говорил: «Они оба являются *латинскими* словами, похожими по значению, и оба — *английские* слова: “*abdication*” происходит от “освобожденный”»². Особенностью отречения, выступавшего в форме «*abdication*», было, с точки зрения членов Палаты общин, и то, что оно могло быть выражено не только заявлением короля об отказе от своей должности, но и его действием. Роберт Соьер (*Robert Sawyer*, 1633–1692) вопрошал в своем выступлении: а если король отказывается от трона, но не от королевского титула, будет ли это считаться абдикацией (отречением) от правления? — И отвечал: «Я рассматриваю отъезд короля из королевства в качестве абдикации (отречения) от правления. Он отказывается править, то есть действует не так, как предписывает закон. И тот, кто покинет королевство, совершит абдикацию (отречение) и оставление всего правления. Во всем, что я прочитал, я никогда не встречал в столь короткое правление такого нарушения законов и столь расширенных прерогатив»³.

Выбрав для обозначения отречения Джеймса II от королевской власти термин «*abdication*», парламентарии трансформировали его, по сути дела, в новый политико-правовой термин. Они придали этому слову, имевшему весьма широкое и не вполне четкое значение, совершенно определенный смысл. Термин «*abdication*» стал обозна-

¹ «Посредством “*abdicated*” мы не подразумеваем никакой иной конструкции, кроме той что трон свободен», — говорил в одном из своих выступлений член Палаты общин Дэниэль Финч (*Grey’s debates*. Vol. 9. P. 60).

² «They are both *Latin* worlds alike, and both *English*: “*abdication*” arises from “*vacated*”» (*Grey’s debates*. Vol. 9. P. 48).

³ «If he relinquish the possession of the Throne, but not the Title, whether does that amount to “an *Abdication*” of the Government? I take the King’s departure out of the Kingdom to be “an *Abdication*” of the Government. He refuses to govern, that acts otherwise than the Laws direct. And he that will go out of the Kingdom, does make an *Abdication* and *Dereliction* of the whole Government. In all I have read, I never met, in so short a reign, the Laws so violated, and the *Prerogative* so stretched» (*Grey’s debates*. Vol. 9. P. 22).

чать в их варианте: *во-первых*, исключительно добровольное отречение короля от правления; *во-вторых*, отречение, которое выражается не в соответствующем заявлении короля об отказе от власти, но в его действиях — в таких, как бегство из страны или нарушение фундаментальных законов; *в-третьих*, такое отречение, при котором не остается наследников королевского трона и он становится вследствие этого свободным; *в-четвертых*, отречение, которое освобождает подданных в целом и парламентариев в частности от присяги на верность королю, признанному отрекшимся, и соответственно от всех обязательств по отношению к нему¹; *в-пятых*, отречение, которое, оставляя страну без короля, тем не менее сохраняет коренные устои государственного строя.

Сложившаяся к XVII веку юридическая конструкция государственного строя Англии предполагала, что парламент не может действовать без короля. В соответствии с данным принципом прекращение правления короля автоматически влекло за собой роспуск парламента. При этом не могло быть *interregnum* (междуцарствия), поскольку в момент, когда с престола уходил один король, его место немедленно занимал его наследник. Доктрина же абдикации (*«abdication»*), введенная в оборот членами Палаты общин, подразумевала, что Англия будет пребывать какое-то время без короля, то есть в состоянии *interregnum* и что самое главное: в этот период английский парламент не прекратит своей деятельности. Более того, он будет не просто заседать, но решать важнейшие конституционные проблемы и в том числе вопрос о новом короле. Таким образом, стремление утвердить на английском королевском троне вместо Джеймса II штатхаудера Нидерландов Вильгельма, принца Оранжского, заставило членов Палаты общин отменить ряд основополагающих принципов конституции Английского королевства. Но как ни странно, именно эти революционные по своему характеру нововведения в традиционную юридическую конструкцию государственного строя Англии и позволяли сохранить ее устои при осуществлении операции по замене одного короля на другого. Осно-

¹ Роберт Сойер говорил на рассматриваемом заседании об этом последствии абдикации короля следующее: «Никакого обязательства не остается на нас по отношению к нему в случае, если это будет абдикация (отречение) от правления (no obligation remains upon us to him, in case this be an Abdication of the Government)» (Grey's debates. Vol. 9. P. 23).

вополагающие принципы английской конституции отменялись не навсегда, а *на время* — до момента утверждения принца Оранжского на королевском троне.

Результатом обсуждения вопроса о состоянии нации, проходившего на заседании «Большого комитета» Палаты общин 28 января / 7 февраля 1688/1689 года, стала резолюция, в которой было заявлено: «что король Джеймс Второй, предпринимавший попытку ниспровергнуть конституцию королевства, путем разрыва первоначального договора между королем и народом и по совету иезуитов и других злых персон, нарушавший фундаментальные законы и удалившийся из этого королевства, отрекся от правления, и что поэтому трон стал свободным»¹.

После этого депутаты продолжали заседать, но уже в качестве Палаты общин. Они снова одобрили приведенную резолюцию, но теперь от имени нижней палаты английского парламента, и поручили председателю Комитета Ричарду Гэмпдену передать ее на обсуждение лордам².

На следующий день — 29 января / 8 февраля — Палата общин вновь собралась на заседание, и когда подошло время для продолжения обсуждения вопроса о состоянии нации, депутаты снова образовали Комитет всей Палаты. Спикер оставил свой пост, и на председательское место воссел Ричард Гэмпден.

Первым на заседании Комитета выступил в этот день полковник Джон Бёч (*John Birch*, 1615–1691). Смысл его выступления свелся

¹ «That King James the Second, having endeavoured to subvert the Constitution of the Kingdom, by breaking the original Contract between King and People, and, by the advice of Jesuits, and other wicked Persons, having violated the fundamental Laws, and having withdrawn himself out of this Kingdom, has abdicated the Government, and that the Throne is thereby become vacant» (The Journal of the House of Commons. Vol. 10. P. 14).

² Ibid. В издании «История и материалы заседаний Палаты общин» говорится, что резолюция «Большого комитета» Палаты общин «была сообщена Палате на следующий день и после одобрения послана Лордам для согласования» (The History and Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the Present Time, containing the most remarkable Motions, Speeches, Resolves, Reports and Conferences to be met with in that Interval. London, 1742. Vol. 2. P. 203). Согласно «Журналу Палаты общин» нижняя палата английского парламента дала свое одобрение указанной резолюции в тот же день, когда она была принята «Большим комитетом».

к мысли о том, что «с протестантским государством несовместимо, чтобы им управлял монарх-папист»¹.

Затем произнес речь Ричард Темпл. Он выразил надежду, что данный вопрос не потребует какого-либо обсуждения, поскольку члены Палаты общин на своем опыте ощутили, что «папский монарх (popish prince) несовместим с управлением протестантской нацией»².

Заседание шло спокойно, пока слово не взял Гильберт Долбен, юрист по профессии. Он сказал: «Ни в статуте, ни в common law нет ничего против папского монарха, но это против интереса нации»³. Эта фраза вызвала возмущение у майора сэра Джона Вилдмана (*John Wildman*, 1621–1693). «Юристы говорят нам, — начал майор свою речь, — “нет ни общего (common), ни статутного права против папского короля”; однако правительство этого королевства Англии представляет собой независимое Верховенство (*independent Supremacy*), так что никакому иностранному властелину, церковному ли или же гражданскому, нет никакого дела до того, что здесь происходит. Не существует никакого папского монарха, кроме такого, который признает над собой верховенство папы. Поэтому сказать, что “нет никакого статутного права и т. д.” является странным в утверждении юристов (*Long Robe*). Я предлагаю поэтому, чтобы вы объявили, что не только против интереса протестантской религии быть управляемым папским монархом, но что “это против нашего права”. Наше свободное независимое правительство несовместимо с нунцием от папы. Четыре столетия мы вместе старались держать Римскую церковь в стороне от нашего правительства. Управляться папским монархом несовместимо с правом Англии»⁴.

¹ Grey's debates. Vol. 9. P. 27.

² Ibid.

³ Ibid. P. 28.

⁴ Ibid. Джон Вилдман был убежденным сторонником принца Оранжского и одним из идеологов политической группировки вигов. Именно он, как недавно обнаружилось, являлся автором виговского манифеста «Несколько замечаний о правительстве, и в особенности об установлении Английской монархии», опубликованного в январе 1688/1689 г. под инициалами А. В. and N. Т. См.: *Wildman J.* Some remarks upon Government, and particularly upon the Establishment of the *English Monarchy*. Relating to this present Juncture. In two letters, written by and to a Member of the Great Convention, holden at Westminster the 22 of January, 1688/9 // *The Struggle for Sovereignty: Seventeenth-Century English Political Tracts*. In two vols /

Депутаты, выступавшие после Джона Вилдмэна, усомнились в том, что английское право в течение всех четырех столетий было несовместимо с папским правительством. «Генрих VIII был первым монархом, который нанес удар по власти папы и по основаниям, оправдывавшим его, противоречившим конституции правительства, — напомнил Джону Вилдмэну Ричард Гэмпден, — и все согласились с этим, и с законами против нунциев от папы. Но как только получила власть королева Мэри вместе с кардиналом Паулом (Pole), все повернулось в пользу нунция»¹.

В результате «Большой комитет» Палаты общин принял резолюцию, в которой ничего не было сказано о несовместимости папского монарха с английским правом, но было заявлено, что «несовместимо с безопасностью и благом этого протестантского королевства управляться папским монархом»². Эту резолюцию депутаты полностью одобрили в своем заседании в качестве Палаты общин.

Продолжая обсуждение вопроса о состоянии нации в качестве «Большого комитета», члены нижней палаты английского парламента снова подняли вопрос о судьбе королевского трона. Один из ведущих виговских политиков Томас Уортон (*Thomas Wharton*, 1648—1715) сказал в своем выступлении, обращаясь к депутатам: «Вы вчера приняли голосованием резолюцию о том, что “трон является свободным”, и я предполагаю, что каждый джентльмен и те немногие, кто голосовали против, желают теперь, чтобы трон был занят и правительство восстановлено; и я надеюсь, что оно будет восстановлено в виде настолько близком к древнему правительству (*ancient government*), насколько это возможно. Это вопрос величайшей тяжести и он заслуживает величайшего внимания. Рассматривайте его хоть тысячу лет, вы не сможете найти лица настолько подходящего для занятия трона, как принц и принцесса Оранжевые. Мы обязаны им всей нашей безопасностью; большинство из нас должны были бы в это вре-

Ed. Joyce Lee Malcolm. Indianapolis, 1999. Vol. 2. P. 865–901. Подробнее об этой видной политической фигуре в английском Конвенте, собравшемся 22 января / 2 февраля 1688/1689 г., см. в книге: *Ashley M. John Wildman: plotter and postmaster: a study of the English republican movement in the seventeenth century.* London, 1947.

¹ Grey's debates. Vol. 9. P. 28–29.

² «That it hath been found, by experience, to be inconsistent with the safety and welfare of this Protestant Kingdom, to be governed by a Popish Prince» (*The Journals of the House of Commons*. Vol. 10. P. 15).

мя являться рабами папистов или повешенными. Я надеюсь, что в будущем мы будем благодаря им в безопасности и под защитой... Поэтому я желаю, чтобы сегодня вы призвали джентльменов-юристов (*gentlemen of the Long Robe*), чтобы они направили вас на практический путь. Я прочитал историю Филиппа и Марии (королевы Мэри Тюдор и ее мужа Филиппа. — *B. T.*); их правление не было хорошим и не считается хорошим прецедентом, но я надеюсь, что мы все будем счастливы при короле Уильяме и королеве Мэри»¹.

Приведенные слова показывают, что сторонники принца Оранжского в Палате общин действовали не спонтанно, а в соответствии с разработанным заранее планом. В этом убеждает последовавшее вслед за приведенной речью Томаса Уортона выступление Энтони Кэрри, лорда Фолькленда (*Anthony Carey, Lord Folkland, 1656–1694*)². «Нам следует, — призывал он депутатов, — проявить такую же заботу, какую проявил принц Оранжский, защитив нас от папства: мы можем защитить себя от произвольного правительства (*arbitrary government*). Декларация принца издана для прочного основания правительства. Я хотел бы знать, каково наше основание. Прежде чем будет поставлен вопрос о том, кто займет трон, я рассмотрел бы, какие полномочия мы должны дать короне, чтобы удовлетворить людей, пославших нас сюда. У нас был монарх, который обходился без наших законов; и я надеюсь, мы никогда не подвергнем это сомнению. Король учреждает церковный суд, как верховный глава церкви, и действует вопреки праву, и делает себя главным над хартиями³. Поэтому перед тем, как заполнить трон, я хотел бы решить, какую власть вы дадите королю, а какую нет»⁴.

¹ Grey's debates. Vol. 9. P. 29.

² В записях парламентских дебатов, сделанных Анчитлом Греем, Энтони Кэрри именуется лордом Фольклендом.

³ Лорд Фолькленд имеет в виду здесь отмену Джеймсом II хартий Лондона и других английских городов, закреплявших права и свободы горожан и городского самоуправления.

⁴ «It concerns us to take such care, that, as the Prince of Orange has secured us from Popery, we may secure ourselves from Arbitrary Government. The Prince's Declaration is for a lasting foundation of the Government. I would know what our foundation is. Before the Question be put, who shall be set upon the Throne, I would consider what powers we ought to give the Crown, to satisfy them that sent us hither. We have had a Prince that did dispense with our Laws; and I hope we shall never leave that doubtful.

Лорда Фолькланда поддержал Уильям Гаровой (*William Garroway*, 1617–1701). «Мы столкнулись с таким нарушением наших свобод в последнее правление, — сказал он, — что принц Оранжский не воспримет болезненно, если мы создадим условия для нашей безопасности в будущем»¹. С предложениями устранить статьи в действующих законодательных актах, нарушающие права и свободы английских подданных, выступили депутаты Уильям Уильямс, Ричард Темпл, Хью Боскавен. В результате парламентариями было принято решение о том, что «до того, как Комитет приступит к вопросу о замещении трона, который в настоящее время является свободным, они обсудят вопрос об обеспечении нашей религии, законов и свобод»².

Проголосовав за эту резолюцию, члены Палаты общин продолжили обсуждение вопроса о том, какие гарантии соблюдения законов будущими монархами необходимо предусмотреть, прежде чем возводить штатхаудера Нидерландов на английский королевский трон. В предложениях, которые они высказывали во время этого обсуждения, постепенно прорисовывались контуры парламентской Декларации о правах, ставшей главным программным документом «славной революции».

«Раз Бог вложил эту возможность в наши руки, весь мир будет смеяться над нами, если мы создадим половинчатое установление»³, — такими словами начал свое выступление Уильям Сачеверел (*William Sacheverell*, 1638–1691). Он призвал депутатов смотреть не в прошлое, а в будущее и принять законы, гарантирующие, что парламенты будут избираться надлежащим образом. «Гарантируйте право выборов и законодательную власть»⁴, — сказал Сачеверел, заканчивая свою речь.

«Мы будем страдать больше от того, что делаем, чем по причине полного бездействия», — заявил баронет сэр Эдвард Сеймур и по-

The King set up an Ecclesiastical Court, as he was Supreme Head of the Church, and acted against Law, and made himself Head of the Charters. Therefore, before you fill the Throne, I would have you resolve, what Power you will give the King, and what not» (Grey's debates. Vol. 9. P. 29–30).

¹ Grey's debates. Vol. 9. P. 30.

² Ibid. P. 32.

³ Ibid. P. 33.

⁴ Ibid.

сле этого спросил депутатов: «Вы считаете подобающим оставить в *Уэстминстер-холле* неоспоримым полномочие короля освобождать кого-либо от действия закона?»¹

Не менее важный аспект королевской власти затронул в своем выступлении и сэр Томас Ли (*Thomas Lee*, 1660–1702). Он выступил против сохранения у короля полномочия «сформировать такую армию, какую он пожелает, если ей платит». По его словам, «если у короля есть другая опора, помимо народной любви, это поддерживает рабство»².

«Хотя вы проголосовали за то, что король Джеймс отрекся от короны, вы не сделали всего»³, — заявил депутатам в своем выступлении Ричард Гэмпден. Он высказал мнение, что уйти из парламента, не сделав больше, чем заместить трон, значит не обеспечить безопасности народа. «Необходимо объявить конституцию и правила правительства»⁴.

«Вы имеете надежную гарантию для руководства правительством, — говорил своим коллегам Уильям Харборд (*Willam Harbord*, 1635–1692), — все налоги в ваших собственных руках... Может тот, кого вы поместите на трон, поддерживать правительство без налогов?»⁵

Последним на заседании «Большого комитета», проходившем 29 января / 8 февраля 1688/1689 года, выступил Кристофер Масгрэйв. Он сказал депутатам: «В оправдание вашего вчерашнего голосования следует заявить ваши жалобы и объявить, где король Джеймс Второй нарушил законы и кому вы вручаете правительство»⁶. Очевидно, что Масгрэйв говорил в данном случае о Декларации, объясняющей свержение Джеймса II с английского королевского престола и возведение на него Уильяма, принца Оранжского.

¹ Grey's debates. Vol. 9. P. 35.

² «That is the support of slavery, when there is other support to the King than the people's affections to their Prince» (ibid.).

³ Ibid. P. 36.

⁴ «'Tis necessary to declare the Constitution and Rule of the Government» (ibid.).

⁵ Ibid. P. 36.

⁶ «In justification of your Vote yesterday, to declare your Grievances, you are to declare wherein King James the Second has broken the Laws, and whom you have put by the Government» (ibid.).

§ 3. Дебаты о судьбе королевского трона в Палате лордов

В Палате лордов 29 января / 8 февраля были оглашены резолюции, принятые накануне Палатой общин. Резолюция о несовместимости с безопасностью и благом протестантского королевства управляться папским монархом немедленно получила одобрение со стороны лордов. Резолюцию же о признании Джеймса II отречшимся от королевской власти и объявлении трона свободным лорды решили сначала обсудить. Для обеспечения большей свободы дебатов они преобразовали свою палату в Комитет, назначив его председателем сэра Томаса Осбурна, графа Дэнби (*Sir Thomas Osbourne*, 1632–1712).

В тот же день Большой комитет Палаты лордов рассмотрел возможность введения в Англии должности регента с королевской властью, осуществляемой от имени Джеймса II в течение всей его дальнейшей жизни¹. Вынесенное на голосование всей Палаты это предложение было отклонено всего двумя или тремя голосами².

Обсуждение же судьбоносной для страны резолюции Палаты общин лорды начали после обеда 30 января / 9 февраля. Текст данной резолюции был разделен на параграфы, которые выносились по отдельности на голосование Комитета.

Первый параграф, который гласил, что «король Джеймс Второй, предпринимавший попытку ниспровергнуть конституцию королевства, путем разрыва первоначального договора между королем и народом», получил одобрение Комитета без каких-либо поправок³.

¹ См.: *The Journals of the House of Lords*. London, 1802. Vol. 14. P. 110.

² В дневнике Джона Эвелина приводятся следующие результаты голосования по этому вопросу: за установление регентства — 54 голоса, против — 51 (см.: *Diary and Correspondence of John Evelyn*. A new edition, in four volumes. Vol. 2. London, 1889. P. 301). По другим свидетельствам, голоса разделились несколько иначе: 51 — против и 49 — за (см.: *Maddock H. An Account of the Life and Writings of Lord Chancellor Somers*. London, 1812. P. 213).

³ За одобрение этого параграфа и, следовательно, признание наличия «первоначального договора между Королем и Народом» проголосовало 55 лордов, против было 46. См.: *Maddock H. An Account of the Life and Writings of Lord Chancellor Somers*. P. 214.

Второй параграф — «и по совету иезуитов и других злых персон, нарушавший фундаментальные законы» — также был одобрен Комитетом.

Его одобрение получил без каких-либо поправок и третий параграф, гласивший: «и удалившийся из этого королевства».

Четвертый параграф, состоявший из слов «отрекся от правления (*has abdicated the Government*)», Большой комитет Палаты лордов согласился одобрить лишь при условии, если вместо термина «*abdicated*» будет вставлено слово «*deserted*» и весь параграф будет следующим: «*has deserted the Government*»¹.

Пятый параграф, содержащий заключительные слова резолюции — «и что поэтому трон стал свободным», — Комитет не стал обсуждать 30 января / 9 февраля, а перенес его рассмотрение на другой день.

Собравшись 31 января / 10 февраля на свое очередное заседание, Палата лордов снова преобразовалась в Комитет всей Палаты, который сразу же приступил к обсуждению последнего параграфа резолюции Палаты общин. Когда оно завершилось, председатель Комитета граф Дэнби поставил на голосование вопрос о том, «следует ли вместо слов “и что поэтому трон стал свободным” вставить слова “принц и принцесса Оранжские объявляются королем и королевой”»². Лорды отвергли это предложение. Отрицательное решение было принято Комитетом и по вопросу о том, согласиться или нет с Палатой общин относительно следующих слов их резолюции: «что поэтому трон стал свободным». Это решение лорды тут же подтверждали и в качестве Палаты лордов³. Тридцать шесть лордов, голосовавших в пользу принятия последнего параграфа резолюции Палаты общин, выразили протест против его исключения.

На следующий день решение Палаты лордов заменить в резолюции термин «*abdicated*» на слово «*deserted*» и исключить из нее по-

¹ См.: The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 111.

² Ibid. P. 112.

³ Ibid. Согласно сведениям, приведенным в книге Джона Дарлимпла «Мемуары о Великобритании и Ирландии», за исключение из резолюции Палаты общин слов «и что поэтому трон стал свободным» проголосовало 55 лордов, против — 41 (см.: Dalrymple J. Memoirs of Great Britain and Ireland from dissolution of the last Parliament of Charles II till the capture of the French and Spanish Fleets at Vigo. A new edition, in three volumes. Vol. 2. London, 1790. P. 279).

следнюю фразу «и что поэтому трон стал свободным» было официально сообщено Палате общин.

Нижняя палата английского парламента не согласилась ни с первой, ни со второй поправками, внесенными верхней палатой в ее резолюцию¹. Объясняя свое несогласие с первой поправкой, Ричард Темпл говорил членам Палаты общин на заседании 2/12 февраля: «Вы признали слово “*abdicated*” единственным подходящим словом. Что касается “*deserted*”, то я вопрошаю, является это подходящим заключением к вышеизложенному? Лорды удалили из резолюции все заключение. Они согласились, “что Король Джеймс ниспроверг конституцию правительства, нарушил первоначальный контракт и удалился и т. д. (*that King James has subverted the Constitution of the Government, has violated the original contract, and has withdrawn himself, &c.*)”. Посмотрите, разве это подходящее заключение? Совершением этих действий он самым очевидным образом “отрекся от Правления (*abdicated the Government*)”; посредством вышеизложенного очевидно: ниспровержением Конституции, он желал управлять посредством деспотической власти, хотя клялся править согласно первоначальному контракту»².

Первая поправка, сделанная лордами в резолюцию Палат общин, только при поверхностном взгляде могла показаться незначительной. На самом деле она коренным образом меняла смысл всей этой резолюции. Заместив термин «*abdicated*» словом «*deserted*», лорды разорвали текст резолюции на не связанные между собой фрагменты. Термин «*abdicated*» стал в результате такой операции выводом из предыдущих предложений, представлявших собой констатацию различных нарушений, допущенных при осуществлении королевской власти Джеймсом II. Резолюцией Палаты общин он признавался отрекшимся от королевской власти («*abdicated*») не только вследствие того, что удалился из Английского королевства, но прежде всего потому, что допускал эти нарушения. Слово же «*deserted*», введенное в эту резолюцию лордами взамен термина «*abdicated*», по своему значению имело отношение только к удалению Джеймса II из Англии, оно

¹ Некоторые члены Палаты общин — такие, как Томас Кладжес и Дэниэль Финч, — выразили в своих выступлениях согласие с предложением лордов заменить термин “*abdicated*” на “*deserted*”. См.: Grey’s debates. Vol. 9. P. 47.

² Grey’s debates. Vol. 9. P. 46.

было, в сущности, повторением словосочетания «*having withdrawn*». Возвратившись в свою страну, Джеймс II устранял причину, по которой признавался отрекшимся от трона и вполне мог претендовать на восстановление в должности короля.

Со второй поправкой, внесенной лордами в резолюцию о признании Джеймса II отрекшимся от королевской власти, Палата общин не могла согласиться по нескольким причинам. *Во-первых*, потому, что удаление из резолюции слов «и что поэтому трон стал свободным» ничего не меняло в действительности, поскольку английский королевский трон после бегства Джеймса II из страны на самом деле являлся свободным. *Во-вторых*, лорды признали данный факт своим обращением к принцу Оранжскому 25 декабря взять на себя управление общественными делами, как гражданскими, так и военными. *В-третьих*, доказательством того, что королевский трон в Англии оказался свободным, стала невозможность для народа этой страны получить защиту, которую он мог ожидать от короля, принесшего клятву защищать своих подданных.

Указанные возражения Ричард Гэмпден сообщил представителям Палаты лордов на совместной конференции обеих палат парламента, состоявшейся 4/14 февраля. В тот же день эти возражения были доведены до сведения остальных членов верхней Палаты Конвента. Лорды их выслушали, но отказываться от своих поправок не стали. Повторным голосованием они подтвердили свою позицию и создали специальный комитет из 22 человек с задачей сформулировать основания (*reasons*) для такого решения и представить их нижней палате¹.

В подготовленном данным комитетом тексте говорилось, что лорды настаивают на замене термина «*abdicated*» на «*deserted*» в резолюции Палаты общин от 28 января / 7 февраля по следующим причинам: «1. Потому что лорды не считают слово [*“abdicate”*] термином, известным *common law* Англии. И лорды надеются, что общины согласятся употреблять только такие слова, о значении которых можно понять согласно праву; и не такие, какие подлежат сомнительным интерпретациям. 2. Потому что в наиболее общем применении его в гражданском праве (*civil law*), слово «*abdication*» есть добровольное выражение акта отречения, которого не было в этом случае и которое

¹ См.: The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 116.

не вытекает из вышеизложенного; а о том, что король Джеймс Второй удалился после того, как пытался ниспровергнуть конституцию правительства посредством расторжения первоначального контракта между королем и народом и нарушения фундаментальных законов, можно более правильно сказать “*to have deserted*”, чем “*abdicated the government*”»¹.

Основания, по которым верхняя палата английского парламента приняла решение удалить из резолюции Палаты общин последнюю фразу «и что поэтому трон стал свободным», были еще более серьезными. Лорды отвергли утверждения, поступившие к ним из нижней палаты парламента, согласно которым они 25 декабря сами якобы согласились с тем, что королевский трон в Англии оказался после бегства Джеймса II из страны свободным. По их мнению, английский король своим бегством из страны всего лишь прекратил «осуществление правления (*the exercise of the government*)». Принцу Оранжевому они предлагали в этой ситуации лишь «управление правительством (*the Administration of the Government*)». Объявление же королевского трона свободным, поясняли лорды, означает признание, что английская корона стала избирательной, на что они согласиться никак не могут.

Во-первых, «потому что согласно конституции правительства монархия является наследственной, а не избирательной»².

Во-вторых, «потому что никакой акт короля не может приостановить или уничтожить право его наследников на Корону; и поэтому (в ответ на третье возражение, выдвинутое Палатой общин), если трон свободен от короля Джеймса Второго, клятва обязывает такое лицо, которому принадлежит право наследования»³.

Таким образом, разногласия между лордами и общинами относительно содержания резолюции о судьбе королевского трона приняли принципиальный характер: они выражали различие не только

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 117.

² «Because, by the Constitution of the Government, the Monarchy is Hereditary, and not Elective» (ibid.).

³ «Because no Act of the King alone can bar or destroy the Right of His Heirs to the Crown; and therefore (in Answer to the Third Reason alleged by the House of Commons) if the Throne be vacant of King James the Second, Allegiance is due to such Person as the Right of Succession does belong to» (ibid.).

в подходах к толкованию тех или иных терминов, но и во взглядах на то, какой должна быть английская монархия.

§ 4. Спор между Палатой лордов и Палатой общин о судьбе королевского трона

При обсуждении 2/12, 4/14 и 5/15 февраля в Палате общин оснований, выдвинутых лордами против использования термина «abdicated» и признания трона свободным, некоторые ее члены открыто выступили в их поддержку.

Так, Томас Кладжес сказал в первый же день указанных дебатов: «Перед нами великие дела; все они направлены на устройство нации. Единство так необходимо в это время, что я надеюсь, мы придем к согласию с лордами по поправкам. Термин “*desertion*” кажется более подходящим, чем “*abdication*”, который не является столь необходимым и подходящим. Что касается прецедентов, то отречение должно быть добровольным»¹.

О своем согласии с лордами заявил в своем выступлении 2/12 февраля Дэниэль Финч, сославшись при этом на исторический прецедент отречения Эдуарда IV от престола, которое было обозначено термином «*demise*»². Выступая в дебатах о поправках лордов во второй раз (5/15 февраля), Д. Финч объяснил депутатам, почему ему не нравится фраза «и что поэтому трон стал свободным»: «Сомнительно, чтобы ваша резолюция могла означать, что трон свободен навсегда; поэтому ясно, что это вопрос о том, является монархия наследственной или избирательной: я боюсь, наши доводы ведут туда, куда они не могут вести. Поскольку для нас ограничить наследование значит ясно сказать, что мы можем избирать короля, и не должны ли мы признать, что разрушаем этим конституцию правления, которую решили здесь поддерживать?»³

«Я бы не сказал, что “король Джеймс оставил королевство”, он оставил правительство. Его отречение совершено в некотором роде

¹ Grey's debates. Vol. 9. P. 47.

² См.: Ibid.

³ Ibid. P. 60.

фактически, а не посредством официального акта»¹, — утверждал в своем выступлении Ричард Темпл.

Уильям Эттрик (*William Ettrick*, 1651–1716) высказал следующее мнение: «Хотя король *Джеймс* “оставил (*deserted*)” правительство, и принц *Оранжевый* взял в настоящее время руководство правительством (*administration of the government*), но это не может иметь никакого иного вывода, кроме того, что осуществление правления прекратилось, и никакой акт короля *Джеймса* не может уничтожить наследования его наследников. Если трон свободен, присяга (*allegiance*) должна приноситься тому, кому принадлежит право наследования»².

Томас Кладжес в своем повторном выступлении 5/15 февраля сказал: «Я согласен с поправками лордов. Я считаю корону наследственной, а не избирательной, что явствует из всех наших книг по праву (*law-books*). Под этой вакантностью (*vacancy*) я понимаю только то, что король отрекся (*abdicated*) от себя самого и лишил себя права правления, и что правление перешло к следующему протестантскому преемнику в наследовании; (я поясняю) я буду говорить свободно — к принцессе *Оранжевой*. Если трон — свободен, в строгом смысле, то королевство является избирательным, и мы отходим от наследования. Король не только лишил себя правления, нарушив первоначальный контракт и допуская крайности в управлении, но и увез ребенка, если он его, в другое королевство: и если корона перейдет к нему, это может быть высшей степени благоприятно для *французского* короля, который сможет действовать во благо себе в *Шотландии*. Мы ведем дебаты не только для себя, но и для всех королевских владений (*King's dominions*). Я рад, что лорды объяснили нашу резолюцию, и я действовал бы со всей быстротой для устройства (*settlement*) королевства. Мы не создаем в настоящее время наследников, хотя, будучи Конвентом, обладаем полномочием учреждать то, чего не имеем»³.

Томаса Кладжеса поддержал Жозеф Треденхэм. «Корона всегда была наследственной, никогда не была избирательной»⁴, — подчеркнул он и поблагодарил Бога за то, что дал Англии протестантского

¹ Grey's debates. Vol. 9. P. 47–48.

² Ibid. P. 54–55.

³ Ibid. P. 55.

⁴ Ibid.

наследника короны — принцессу Оранжскую. «Нет никакого другого способа сохранить мир и спокойствие, как признать принцессу, которая не имеет ни юридической, ни природной неспособности занять трон»¹, — такими словами он закончил свою речь.

Большинство членов Палаты общин было настроено, однако, отклонить поправки лордов в резолюцию Конвента об отречении короля Джеймса II от власти и вакантности трона. Хью Боскоуэн (*Hugh Boscowen*, 1625—1701), возражая в своем выступлении против исключения из резолюции фразы «и что поэтому трон стал свободным», заявил: «Общины всего лишь сказали, что “трон является свободным”. Мы не навязываем лордам какого-либо смысла. Мы не говорим, что он свободен для принца Уэльского или кого-либо другого, но лишь то, что он свободен... Никто не говорит, что корона является избирательной, но в запутанном случае парламент должен сказать, где больше права, и для парламента назвать законного наследника равнозначно избранию»².

Выступления сторонников сохранения в резолюции термина «*abdicated*» и фразы о вакантности трона показали, что в основе их позиции лежали не юридические аргументы, но исключительно прагматические соображения, а именно: нежелание передавать трон ребенку Джеймса II и стремление предотвратить восшествие на престол «папского наследника» — сторонника римско-католической церкви. Ричард Темпл говорил в своем выступлении в конце рассматриваемых дебатов: «Некоторые говорят, “отстраните всех, кроме протестантов”. Но если парламент не имеет полномочия сделать это иначе, у вас нет никакого способа предотвратить подпадание под папистского наследника. Если трон будет заполнен, у нас не будет власти сделать его подходящим: все что нам останется — это винить лордов и себя. Поэтому я бы не согласился с лордами, но объявил трон свободным»³.

Противники поправок, внесенных в резолюцию лордами, не скрывали, что объявить английский престол свободным необходимо было для того, чтобы его заняла принцесса Оранжская Мэри, протестантка по своим религиозным убеждениям. При этом они вполне сознавали, что королевская власть неминуемо окажется в этом слу-

¹ Grey's debates. Vol. 9. P. 56.

² Ibid. P. 63.

³ Ibid. P. 62.

чае в руках ее мужа — принца Оранжского. «Я более всего склоняюсь к принцессе Оранжской, — говорил Генри Поликсфен, — но вы в действительности не сознаете блага нашей страны и протестантской религии. Если она будет сейчас провозглашена королевой, может ли быть что-нибудь более желательным, чем соединение в правлении с ней ее мужа?... И думает ли кто-либо, что принц Оранжский придет для того, чтобы подчиняться в Англии своей собственной жене? Это и невозможно, и не должно быть в природе»¹.

Последним в дебатах по вопросу о поправках лордов в резолюцию, объявляющую Джеймса II отрекшимся от власти, а трон его свободным, выступил правовед из Уэльса баронет Уильям Уильямс. Его речь была примиряющей. «Все согласны, — сказал он, — в том, что последний король Джеймс II покинул трон, и что его правление прекратилось. Если лорды придерживаются мнения о том, что правление короля Джеймса II прекратилось, то мы все находимся в согласии. Лорды говорят, что он никогда не возвратится; они против его возвращения к правлению: а я против монархии ребенка; я против того, кто ниспровергает законы правления»².

После этого выступления на голосование общин был поставлен вопрос, согласна ли эта Палата с лордами, предложившими убрать из резолюции слова «и что поэтому трон стал свободным»: 282 члена Палаты общин ответили отрицательно, 151 депутат — положительно³. Вместе с тем общины приняли решение просить лордов о совместной конференции представителей обеих палат для обсуждения возникших разногласий и выработки единого мнения о содержании резолюции.

§ 5. Конференция представителей обеих палат 6/16 февраля 1688/1689 года

Данная конференция состоялась на следующий день, 6/16 февраля⁴. По словам историка Джеймса Макинтоша, «обе палаты избра-

¹ Grey's debates. Vol. 9. P. 64.

² Ibid. P. 65.

³ См.: The Journal of the House of Commons. Vol. 10. P. 20.

⁴ В журналах Палаты лордов и Палаты общин содержатся лишь короткие сообщения о конференции обеих палат английского парламента, состоявшейся

ли из своего соответствующего большинства членов наиболее сообразительных в дебатах или тех, кто имел более весомый характер»¹.

Представители Палаты общин постарались убедить участвовавших в работе конференции лордов в том, что слово «*abdicate*» является термином английского права, а объявление королевского трона свободным не означает превращения английской монархии в избирательную.

Первым из представителей Палаты общин выступил Ричард Гэмпден. «Слово “*abdicated*”, — сказал он, обращаясь к представителям лордов, — общины считают более широким по значению, чем слово “*desert*”, которое ваша светлость соизволили употребить, однако оно не настолько широко, чтобы было применимо ко всему перечню фактов в начальной части резолюции общин, к которым, как они подразумевают, оно должно применяться. Но его значение нельзя ограничивать добровольно выраженным отречением, только воплощенная в устном слове или на письме, во внешних действиях эта добровольность будет достаточно значима, чтобы отречение было действительным. А то, что, мои лорды, *common law* не знакомо с этим словом, проистекает из скромности нашего права, которое неохотно предполагает наступление какого-либо несчастного повода для его применения»².

6/16 февраля 1688/1689 г. Ничего не говорится о проходившей на ней дискуссии и в сборнике дебатов Палаты общин, записанных Анчитлом Греем (*Debates of the House of Commons. From the Year 1667 to the Year 1694. Collected by the Honourable Anchitell Grey. Vol. 9. London, 1769*). Речи парламентариев, произносившиеся во время этой конференции, были опубликованы в 1695 г. в специальном сборнике «Дебаты в полном объеме между Палатой лордов и Палатой общин на свободной конференции» (*The Debates at Large between the House of Lords and House of Commons at the free conference, held in the Painted Chamber, in the session of the Convention, Anno 1688. Relating to the word ABDICATED, and the vacancy of the Throne, in the common's vote. London and Westminster, 1695. P. 29–176*). Данная публикация была воспроизведена впоследствии в изданиях: *The History and Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the Present Time. London, 1742. Vol. 2. P. 207–255*; и *The Parliamentary History of England, from the earliest Period to the Year 1803. Vol. 5. A.D. 1688–1702. London, 1809. Col. 66–108*.

¹ *Mackintosh J. History of the Revolution in England in 1688, comprising A View of the Reign of James II from His accession to the enterprise of the Prince of Orange. London, 1834. P. 606.*

² *The Debate ant Large, between the House of Lords and House of Commons. P. 32–33.*

После Гэмпдена от имени Палаты общин говорил барон Джон Сомерс (*John Somers*, 1651—1716). Он познакомил лордов с основаниями, побудившими общины не согласиться с их поправками в резолюцию и настаивать на слове «*abdicated*». Напомнив, что лорды отвергли данное слово потому, что оно не является термином *common law*, Сомерс заметил, что и предложенное лордами взамен его слово «*deserted*» тоже неизвестно *common law*. «Оба слова, — продолжал он, — являются латинскими словами, употребляются лучшими авторами и в известном значении; их смысл очень хорошо понимается, хотя, и это истина, он не тот же самый: слово *abdicated* естественно и по сути означает *полностью отречься, сбросить, отказать, оставить какую-либо вещь или лицо, так чтобы не иметь с ним в дальнейшем никаких дел; будет ли это сделано устным выражением или письменным... или посредством совершения таких действий, какие несовместимы с держанием или сохранением вещи*, что, как полагают общины, и есть настоящий случай и поэтому выбрали слово *abdicated* как такое, которое, по их мнению, лучше всех других, наиболее должным образом выражает этот смысл»¹. Далее барон Сомерс привел примеры употребления слова «*abdicated*» именно в указанном им смысле в произведении Гуго Гроция «О праве войны и мира», в «Юридическом лексиконе» французского теолога Жюна Кальвина, в юридическом словаре «О значении слов, касающихся гражданского права» французского юриста Варнавы Бриссона², в

¹ «The Words are both *Latin Words*, and used in the best Authors, and both of a known Signification; their Meaning is very well understood, though it be true, their Meaning be not the same: The Word *abdicate* doth naturally and properly signify *entirely to renounce, throw off, disown, relinquish any Thing or Person, so as to have no farther to do with it, and that whether it be done by express Words or in Writing... or, by doing such Acts as are inconsistent with the holding or retaining of the thing*; which the Commons take to be the present case, and therefore made choice of the Word *abdicate*, as that which they thought did, above all others, most properly express that Meaning» (The Debates at Large between the House of Lords and House of Commons at the free conference. P. 36). Цитируемая страница в данном издании ошибочно обозначена цифрой 26.

² Советник короля Генриха III и его государственного совета, президент Парижского парламента в 1588—1589 гг. Barnabé Brisson — на латыни: Barnabas Brissonius — родился в 1531 г., а умер в 1591. Его словарь — «De Verborum que ad Jus Civile Pertinent Significatione» вышел в свет в 1559 г. и до 1805 г. выдержал семнадцать переизданий.

комментарии «*Ad legem secundam de origine juris*» французского ученого Гийома Бедэ¹.

О слове же «*deserted*», которым лорды предложили заменить термин «*abdicated*», Джон Сомерс считал необходимым сказать, что оно «имеет не только весьма сомнительное значение, но в общепринятом употреблении как в гражданском, так и в каноническом праве обозначает лишь простое удаление, временное оставление вещи и только небрежение, которое оставляет участнику свободу снова к ней возвратиться»². Свое утверждение он проиллюстрировал конкретными примерами из произведений правоведа Бартола и теолога Кальвина.

Выступавший со стороны лордов граф Ноттингэм (*Daniel Finch, second Earl of Nottingham*, 1647–1730) пояснил, в чем заключалась главная причина отказа верхней палаты Конвента от слова «*abdicated*» и выражения «и что поэтому трон стал свободным» в обсуждавшейся резолюции. «Что общины подразумевают под этим выражением?» — спросил он. — Подумаете ли вы, что трон настолько свободен, что аннулирует правопреемство его по наследственной линии? И что все наследники должны быть отстранены? Что, говорим мы, сделает корону избирательной. И может быть, нам необходимо сначала разрешить этот вопрос; и когда мы будем знать, что означает в резолюции объявление трона свободным в вашем понимании, я полагаю, мы сможем лучше разрешить разногласие относительно двух слов»³.

Своего рода ответом на эти вопросы стало выступление Джона Мэйнарда. «Мои лорды, — сказал он, — конституция, несмотря на то, что трон стал свободным, остается той же самой; законы, составляющие основания и правила этой конституции, те же самые: однако если в каком-либо особенном случае конституция будет наруше-

¹ Французский правовед, филолог и философ Guillaume Budé — на латыни: Guilielmus Budaeus — родился в 1467 г., умер в 1540-м.

² «But the Word deserted (which is the Word used in the Amendment made by your Lordships) hath not only a very doubtful Signification; but in the common Acceptance both of the civil and canon Law, doth signify only a bare withdrawing, a temporary quitting of a thing, and Neglect only, which leaveth the Party at liberty of returning to it again» (The Debates at Large between the House of Lords and House of Commons at the free conference. P. 39).

³ Ibid. P. 47.

на, тогда последствием будет отречение; и это отречение повлечет за освобождение трона. Это не означает, что общины говорят: *корона* Англии является *всегда и навечно избирательной*; это означает, что необходимо восполнить недостаток, и это восполнение не будет превращением монархии из *наследственной* в *избирательную*»¹.

Выступавший со стороны лордов граф Кларендон выразил свое несогласие с попытками депутатов Палаты общин представить отстранение Джеймса II от власти в качестве акта, который ничего не меняет в конституции Англии и не превращает английскую корону из наследственной в избирательную. «Насколько я помню, — заметил он, — господин Сомерс, говоривший о значении термина «*abdicated*», цитировал Гроция, лексикон Кальвина и других правоведов-цивилистов, где он недвусмысленно обозначает добровольный акт, и так получается во всех примерах, о которых я когда-либо читал или слышал, то есть под ним подразумевается или некоторое *формальное действие отречения* или *отставки*, или *добровольный акт, совершенный самим участником*»². Однако, продолжил Кларендон, «я поистине считаю, джентльмены, совершенно очевидным, что король, в этом случае, не сделал ничего подобного: в действительности ученым и находчивым джентльменом Сомерсом было сказано, что это вытекает из факта, объявленного в резолюции, что он сделал это *путем нарушения фундаментальных законов и первоначального контракта и попыткой ниспровергнуть конституцию королевства*. Я не буду обсуждать частности, выдвинутые для доказательства этого обвинения; но я могу сказать, в более общем выражении, что это нарушение первоначального контракта является языком, который долго не использовался в этом

¹ «My Lords, the Constitution, notwithstanding the Vacancy, is the same; the Laws that are the Foundations and Rules of That Constitution are the same: But if there be in any particular Instance, a Breach of that Constitution, that will be an *Abdication*; and that *Abdication* will infer a *Vacancy*. It is not that, the Commons do say, *the Crown* of England is *always and perpetually Elective*; but it is more necessary that there be a Supply when there is a Defect, and the Doing of that will be no Alteration of the Monarchy from a *Successive One* to an *Elective*» (The Debate ant Large, between the House of Lords and House of Commons, at the free Conference. P. 48). Цитируемая страница в данном издании ошибочно обозначена цифрой 38.

² The Debate ant Large, between the House of Lords and House of Commons, at the free Conference. P. 60.

месте и неизвестен нашим *юридическим книгам* или государственным документам»¹.

Действием, совершаемым вопреки английской конституции, граф Кларендон считал также выбор преемника Джеймса II на троне не по идущей от него наследственной линии. В обоснование своей позиции он сказал: «Я думаю, что никакое наше действие не может изменить линии наследования, так как по всем имеющимся у нас действующим законам наше правление оказывается наследственным по прямой линии: и на основании прямого наследования, когда кто-либо прекращает быть королем, присяга приносится по закону его законному наследнику, как до коронации, так и после»². Вместе с тем Кларендон обратил внимание на то, что и «один король не может воспрепятствовать или нарушить право своего наследника на корону, которая наследственная, а не избирательная»³. Он считал очевидным, что новым королем Англии в случае отстранения Джеймса II от престола должен стать следующий законный его наследник, а потому трон не может быть свободным.

Вопрос о том, насколько соответствует английской конституции доктрина первоначального контракта, нарушение которого королем Джеймсом II было представлено в резолюции Палаты общин в качестве действия, свидетельствующего об отречении его от престола, затронул в своей речи и Георг Треби (*George Treby*, 1643–1700). «Мы заходим слишком далеко, когда предлагаем исследовать первоначальный договор, соответствует ли любое подобное явление нашему праву или конституции»⁴, — заметил он. По его мнению, здесь следует принять во внимание книгу самого авторитетного теолога своего времени Ричарда Хукера о церковной политике⁵, в которой признается, что первоначальное правление начинается среди людей посредством договора. Сделав это заявление, Георг Треби еще раз

¹ The Debate ant Large, between the House of Lords and House of Commons, at the free Conference. P. 60–61.

² Ibid. P. 63.

³ Ibid. P. 64.

⁴ Ibid. P. 70.

⁵ Первые четыре книги главного произведения Ричарда Хукера (*Richard Hooker*, 1664–1600) «Of the Lawes of Ecclesiastical Politie (О законах церковной политики)» вышли в свет в 1594 г., пятая — в 1597 г., остальные три были изданы уже после его смерти.

призвал участников конференции сосредоточиться лишь на термине «*abdicated*» и словах резолюции о том, что трон стал свободным.

Однако чем дальше шло обсуждение резолюции об отречении Джеймса II от королевской власти и освобождении трона, тем яснее становилось, что значение данного термина и смысл фразы о вакантности престола не отличаются определенностью и потому достичь по ним согласия лордам и общинам не удастся. Именно поэтому выступавшие на конференции все чаще обращались к тем практическим последствиям, которые могло иметь отречение Джеймса II от власти и освобождение трона. Обсуждение резолюции Конвента об этом показало, что именно здесь можно было найти основу компромисса между лордами и общинами. Обе Палаты были едины в своем неприятии Джеймса II в качестве короля. Вместе с тем почти все члены Конвента не хотели видеть наследником королевского трона его недавно родившегося сына. И большинство как представителей общин, так и лордов склонялось к мысли, что восшествие на трон принцессы, а вместе с ней и принца Оранжских будет не только *единственно возможным*, но и *самым благоприятным* в тех условиях вариантом решения вставшей перед Англией проблемы престолонаследия. Вильгельм и Мария Оранжские были протестантами. Заняв королевский трон, они автоматически отстраняли католиков от власти. У них не было детей и вряд они могли появиться у супругов, являвшихся двоюродными братом и сестрой. Следовательно, их восшествие на престол не предreshало вопроса о том, кто будет следующим королем, поскольку не создавало династии. А это, в свою очередь, отводило парламенту особую роль: было очевидно, что именно этот государственный орган будет решать, кто займет королевский трон после принца и принцессы Оранжских. Но вмешательство парламента в порядок престолонаследия меняло характер английской монархии: из наследственной она превращалась, по существу, в монархию избирательную.

Подобный поворот в развитии конституции Англии был невыгоден правившим страной политическим группировкам, поскольку создавал повод для острейших раздоров между ними и, следовательно, резко дестабилизировал всю английскую политическую систему. Влиятельный и постоянно действующий парламент при наследственной монархии с королем, предельно ограниченным в своей абсолютной прерогативе и единоличной власти — таков был идеал политических группировок, возобладавших в английском правящем

классе в результате свержения Джеймса II с королевского трона. Но для его осуществления необходимо было внести существенные перемены в традиционную юридическую конструкцию государственного строя Англии. Но здесь единство взглядов заканчивалось и начинались разногласия относительно того, какими должны быть эти перемены.

Потребность во внесении серьезных изменений в юридическую конструкцию английского государственного строя вполне сознавалась участниками конференции обеих палат Конвента, проходившей 6/16 февраля 1688/1689 года. Так, Джон Мэйнард говорил в своем выступлении: «Слово “избирательная” не является термином общин, и у них нет ни мыслей, ни намерений создать избирательное королевство: все, к чему они стремятся в этом деле, это обеспечить восполнение этого недостатка в правлении, привнесенного в него плохим управлением последнего короля. И я скажу снова, что это обеспечение должно быть сделано; и если оно будет, то королевство не станет постоянно избирательным»¹.

Согласие лордов с общинами в том, что Джеймс II должен быть навсегда отстранен от власти и при этом лишен права передать корону своему наследнику, сделало бессмысленным спор между ними о значении термина «*abdicated*». Однако оставалась еще более сложная проблема, а именно: следует ли после отстранения Джеймса II от власти считать королевский трон свободным. Согласно *common law* и фундаментальным законам страны, английская монархия была наследственной по королевской линии и на основании одного этого факта королевский трон не мог быть свободным. Признавая монархию в Англии наследственной, участники конференции фактически подтверждали невозможность объявления трона свободным. Однако в принятой Палатой общин резолюции королевский трон объявлялся свободным. Возникало противоречие, без разрешения которого лорды и общины не могли прийти к согласию.

Данное противоречие было разрешено способом, неоднократно применявшимся на протяжении английской истории (например, в случае отрешения от королевской власти Ричарда II и восшествия на престол Генриха IV). Сталкиваясь с конфликтом, из которого нель-

¹ The Debate ant Large, between the House of Lords and House of Commons, at the free Conference. P. 105.

зя было выйти, соблюдая традиционную юридическую конструкцию государственного строя, английские политики позволяли себе в таких случаях нарушать фундаментальные законы страны, но специально оговаривали, что эти нарушения являются исключениями из правил и прецедентами служить не могут. Имея в виду именно такой способ выхода из противоречия, возникшего в связи с объявлением королевского трона свободным, член палаты общин Пауль Фаули (*Paul Foley*, 1644/1645–1699) сказал в своем выступлении во время рассматриваемой конференции: «Я надеюсь, мои лорды, в этом случае нет никакой опасности потрясения наших основ, однако мы следуем методам, которые соответствуют нашим законам и конституции: так как хотя монархия этой нации является наследственной в обыкновенном порядке наследования, тем не менее, может выпасть случай, в котором его нельзя соблюсти, и может получиться полная вакансия. Так, возьмите ситуацию, когда прекращается целиком королевская линия (поскольку они все смертны так же, как и мы), должны ли мы в этом случае вообще не иметь правительства? И кого тогда мы должны иметь, кроме лордов и общин? И я думаю, этот случай близко подходит к обсуждаемой ситуации, когда наследник неизвестен; так как если б он имелся, мы бы до настоящего времени услышали б о нем. И по какой тогда причине в предшествующем случае власть будет переходить к лордам и общинам, когда нет никакого короля? А по той, что они являются представительным органом королевства и единственной оставшейся видимой частью правительства и только они могут восполнить недостаток, предусмотрев наследника. И разве не та же самая причина действует здесь? Мы оказались без короля, я уверен, что не знаю, кого мы имеем: если теперь выпадает такой случай, который будет подразумевать очевидно свободный трон, то возникнет необходимость, чтобы лорды и общины позаботились о его заполнении»¹.

¹ «I hope, my Lords, there is no danger of shaking our Fundamentals in this case; but we are pursuing those Methods that agree with our Laws and Constitution: For though the Monarchy of this Nation be Hereditary in the ordinary Course of Succession, yet there may fall out a Case wherein that cannot be complied with, and a plain Vacancy may ensue. For, put the case the whole Royal Line should fail, (as they are all mortal, as well as we ourselves are) should we in that case have no Government at all? And who then should we have but the Lords and Commons? And I think that Case comes nearest to the Case in question, where the Successor is not known; for if he had been, we

По окончании конференции на заседание Палаты лордов снова был вынесен вопрос: «Стоит ли согласиться с Палатой общин относительно слова “*abdicated*” вместо слова “*deserted*” и на следующие слова: “и что поэтому трон стал свободным”». На этот раз было принято решение согласиться¹. По свидетельству современников, данное решение победило с перевесом всего лишь в 2, 3 или 4 голоса². Таким образом, резолюция Палаты общин стала резолюцией всего Конвента, причем в том ее варианте, который был принят общинами 28 января / 7 февраля 1688/1689 года. В ней говорилось, «что король Джеймс Второй, предпринимавший попытку ниспровергнуть конституцию королевства, путем разрыва первоначального договора между королем и народом и по совету иезуитов и других злых персон, нарушавший фундаментальные законы и удалившийся из этого королевства, отрекся от правления, и что поэтому трон стал свободным»³.

* * *

Данная резолюция страдала отсутствием элементарной логики и не имела серьезного правового основания. У лордов было много причин не соглашаться с ней, но они тем не менее согласились. Причина такой податливости представителей английской аристократии заключалась в конкретной политической обстановке, сложившей-

should have heard of him before now. And what is the reason that it should then in the former Case devolve to Lords and Commons, but that there is no King? And they being the Representative Body of the Kingdom, are the only remaining apparent Parts of the Government, and are only to supply the Defect by providing a Successor. And, is there not the same reason here? We are without a King, I am sure I do not know of any that we have: If that fall out to be the case now, that will infer a Vacancy with a witness, and it will be of necessity that the Lords and Commons take care to supply it» (The Debate ant Large, between the House of Lords and House of Commons, at the free Conference. P. 172–173).

¹ См.: The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 118–119.

² Епископ Бёнет писал об этом голосовании в своих мемуарах: «Палата была очень полной; присутствовало около 120 лордов; и все было так близко к равенству, что к согласию с общинами при голосовании об отречении (*abdication*) и вакантности трона (*vacancy of the throne*) пришли очень малым большинством — в два или три голоса» (Bishop Burnet’s History of His Own Time: from the Restoration of King Charles the Second to the Treaty of Peace at Utrecht, in the Reign of Queen Anne. London, 1850. P. 519).

³ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 14.

ся в Англии к началу февраля 1688/1689 года. Единственным реальным претендентом на королевский трон являлся в то время принц Оранжский. Поэтому лорды вынуждены были под давлением обстоятельств проголосовать за резолюцию Палаты общин, которая, хотя и отличалась неопределенностью, нелогичностью в своем содержании, служила совершенно определенной политической цели — возведению штадхаудера Нидерландов Вильгельма на английский королевский престол. Лорды не сумели найти логики в этой резолюции, но хорошо понимали, какой логике подчинена была так называемая «славная революция». Поэтому сразу после одобрения резолюции о признании королевского трона в Англии свободным, они проголосовали за то, чтобы принц и принцесса Оранжские были объявлены «королем и королевой Англии и всех владений ей принадлежащих»¹.

«Славная революция» победила, но стала ли победительницей Англия?

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 119.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Декларация лордов духовных и светских и общин, собравшихся в Уэстминстере» (Декларация о правах от 12/22 февраля 1688/1689 года)

§ 1. Создание Комитета для разработки проекта принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод английских подданных

Движущими силами «славной революции» были, с одной стороны, штадхаудер Нидерландов Вильгельм, принц Оранжский и стоявшая за ним группа амстердамских финансистов, а с другой — оппозиционно настроенные по отношению к Джеймсу II группировки из правящего слоя в самой Англии. До вторжения нидерландских войск на территорию Английского королевства и в самом начале этой военной операции они скрывали свои подлинные политические устремления, но когда неспособность английского короля организовать отпор интервентам стала очевидной, открыто выступили на стороне иностранных сил. Успех военной экспедиции штадхаудера Нидерландов был предопределен во многом тем, что ее поддержали английские политики, стремившиеся по разным причинам свергнуть Джеймса II. Они составляли явное большинство в Палате общин и значительное количество среди членов Палаты лордов. Их устремления сходились с интересами, которые преследовал, вторгнувшись в Англию, штадхаудер Нидерландов, но лишь до определенной меры. Вильгельм Оранжский устраивал их в качестве короля лишь потому, что не был привержен католицизму в такой степени, как Джеймс II. При этом происходил по линии своей матери — дочери Карла I и родной сестры Джеймса II — из королевского дома Стюартов, был женат на дочери последнего — Марии, официально считавшейся, до рождения сына у ее отца, наследницей королевского престола. Но как человек, склонный к самовластью, волевой и решительный, принц

Оранжский вызывал у английского правящего класса серьезные опасения, которые усиливало в особенности ясное сознание того, что действовавшая в Англии юридическая конструкция верховной государственной власти страдала довольно большой степенью неопределенности и тем самым предоставляла королю весьма широкие возможности для личного произвола. Самым опасным было отсутствие в английской конституции четкого определения прерогатив королевской власти и привилегий парламента. Эта неопределенность облегчала парламентариям решение задачи юридического оформления процедуры возведения на королевский трон вместо Джеймса II принца и принцессы Оранжских, но одновременно создавала условия для усиления единоличной королевской власти и ослабления политической роли парламента, а значит, формировала почву для постоянных и острых конфликтов между группировками правящего класса, стоявшими за этими политическими институтами.

Не меньшую озабоченность вызывала у парламентариев и дальнейшая судьба королевского трона. Вильгельм и Мария Оранжские не имели детей, что неизбежно вело к возникновению в будущем проблемы престолонаследия и соответственно опасности возвращения к власти Джеймса II или восшествия на трон какого-либо другого, столь же приверженного римско-католической церкви. Поэтому если для принца Оранжского принятие Конвентом резолюции об освобождении королевского престола от Джеймса II и решения об объявлении его и принцессы Марии королем и королевой Англии было актом, завершавшим «славную революцию», то для группировок английского правящего класса, поддержавших его вторжение в Англию, с принятием этой резолюции и такого решения завершился лишь очередной ее этап.

Лорд Энтони Фолькленд говорил в своем выступлении в Палате общин на следующий день после принятия резолюции об отстранении Джеймса II от королевской власти и освобождении трона: «Нам необходимо позаботиться, чтобы мы могли обезопасить себя от произвольного правления так, как принц Оранжский обезопасил нас от папства. Декларация принца есть прочное основание правления. Я хотел бы знать каким будет наше основание. До того, как ставить вопрос о том, кто сядет на трон, я бы рассмотрел, какими полномочиями нам следует наделить корону, дабы удовлетворить тех, кто послал нас сюда. Мы имели монарха, который освобождал тех или иных лиц от действия наших законов; и я надеюсь, мы больше не

оставим этот вопрос неразрешенным. Король учреждал церковный суд, поскольку он был главой церкви, и действовал вопреки праву, а также сделал себя источником хартий. Поэтому до того, как заполнить трон, я хотел бы, чтобы вы решили, какую власть мы предоставим королю, а какую нет»¹.

В другой своей речи, произнесенной перед общинами 29 января / 8 февраля, лорд Фолькленд выразил свои намерения еще более ясно: «Мы должны не только заменить властвующих лиц, но изменить сущности: позаботиться не только о том, чтобы поставить над собой короля и монарха, но и обеспечить на будущее, чтобы он не мог править плохо. Кто-то, быть может, неудовлетворен властью, кто-то — армией: именно для блага народа мы должны сделать все, чтобы потомство никогда не могло бы оказаться в опасности от папства и произвольной власти»².

Позицию лорда Фолькленда поддержал выступавший после него Уильям Гарравэй. Мы имели такое насилие над нашими вольностями в последние правления, что принц Оранжский не может обидеться, если мы издадим кондиции (*conditions*), чтобы обеспечить себя на будущее; и в них мы воздадим справедливость тем, кто послал нас сюда, и не оставим их без хорошего основания»³. Поддержал идею

¹ «It concerns us to take such care, that as the Prince of Orange has secured us from Popery, we may secure ourselves from Arbitrary Government. The Prince's Declaration is for a lasting foundation of the Government. I would know what our foundation is. Before the Question be put, who shall be set upon the Throne, I would consider what powers we ought to give the Crown, to satisfy them that sent us hither. We have had a Prince that did dispense with our Laws; and I hope we shall never leave that doubtful. The King set up an Ecclesiastical Court, as he was supreme Head of the church, and acted against Law, and made himself Head of the Charters. Therefore, before you fill the Throne, I would have you resolve, what Power you will give the King and what not» (Debates of the House of Commons. From the Year 1667 to the Year 1694. Collected by the Honourable Anchtell Grey, Esq.; who was Thirty Years member for the Town of Derby, Chairman of Several Committees; and deciphered Coleman's letters for the use of the House. In ten volumes. Vol. 9 (далее: Grey's debates. Vol. 9). London, 1769. P. 29–30).

² «We must not only change hands, but things; not only take care that we have a King and Prince over us, but for the future, that he may not govern ill. Some, perhaps, are dissatisfied with the Power, some with the Army — 'Tis for the people's sake we do all, that posterity may never be in danger of Popery and Arbitrary Power» (Grey's debates. Vol. 9. P. 33).

³ Ibid. P. 30.

издания документа, гарантирующего от нарушения привилегий парламента и обеспечивающего соблюдение королем прав и свобод подданных и депутат Ричард Темпл. Более того, он высказал ряд мыслей относительно его содержания, предложив предусмотреть в нем меры, защищающие парламент от посягательств, гарантирующие независимость судей¹.

Некоторые депутаты, согласившись с тем, что такой документ нужен, высказались, тем не менее, против немедленного его принятия. «Вы не можете издать закон до той поры, пока не будете иметь короля»², — напомнил общинам Генри Полликсфен. «Все, что вы можете в настоящее время свершить, это представить принцу о том, что может быть сделано, и причем в виде нескольких кратких принципов»³, — приземлял реформаторские порывы депутатов Уильям Гэрравэй.

Кристофер Масгрэйв предложил создать специальный Комитет «для приведения к общим принципам таких предметов, которые абсолютно необходимы для обеспечения законов и свобод нации»⁴. И Палата общин согласилась с этим предложением. В резолюции, принятой общинами 29 января / 8 февраля, говорилось о «назначении Комитета для приведения к общим принципам таких предметов, которые абсолютно необходимо рассмотреть для лучшего обеспечения нашей религии, законов и свобод»⁵. В состав данного Комитета вошло 39 депутатов⁶, его председателем был избран сэр Георг Треби.

В тот же день Палата общин проголосовала за резолюцию, в которой признавалось «несовместимым с безопасностью и благосостоя-

¹ Ричард Темпл предлагал, в частности, лишить короля правомочия удалять судей от должности по своему усмотрению, предоставив им возможность пребывать на должности «*during life*» и получать жалование вместо вознаграждения. См.: Grey's debates. Vol. 9. P. 31.

² Ibid. P. 33.

³ Ibid. P. 35.

⁴ Ibid. P. 37.

⁵ «Resolved, That the House be moved to appoint a Committee, to bring in general Heads of such Things as are absolutely necessary to be considered, for the better securing our Religion, Laws, and Liberties» (The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 15).

⁶ Список этих депутатов приводится в Журнале Палаты общин (ibidem).

нием протестантского королевства управляться папским монархом»¹. Подобную резолюцию единогласно приняла и Палата лордов². Ее содержание не соответствовало действовавшим правовым нормам, но члены Конвента руководствовались в данном случае соображениями не законности, а целесообразности. «Ни в статутах, ни в *common law* нет ничего против папского монарха, однако это противоречит интересам нации»³, — говорил в своем выступлении член Палаты общин сэр Гильберт Долбен.

§ 2. Первый проект принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод английских подданных (2/12 февраля 1688/1689 г.)

2/12 февраля Георг Треби зачитал в Палате общин составленный Комитетом под его председательством перечень из 23-х принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения религии, законов и свобод английских подданных. Депутаты рассмотрели этот список, внесли в него некоторые поправки и вместе с тем добавили к нему 5 новых принципов и мер. В результате получился следующий документ⁴:

«1. Притязание на правомочие диспенсации⁵ или приостановления законов, или приостановления исполнения законов, по-

¹ «Resolved, That it hath been found, by Experience, to be inconsistent with the Safety and Welfare of this Protestant Kingdom, to be governed by a Popish Prince» (The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 15).

² Резолюция Палаты лордов несколько отличалась от резолюции Палаты общин — в ней говорилось о несовместимости «с безопасностью и благосостоянием протестантской религии управляться папским монархом (Resolved, nemine contradicente, That it has been found by Experience to be inconsistent with the Safety and Welfare of the Protestant Religion, to be governed by a Popish Prince)» (The journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 110).

³ Grey's debates. Vol. 9. P. 28.

⁴ Нижеследующий текст приводится по изданию: The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 17.

⁵ Английский термин «dispensation» обозначает акт, отменяющий закон для какого-либо конкретного случая или освобождающий кого-либо от действия какого-то закона, позволяющий, таким образом, нарушить его.

§ 2. Первый проект принципов и мер...

средством королевской прерогативы, без согласия парламента, является незаконным¹.

2. Комиссия, учрежденная в качестве последнего суда комиссаров по церковным делам и все другие комиссии и суды подобной природы, незаконны и пагубны².
3. Взимание сборов для или в пользу короны, на основании обманной прерогативы, без согласия парламента, за более длительное время, или иным порядком, чем тот, который будет таким образом установлен, является незаконным³.
4. Петиция королю есть право подданных: и все аресты и судебные преследования за подачу петиций являются незаконными⁴.
5. Акты, касающиеся милиции, тягостны для подданного⁵.
6. Набор или содержание постоянной армии в пределах королевства в мирное время, если это происходит без согласия парламента, противно закону⁶.
7. Для общественной безопасности необходимо, чтобы подданные, являющиеся протестантами, получили бы и хранили оружие для их общей защиты: и чтобы оружие, которое было захвачено и отобрано у них, было бы им возвращено⁷.
8. Права и свободы избранных членов Палаты общин; и правомочия и привилегии парламента и членов парламента, как в

¹ «1. The pretended Power of dispensing or suspending of Laws, or the Execution of Laws, by Regal Prerogative, without Consent of Parliament, is illegal».

² «2. The Commission for erecting the late Court of Commissioners for Ecclesiastical Causes, and all other Commissions and Courts of like Nature, are illegal and pernicious».

³ «3. Levying of Money for or to the Use of the Crown, by Pretence of Prerogative, without Grant of Parliament, for longer Time, or in other Manner, than the same shall be so granted, is illegal».

⁴ «4. It is the Right of the Subjects to petition the King: And all Commitments and Prosecutions for such petitioning, are illegal».

⁵ «5. The Acts concerning the Militia are grievous to the Subject».

⁶ «6. The raising or keeping a Standing Army within this Kingdom in time of Peace, unless it be with the Consent of Parliament, is against Law».

⁷ «7. It is necessary for the publick Safety, that the Subjects, which are Protestants, should provide and keep Arms for their common Defence: And that the Arms which have been seized, and taken from them, be restored».

- перерывах между созывами парламента, так и во время их заседаний, должны быть обеспечены¹.
9. Что парламенты должны заседать свободно, и что их частые заседания должны быть гарантированы².
 10. Не допускается приостановки какой-либо сессии парламента до тех пор, пока по делам, которые должны быть обязательно разрешены в это время, не будут приняты решения³.
 11. Что слишком долгое продолжение того же самого парламента должно быть предотвращено⁴.
 12. Никакое помилование не должно быть применено к импичменту в парламенте⁵.
 13. Города, университеты, и городские корпорации, и городские поселения, и плантации должны быть гарантированы против Quo Warrantos⁶ и принуждений к отказу от привилегий и переходов под опеку королевской власти; и восстановлены в своих старинных правах⁷.

¹ «8. The Right and Freedom of electing Members of the House of Commons; and the Rights and Privileges of Parliament, and Members of Parliament, as well in the Intervals of Parliament, as during their Sitting; to be preserved».

² «9. That Parliaments ought to sit frequently, and that their frequent Sitting be secured».

³ «10. No Interrupting of any Session of Parliament, till the Affairs, that are necessary to be dispatched at that time, are determined».

⁴ «11. That the too long Continuance of the same Parliament be prevented».

⁵ «12. No Pardon to be pleadable to an Impeachment in Parliament».

⁶ Quo Warrantos — так назывался появившийся в Англии во второй половине XIII в. приказ (writ), посредством которого Суд Королевской Скамьи мог потребовать от свободных держателей предоставления доказательств в том, что они правомерно пользуются какими-либо привилегиями. В последние годы правления Карла II Quo Warrantos использовался в качестве инструмента для принуждения городских корпораций к отказу от привилегий и переходу под полный контроль королевской власти (см. главу «Quo Warrantos and the King's Corporations» в книге: *Halliday P. D. Dismembering the Body Politic: Partisan Politics in England's Towns, 1650–1730* (Cambridge, 1998. P. 189–236). Джеймс II также использовал этот приказ для ограничения привилегий городских корпораций.

⁷ «13. Cities, Universities, and Towns Corporate, and Boroughs, and Plantations, to be secured against Quo Warrantos, and Surrenders, and Mandates; and restored to their ancient Rights».

14. Никто из королевской семьи не должен вступать в брак с папистом¹.
15. Каждый король и королева этого королевства во время вхождения в осуществление своей королевской власти должны принять присягу о поддержании протестантской религии и законов и свобод этой нации; при этом коронационная присяга подлежит проверке².
16. Должно быть издано имеющее законную силу положение о свободе протестантов исповедовать свою религию и об объединении, насколько это возможно, всех протестантов в деле публичного вероисповедания³.
17. Должны быть урегулированы толкования относительно статутов о государственной измене, а также судопроизводств и процессов, и Writs of Error⁴ в делах по государственной измене⁵.
18. Полномочия судей должны быть установлены на срок Quamdiu se bene gesserint⁶, а выплаты им жалования должны быть определены и установлены исключительно из общественного дохода, и сами они не должны ни увольняться, ни отстраняться от исполнения своей должности, кроме как в законном порядке⁷.

¹ «14. None of the Royal Family to marry a Papist».

² «15. Every King and Queen of this Realm, at the Time of their entering into the Exercise of their Regal Authority, to take an Oath for maintaining the Protestant Religion, and the Laws and Liberties of this Nation; and that the Coronation Oath be reviewed».

³ «16. Effectual Provision to be made for the Liberty of Protestants in the Exercise of their Religion, and for uniting all Protestants in the Matter of publick Worship, as far as may be».

⁴ Writ of Error — приказ вышестоящего суда, уполномочивающий нижестоящий суд заново рассмотреть дело и исправить допущенные ошибки.

⁵ «17. Constructions upon the Statutes of Treason, and Trials, and Proceedings, and Writs of Error, in Cases of Treason, to be regulated».

⁶ Quamdiu se bene gesserint — дословно: «до тех пор, пока ведут себя хорошо».

⁷ «18. Judges Commissions to be made Quamdiu se bene gesserint; and their Salaries to be ascertained and established, to be paid out of the publick Revenue only; and not to be removed, nor suspended, from the Execution of their Office, but by due Course of Law».

19. Должно воспрепятствовать требованию чрезмерного залога от лиц, арестованных по уголовным делам, и наложению чрезмерных штрафов и незаконных наказаний¹.
20. Должны быть устранены злоупотребления в назначении шерифов и в исполнении ими своей должности².
21. Списки присяжных должны составляться и обновляться надлежащим образом, и должно воспрепятствовать вынесению искаженных и фальшивых вердиктов³.
22. Основанные только на предположении обвинения в Суде Королевской скамьи, должны быть исключены⁴.
23. Должны быть урегулированы канцлерский и другие суды правосудия, и должностные оклады⁵.
24. Что против покупки и продажи должностей могут быть приняты эффективные меры⁶.
25. Что при возвращении приказов Habeas Corpus и Mandamus⁷ подданный может иметь свободу оспорить акты такого возвращения⁸.

¹ «19. The requiring excessive Bail of Persons committed in criminal Cases, and imposing excessive Fines, and illegal Punishments, to be prevented».

² «20. Abuses in the Appointing of Sheriffs, and in the Execution of their Office, to be reformed».

³ «21. Jurors to be duly impannelled and returned, and corrupt and false Verdicts prevented».

⁴ «22. Informations in the Court of King's Bench to be taken away». «The word "Information" should have been "Prosecution" (Слово "Information" следует понимать как "преследование")», — говорил по поводу этой статьи Генри Полликсфен (Grey's debates. Vol. 9. P. 81).

⁵ «23. The Chancery, and other Courts of Justice, and the Fees of Offices, to be regulated».

⁶ «24. That the Buying and Selling of Offices, may be effectually provided against».

⁷ Mandamus — приказ (writ) вышестоящего суда, принуждающий нижестоящий суд выполнять свои функции надлежащим образом.

⁸ «25. That upon Return of Habeas Corpus's, and Mandamus's, the Subject may have Liberty to traverse such Returns». Возвращение (return) приказов Habeas Corpus и Mandamus означает в данном случае отказ должностного лица, к которому они были направлены, в их исполнении.

26. Что все послабления относительно штрафов и конфискации незаконны и недействительны, и что все лица, предоставляющие их, подлежат наказанию¹.
27. Что злоупотребления и притеснения во взимании и сборе налога на очаги должны быть полностью устранены².
28. Что все злоупотребления и притеснения в назначении и сборе акцизов должны быть полностью устранены³.

Текст приведенного проекта принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод, примечателен прежде всего тем, что его содержание в значительном своем объеме предвосхитило содержание Декларации о правах, которая 12/22 февраля 1688/1689 года будет принята Конвентом, а на следующий день зачитана принцу и принцессе Оранжским. Одинадцать статей из двадцати восьми этого проекта войдут в указанную Декларацию: *первые четыре, шестая, седьмая, восьмая и девятая* (обе последние не в полном объеме), *девятнадцатая, двадцать первая и двадцать шестая* (не в полном объеме).

Данный текст можно поэтому с полным основанием считать *первым проектом Декларации о правах*, а если принять во внимание, что последняя войдет впоследствии в Билль о правах, то и первым проектом этого конституционного документа.

Любопытно, что текст данного проекта был вскоре после его оглашения в Палате общин опубликован в неофициальном порядке под названием: «The Publick Grievances of the Nation adjudged necessary, by the honorable the House of Commons to be redresse (Публичные жалобы нации, неотвратимо приговоренные достопочтенной Палатой общин к удовлетворению)»⁴.

¹ «26. That all Grants of Fines and Forfeitures are illegal and void; and that all such Persons as procure them, be liable to Punishment».

² «27. That the Abuses and Oppressions in levying and collecting the Hearth-money, be effectually redressed».

³ «28. That the Abuses and Oppressions in levying and collecting the Excise, be effectually redressed».

⁴ См. об этом: *Schwoerer L. G. Press and Parliament in the Revolution of 1689 // The Historical Journal. 1977. Vol. 20. № 3. P. 555.*

§ 3. Второй проект принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод английских подданных (7/17 февраля 1688/1689 г.)

4/14 февраля Палата общин снова обратилась к перечню принципов и мер, необходимых «для обеспечения законов и свобод нации». Джон Бёч (*John Birch*, 1615–1691) предложил дать составленному перечню какое-нибудь оглавление и передать этот документ для обсуждения лордам¹. Его предложение поддержал депутат сэр Томас Ли. «Я предлагаю для вашей же пользы, — сказал он, обращаясь к своим коллегам, — дать какое-либо оглавление принципам и мерам, которые вы ранее одобрили. Вы предлагаете изложить их в форме Петиции о праве (*Petition of Right*). Некоторые из злоупотреблений не иначе могут быть исправлены, как посредством новых законов; и вы не сможете послать их лордам до тех пор, пока не изложите их новым методом: отдельно такие, в которых старинные права нарушаются, и те, что не требуют новых законов»².

В итоге Палата общин рекомендовала Комитету во главе с Георгом Треби разделить список принципов и мер на две части, а именно: на те, что предполагают *принятие новых законов*, и такие, которые *подтверждают старинные права*³. В состав Комитета был включен еще один депутат — правовед Джон Холт (*John Holt*, 1642–1710).

7/17 февраля Георг Треби представил Палате общин новый документ, получившийся в результате разделения ранее составленного списка принципов и мер, необходимых «для обеспечения законов и свобод нации». Сэр Томас Ли сказал, оценивая его: «Он предлагает метод декларации о правах подданного, сопровождаемой декларацией о замещении трона»⁴.

Название «декларация» пока не применялось к этому документу, что было вполне закономерным: по своему содержанию он выходил за рамки документа такого жанра и представлял собой набросок

¹ См.: Grey's debates. Vol. 9. P. 51.

² Ibidem.

³ См.: The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 19.

⁴ Grey's debates. Vol. 9. P. 74.

плана или программы политических реформ. Историки не обращают внимания на этот документ, а между тем его появление в Палате общин служит очевидным признаком того, что доминировавшая в ней политическая группировка свергала Джеймса II с королевского престола не только и не столько для того, чтобы заменить его на другого, более удобного ей монарха. Сама эта замена была лишь промежуточной целью данной политической группировки. Главной и конечной ее целью была конституционная реформа, а именно: такое преобразование юридической конструкции государственного строя Англии, которое придало бы парламенту значение самостоятельного, постоянно действовавшего государственного органа, контролирующего суды и правительство. Представленный Георгом Треби Палате общин 7/17 февраля документ вполне заслуживает поэтому того, чтобы привести его содержание полностью — без этого документа история «славной революции» будет неполной и к тому же сильно искаженной.

«Так как последний король Джеймс Второй, при содействии различных злых советников, судей и министров, состоявших у него на службе, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую религию и законы и свободы этого королевства;

посредством присвоения и осуществления полномочия изъятия из-под действия закона (диспенсации) или приостановления законов, или приостановления исполнения законов, без согласия парламента;

посредством заключения под стражу и преследования различных достойных прелатов за подачу покорного прошения об освобождении от сотрудничества в осуществлении указанного присвоенного полномочия;

посредством издания поручения, за Большой печатью, о создании суда, называемого “суд комиссионеров по церковным делам”;

посредством взимания денег для и в пользу короны, на основании обманной прерогативы, в иное время и в ином порядке, чем это разрешено парламентом;

посредством формирования и содержания постоянной армии в пределах королевства, в мирное время, без согласия парламента;

посредством принуждения нескольких добрых подданных, являвшихся протестантами, к разоружению;

посредством нарушения свободы выборов членов парламента;

посредством навязывания выдвижения и осуществления в Суде Королевской скамьи процедуры обвинения, основанного лишь на предположении (infomations) по предметам и делам, подлежащим исключительному ведению парламента: а также других произвольных и незаконных процедур;

и так как в последние годы пристрастные, коррумпированные и неквалифицированные лица снова оказывались в списках присяжных и служили в судах; а в судебных процессах по государственной измене участвовали, в частности, различные присяжные, которые не являлись свободными держателями;

и в обход законов, изданных для свободы подданных, от лиц, арестованных по уголовным делам, требовались чрезмерные залого;

и налагались чрезмерные штрафы;

и назначались незаконные и жестокие наказания;

и было сделано несколько послаблений и обещаний послаблений по штрафам и конфискациям до осуждения или вынесения судебного приговора лицам, которые должны были им подвергнуться;

все это является полностью и прямо противоречащим известным законам и статутам, и свободе этого королевства;

и так как упомянутый король Джеймс Второй отрекся от правления, и трон поэтому оказался свободным

его высочество принц Оранжевый (которого всемогущий Бог соизволил сделать славным инструментом освобождения этого королевства от папства и произвольной власти), по совету духовных и светских лордов и разных ведущих персон из общин, приказал, чтобы были написаны письма духовным и светским лордам протестантского вероисповедания и другие письма различным графствам, университетам, городам, бургам и пяти портам об избрании таких лиц для своего представительства, которые были вправе войти в состав парламента, собраться и заседать в Уэстминстере в 22-й день января в этот год 1688, для того, чтобы принять такое установление, при котором наша религия, законы и свободы не могли бы снова подвергнуться опасности ниспровержения;

и на основании этих писем были соответственно произведены выборы;

и посему указанные общины, избранные таким образом, собравшись в настоящее время в качестве полного и свободного представительства этого народа, предприняв серьезное рассмотрение наилучших средств достижения вышеуказанных целей, прежде всего (как

это обыкновенно делали в подобном случае их предки) для восстановления и подтверждения своих старинных прав и свобод единодушно заявляют:

что притязание на полномочие диспенсации или приостановления законов, или приостановления исполнения законов королевским повелением, без согласия парламента, является незаконным;

что комиссия для создания последнего суда комиссионеров по церковным делам и все другие комиссии и суды подобной природы являются незаконными и пагубными;

что взимание денег для или в пользу короны, на основании обманной прерогативы, без разрешения парламента, в течение более долгого времени или в ином порядке, чем тот, который разрешен или будет разрешен, является незаконным;

что обращение к королю с петицией есть право подданных и все аресты и преследования за такое обращение являются незаконными;

что формирование или содержание постоянной армии в пределах королевства в мирное время, если это не делается с согласия парламента, противно праву;

что подданные, являющиеся протестантами, могут приобретать и хранить оружие для общей защиты;

что выборы членов парламента должны быть свободными;

что свобода слова и дебатов, или деятельность в парламенте не должны быть поводом к импичменту или предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте вне парламента;

что ни чрезмерный залог не должен требоваться, ни чрезмерные штрафы налагаться, ни жестокие и необычные наказания назначаться;

что списки присяжных должны составляться и обновляться надлежащим образом, и присяжные, решающие судьбы людей в судебных процессах по делам о государственной измене, должны быть свободными держателями;

что все послабления и обещания послаблений относительно штрафов и конфискаций частным лицам до вынесения судебного приговора являются незаконными и недействительными;

и что для удовлетворения всех обид и для исправления, упрочения и сохранения законов парламента должны созываться часто и допускаться к заседаниям;

и они утверждают, требуют и настаивают на всех и отдельных пунктах как на своих несомненных правах и свободах; и что никакие декларации, приговоры, поступки или действия в ущерб народу в каком-либо из указанных пунктов не должны каким-либо образом вылиться в будущем в последствие или пример;

и чтобы сделать более прочным и совершенным устройство указанных религии, законов и свобод, и для исправления некоторых недостатков и неудобств упомянутыми общинами предлагается и рекомендуется, чтобы были установлены положения, новыми законами, изданными в таком порядке и с такими ограничениями, которые были бы специально рассмотрены и предписаны мудростью и правосудием парламента, для следующих целей, а именно:

для отмены актов, касающихся милиции и принятия новых;

для обеспечения права и свободы избранных членов Палаты общин, и правомочия и привилегии парламентов и их членов, как в интервалах между созывами парламентов, так и в течение их заседания;

для обеспечения частых заседаний парламентов;

для предотвращения слишком долгого продолжения одного и того же парламента;

для обеспечения университетов, городов и городских корпораций, и местечек, и плантаций против Quo Warrantos и принуждений к отказу от привилегий и переходов под опеку королевской власти; и их восстановления в их старинных правах;

никто из королевской семьи не должен вступать в брак с папистом;

каждые король и королева этого королевства во время вхождения в осуществление своей королевской власти должны принять присягу о поддержании протестантской религии, и законов и свобод этой нации; а коронационная присяга должна быть изменена;

для свободы протестантов в исповедовании их религии и для объединения, насколько это возможно, всех протестантов в деле публичного вероисповедания;

для урегулирования толкований относительно статуты о государственной измене, а также судопроизводств и процессов, и Writs of Error в делах по государственной измене;

для установления полномочий судей на срок *Quamdiu se bene gesserint* (до тех пор, пока ведут себя хорошо), и определения и установления выплат им жалованья исключительно из общественного

§ 3. Второй проект принципов и мер...

дохода, и для предотвращения их увольнений или отстранений от исполнения своих должностей, кроме как в законном порядке;

для лучшего обеспечения подданных против чрезмерного залога в уголовных делах и чрезмерных штрафов, и жестоких и необычных наказаний;

для устранения злоупотребления в назначении шерифов и в исполнении ими своей должности;

для обеспечения надлежащего порядка в составлении и обновлении списков присяжных и воспрепятствования вынесения искаженных и фальшивых вердиктов;

для исключения в Суде Королевской скамьи обвинений, основанных только на предположении (informations);

для урегулирования канцлерского и других судов правосудия и должностных окладов;

для предотвращения покупки и продажи должностей;

для предоставления подданным свободы оспаривать акты возвращения приказов Habeas Corpus и Mandamus (т. е. отказов в их исполнении. — *В. Т.*);

для предотвращения послаблений относительно штрафов и конфискации до вынесения приговора;

для устранения злоупотреблений и притеснений во взимании и сборе налога на очаги;

для устранения злоупотреблений и притеснений во взимании и сборе акциза»¹.

Сравнение приведенного документа, представленного Палате общин 7/17 февраля Комитетом под председательством Георга Треби, со списком из двадцати восьми принципов и мер, обсуждавшимся здесь пятью днями ранее, показывает, что общины отказались от требования к королю не применять помилование к импичменту в парламенте, но зато дополнили этот список статьей о недопустимости превращать свободу речи и дебатов, а также деятельность в парламенте в повод для преследования по процедуре импичмента или в предмет судебного разбирательства в каком-либо месте вне парламента.

Кроме того, некоторые депутаты высказали предложение о целесообразности добавить в текст зачитанного им 7/17 февраля доку-

¹ The Journals of House of Commons. Vol. 10. P. 21–22.

мента статью о необходимости такого устройства королевской власти, чтобы к ней «не мог быть допущен ни один папист». Палата общин поддержала это предложение и приняла резолюцию о том, что указанные пункты должны быть дополнены положением «об устройстве короны таким образом, чтобы ни один папист не мог наследовать ее или быть допущенным к ней»¹.

§ 4. Третий проект принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод английских подданных (8/18 февраля 1688/1689 г.)

На следующий день Палата общин продолжила рассмотрение проекта принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод подданных Английского королевства. Для выработки его окончательного варианта, который предполагалось передать на обсуждение в Палату лордов, был образован новый Комитет — на этот раз из 21 члена и под председательством Джона Сомерса, состоявшего в прежнем Комитете. Из протокола заседания Палаты общин, проходившего 8/18 февраля, видно, что Джон Сомерс сразу же попросил депутатов дать ему указания насчет дальнейшей работы над документом. Палата общин рекомендовала Комитету связать текст резолюции об отречении Джеймса II и освобождении королевского трона и формы присяги, одобренные лордами, с декларативной его частью, не принимая во внимание ту часть, которая предполагает введение новых законов.

Во втором своем выступлении от имени Комитета в тот же день Джон Сомерс, как явствует из записи в журнале Палаты общин, сообщил депутатам, что они, подвергнув порученный им документ «серьезному рассмотрению», согласились с некоторыми поправками, сделанными в резолюцию лордами, доработали его в соответствии с инструкциями Палаты общин и теперь передают весь текст документа для чтения. Далее в журнале говорится, что депутаты прочли его

¹ The Journals of House of Commons. Vol. 10. P. 22.

«параграф за параграфом» и после того, как получили ответы на некоторые поставленные ими вопросы, выразили с ним свое согласие.

При чтении текста этого документа, приведенного в журнале Палаты общин вслед за данным сообщением, сначала кажется, что он ничем не отличается от того, который представлял депутатам днем ранее Георг Треби. Но потом обнаруживается, что его содержание приблизительно на одну треть короче — оно заканчивается фразами: «и они утверждают, требуют и настаивают на всех и отдельных пунктах как на своих несомненных правах и свободах; и что никакие декларации, приговоры, поступки или действия в ущерб народу в каком-либо из указанных пунктов не должны каким-либо образом вылиться в будущем в последствие или пример».

Таким образом, значительная часть документа, выработанного Комитетом под председательством Георга Треби, не была включена в его вариант, представленный Палате общин Комитетом Джона Сомерса. Почему? Что произошло с представителями общин за одни сутки, отделяющие выступление Джона Сомерса от выступления Георга Треби? Ведь из подготовленного ими документа для представления будущему новому королю Англии Вильгельму, принцу Оранжскому была изъята самая важная часть, а именно: пункты, предполагавшие принятие новых законов и соответственно осуществление конституционной реформы в направлении усиления политической роли парламента.

Найти ответ на этот вопрос оказалось не просто. Приведенный в журнале Палаты общин протокол заседания 8/18 февраля 1688/1689 года содержит лишь краткий пересказ двух выступлений Джона Сомерса и текст обсуждавшегося документа. «Парламентская история Англии», в которой даются довольно подробные записи выступлений в Палате общин, совершенно умалчивает о том, что говорили депутаты на заседании Палаты в указанный день¹. В сборнике дебатов Палаты общин, собранных депутатом Анчитлом Греем, речи, произносившиеся на заседании 8/18 февраля по поводу рассматриваемого

¹ См.: The Parliamentary History of England, from the earliest Period to the Year 1803. Vol. 5. A.D. 1688—1702. London, 1809. Col. 108. Никаких сведений о заседании представителей общин 8/18 февраля не приведено и в издании: The History and Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the Present Time. London, 1742. Vol. 2. P. 255.

документа, даны в очень кратком пересказе¹, поэтому для ответа на поставленный вопрос они мало что дают.

Из вошедших в этот сборник записей следует, что после доклада Джона Сомерса слово взял депутат Роберт Говард. «Я против запутывания дела, — сказал он. — Хотя мы спешим утвердить права народа, однако следующей лучшей вещью будет поддержать их. Я бы сделал декларативную часть известных вам прав и заставил Комитет привести ваши права в связное целое». Эти слова весьма любопытны: они свидетельствуют, что Роберт Говард уже решил для себя, что в перечне прав, подготовленном Комитетами Палаты общин, следует оставить для передачи принцу Оранжскому только «декларативную часть»².

Выступавший за ним Джон Мэйнард ограничился лишь замечанием: «Ясно, что это ваши собственные права; вы декларируете, и лорды должны иметь время для их рассмотрения»³.

Ричард Темпл сказал: «Я за сбережение времени и за объяснение того, что планируется сделать, а именно: ваши декларативные права вы приняли, также и те, что связаны с вашей резолюцией; и принц выставляет их в своей декларации; но там, где вы желаете принятия новых законов, это должно быть вами же и сделано. Вы же не пойдете к лордам с вашей резолюцией, объявляющей принца и принцессу королем и королевой и ничего кроме этого»⁴. Джон Вильдмэн также обеспокоился потерей времени. Она, по его мнению, будет неизбежной, если документ передать лордам, которые начнут рассматривать его параграф за параграфом и затянут этот процесс, если с чем-то в нем не согласятся. «Так ли уж необходимо в это время вовлекать лордов и посылать их к принцу»⁵ — таким вопросом закончил он свое выступление.

Ричард Гэмпден высказался против представления принцу Оранжскому перечня прав в обход лордов, считая не обосновательно, что такой документ не будет в достаточной мере авторитетным. Он постарался развеять у депутатов опасения относительно позиции

¹ См.: Grey's debates. Vol. 9. P. 79–81.

² Ibid. P. 79.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid. P. 80.

§ 5. Вмешательство принца Оранжского в дебаты о судьбе королевского трона

лордов, указав, что изложенные в документе права им тоже необходимы.

Последним выступил Джон Айр, который также призвал не отказывать лордам в благоразумии и передать им перечень прав на рассмотрение.

Из приведенных выступлений видно, что фактор времени здесь играл некоторую роль — депутаты Палаты общин выражали озабоченность возможной задержкой обсуждения документа лордами. Однако, как бы ни стремились они ускорить представление списка прав и свобод принцу Оранжскому, вряд ли это стремление могло их заставить изъять из него все, что требовало принятия новых законов. Любопытно, что изъятие из документа этой последней части совсем не вызвало споров в Палате общин. Это могло быть только по одной причине: инициаторами такого изъятия были не сами депутаты — какая-то их группа, но некая влиятельная сила за пределами Конвента. Очевидно, что такую силу мог представлять тогда в Англии только Вильгельм-завоеватель, принц Оранжский.

§ 5. Вмешательство Вильгельма, принца Оранжского в дебаты о судьбе английского королевского трона

В 1692 году в Лондоне был напечатан анонимный памфлет «Справедливая жалоба Великобритании на ее последние меры, настоящие страдания и будущие бедствия, выставленные ею напоказ, с лучшим и безопаснейшим способом укрепить ее религию, правление, свободу и собственность на надежных и устойчивых основаниях»¹. Его ав-

¹ Great Britain's just complaint for her late measures, present sufferings, and the future miseries she is exposed to, with the best and safest way to secure her Religion and Government, Liberty & Property upon good and lasting foundations: fully and clearly discovered, in answer to two late pamphlets concerning the pretended French invasion. London, 1692. Позднее текст данного произведения, без указания его автора, был напечатан в издании: A Collection of Scarce and Valuable Tracts, on the Most Interesting and Entertaining Subjects: But chiefly such as related to the History and Constitution of these Kingdoms. Selected from an infinite number in Print and Manuscript in the Royal, Cotton, Sion and other Public as well as Private Libraries; particularly that as the late Lord Somers (далее: Somers Tracts). Vol. 3. London, 1748. P. 466–518.

тором являлся идеолог группировки вигов, разочарованных политической нового английского короля, протестант по своей вере, писатель Джеймс Монтгомери. Он привел в своем произведении факт, который позволяет объяснить странное поведение представителей общин на заседании 8/18 февраля и, в частности, их отказ от проведения конституционной реформы, от закрепления за парламентом новых прав и свобод: «Когда *Конвент* обсуждал некоторые будущие постановления против произвольной власти, принц послал моего лорда *Уортона* к нескольким лордам и мистера *Кулина* к сэру *Эдуарду Сеймуру* и мистеру *Гэмпдену* и другим коммонерам, чтобы довести до их сведения, что если Палата будет слишком сильно настаивать на ограничениях, то он возвратится и оставит их в состоянии крена к милости короля Джеймса: таким в высшей степени деликатным был этот великий спаситель нашей религии и свободы»¹.

Приведенное свидетельство вполне заслуживает того, чтобы его считать правдивым. Джеймс Монтгомери был человеком, хорошо осведомленным в делах, происходивших в Конвенте — ведь там заседали люди, которых он хорошо знал и с которыми не терял связи после того, как перешел в оппозицию к новому английскому королю. И не случайно, он назвал конкретные фамилии тех, через кого Вильгельм Оранжский стремился повлиять на Конвент. Эти люди были живы в тот год, когда в Лондоне был напечатан памфлет Монтгомери, и по этой причине не мог он приписать им то, чего они не делали. Это было бы немедленно опровергнуто, но, насколько мне известно, никакого опровержения данному факту не последовало.

Свидетельство Джеймса Монтгомери об активном вмешательстве принца Оранжского в дебаты о судьбе английского королевского трона подтверждается мемуарами его идеологического противника — ближайшего соратника штадхаудера Нидерландов, одного из идеологов «славной революции» епископа Гильберта Бёнета. Вот что он писал о позиции Вильгельма Оранжского по отношению к дебатам, проходившим в Конвенте в конце января — в начале февраля

¹ «When the *Convention* was deliberating, upon some future Provisions, against Arbitrary Power, the Prince sent my Lord Wharton to several Lords, and Mr. *Coulin* to Sir *Edward Seymour*, and Mr. *Hampden*, and other Commoners, to let them know, *That if the House insisted so much upon Limitationsm that he would return again, and leave them in the lurch to the Mercy of King James: So generously Tender was this great Deliverer of our Religion and Liberty*» (Somers Tracts. Vol. 3. P. 479).

1688/1689 года: «Во время этих дебатов и того жара, с которым они велись, собственное поведение принца было весьма загадочным. Он пребывал в Сент-Джеймском дворце: он редко выходил за его пределы, доступ к нему очень нелегким. Он слушал все, что ему говорили: но редко давал какой-либо ответ»¹. Казалось, штадхаудер Нидерландов решил выполнить обещание, которое дал английскому народу в своей «Декларации о мотивах вторжения в Английское королевство», где заявил, что его военная экспедиция «не стремится ни к какой другой цели, как иметь свободный и законный парламент». Однако поведение принца стало совсем другим после того, как парламентский Конвент принял резолюцию об отречении Джеймса II от королевской власти и объявил трон свободным. Наступило время, когда надо было решать вопрос о замещении трона. И вот в этот судьбоносный момент Вильгельм Оранжский как будто очнулся от летаргического сна. «После скрытности, которая была столь сильной в течение нескольких недель, что никто не мог сказать ничего определенного о том, что ему хотелось, он позвал маркиза Галифакса и графов Шрюсбери и Данби, и некоторых других, чтобы объясниться с ними более определенно. Он говорил им, что хранил до сих пор молчание, потому что не хотел сказать или сделать какую-либо вещь, которая могла бы показаться в каком-то роде лишаящей какое-либо лицо полной свободы размышления и голосования в делах такой важности: он решил никому ничего не навязывать и ничем не угрожать. И поэтому он склонился к тому, чтобы обнародовать свои собственные мысли. Некоторые выступили за передачу правления в руки регента; он ничего не сказал бы против этого, если бы считал регентство лучшим способом разрешения их дел. Он только думает о необходимости сказать им, что он не будет регентом. Поэтому, если они продолжают проводить этот план, то они должны будут поискать для этого поста какую-нибудь другую персону: сам же он видит, какие последствия из этого могут выйти, поэтому он не примет на себя звание регента. Другие выступили за помещение на трон одной принцессы и за то, чтобы он правил на основе ее любезности: он сказал на это, что ни один мужчина не может больше це-

¹ Bishop Burnet's History of His Own Time. Vol. 3. Containing the History of the Reign of K[ing] James II to the Settlement of K[ing] William and Q[ueen] Mary on the Throne, in 1689. London, 1725. P. 1407.

нить женщину, чем он ценит принцессу, но он так устроен, что не может и думать о том, чтобы держать что-либо через женскую юбку, и не может считать разумным какое-либо разделение в правлении, если он не сосредоточено в его лице, и причем на срок всей жизни. Если они полагают, что удобнее разрешить эту проблему иначе, он резко выступит в этом деле против них. Кроме того, он возвратится в Голландию и больше не станет вмешиваться в их дела. Он заверил их, что другие могут думать о короне все что угодно, но в его глазах это не такая вещь, без которой он не мог бы очень хорошо жить и быть довольным жизнью. В конце он сказал, что не сможет решиться принять достоинство, так чтобы держать его только в течение жизни другого: однако он полагает, что потомству принцессы Анны следует отдать предпочтение при наследовании любому потомству, которое он мог бы иметь от другой жены, чем принцесса. Все это он сообщил им в такой холодной и беспристрастной манере, что те, кто судил других на основе собственных пристрастий, смотрели на все это, как на искусственность и хитрость. То, о чем сейчас было рассказано, не планировалось держать в секрете. И оно не слабо помогло привести дебаты в Уэстминстере к скорому завершению»¹.

Немало фактов, свидетельствующих об активном вмешательстве принца Оранжского в ход происходивших в Конвенте дебатов о судьбе английского королевского трона, приведено в сборнике документов, составленном Джоном Далримплом. Из них вытекает, в частности, что Вильгельм стремился предотвратить попытки английских политиков возвести на трон одну Мэри Оранжскую и потому не позволял ей прибыть в Англию до решения вопроса о будущем носителе королевской власти². Более того, деятельный принц затеял через посредство ближайших своих соратников — Ганса Уильяма барона Бентинка (*Hans William baron Bentinck*, 1649—1709) и Гаспара Фагеля — целую интригу с целью самому единолично взгромоздиться на королевский трон. В беседах с членами Конвента о судьбе английского королевского трона Фагель не скрывал нежелания Вильгельма делить его со своей супругой. «Принц не хотел бы становиться при сво-

¹ Bishop Burnet's History of His Own Time. Vol. 3. P. 1408—1409.

² См.: *Dalrymple J.* Memoirs of Great Britain and Ireland; from dissolution of the last Parliament of Charles II till the capture of the French and Spanish Fleets at Vigo. A new edition in three volumes. Edinburgh, 1790. Vol. 2. P. 282.

ей жене джентльменом консьержем (*gentleman usher*)¹, — с уверенностью заявлял он. И только столкнувшись с открытым неприятием со стороны различных политических группировок английского общества идеи передачи королевской власти в руки его одного, принц Оранжский отказался от попыток продать ее через Конвент².

Именно вмешательство штатхаудера Нидерландов заставило Палату общин изъять из подготовленного ею списка принципов и мер, необходимых для обеспечения протестантской религии, законов и свобод, все то, что предполагало принятие новых законов, а по существу проведение в Англии конституционной реформы, усиливавшей роль парламента и еще больше ограничивающей власть короля. Вместе с тем данное вмешательство предопределило и судьбу королевского трона. Принятое Палатой общин 8/18 февраля решение о порядке его замещения в полной мере соответствовало тому, каким хотел видеть этот порядок Вильгельм, принц Оранжский. Текст данного решения был включен в третий проект принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод, после слов: *«и они утверждают, требуют и настаивают на всех и отдельных пунктах как на своих несомненных правах и свободах; и что никакие декларации, приговоры, поступки или действия в ущерб народу в каком-либо из указанных пунктов не должны каким-либо образом вылиться в будущем в последствие или пример»*. В результате документ получил следующее заключение:

«К такому требованию своих прав их в особенности побуждает Декларация его высочества принца Оранжского, поскольку это требование является единственным средством для достижения полного

¹ *Dalrymple J. Memoirs of Great Britain and Ireland; from dissolution of the last Parliament of Charles II till the capture of the French and Spanish Fleets at Vigo. A new edition in three volumes. Edinburgh, 1790. Vol. 2. P. 282.*

² Любопытно, что, став английским королем под именем Уильяма III, принц Оранжский не скрывал, что его супруга Мэри вполне способна самостоятельно управлять государством. Более того, однажды (в разговоре с маркизом Галифаксом в июне 1689 г.) он проговорился, что, если ему придется покинуть Англию, «королева будет управлять лучше» (*«The K[ing] said, if hee left us, the Queen would governe us better»*). См.: *Memorandums of Conversations that pass'd between King William and George Marquis of Halifax, who was made Lord Privy Seal, by King William at the Revolution // Foxcroft H. C. The Life and Letters of the sir George Savile, bart. First marquis of Halifax. In two volumes. Vol. 2. London, New York and Bombay, 1898. P. 222.*

исправления и устранения означенных в ней зол. Имея поэтому полную уверенность, что его высочество принц Оранжский довершит освобождение, так далеко уже продвинутое им; и все же защитит их от нарушения их прав, которые они здесь декларировали, и от всех других посягательств на их религию, законы и свободы; указанные общины, собравшиеся в Уэстминстере, постановляют, что принц и принцесса Оранжские являются и объявляются королем и королевой Англии, Франции и Ирландии и владений, им принадлежащих; так чтобы корона и королевское достоинство названных королевств и владений принадлежала им, указанным принцу и принцессе, в течение их жизней и жизни того из них, кто переживет другого; и чтобы управление правительством пребывало бы только в упомянутом принце Оранжском и осуществлялось им от имени упомянутых принца и принцессы, в течение их совместной жизни; а после их кончины указанная корона и королевское достоинство названных королевств и владений должны перейти к наследникам по прямой линии указанной принцессы; а при отсутствии такого потомства, к принцессе Анне Датской и ее прямым наследникам; а при отсутствии такого потомства, к прямым наследникам указанного принца Оранжского: и соответственно они просят указанных принца и принцессу Оранжских принять это. И что присяга, упомянутая здесь, должна приноситься всеми лицами, от которых могла потребоваться по закону присяга на верность и верховенство, вместо нее: и что указанная присяга на верность и верховенство может быть отменена»¹.

¹ «To which Demand of their Rights, they are particularly invited by the Declaration of his Highness the Prince of Orange, as being the only Means for obtaining a full Redress and Remedy therein. Having therefore an intire Confidence that his Highness the Prince of Orange will perfect the Deliverance, so far advanced by him; and will still preserve them from the Violation of their Rights, which they have here asserted, and from all other Attempts upon their Religion, Laws, and Liberties; the said Commons, assembled at Westminster, do resolve, That the Prince and Princess of Orange be, and be declared, King and Queen of England, France, and Ireland, and the Dominions thereunto belonging; to hold the Crown and Royal Dignity of the said Kingdoms and Dominions to them, the said Prince and Princess, during their Lives, and the Life of the Survivor of them; and that the Administration of the Government be only in, and exercised by, the said Prince of Orange, in the Name of the said Prince and Princess, during their joint Lives: And, after their Deceases, the said Crown and Royal Dignity of the said Kingdoms and Dominions to be, to the Heirs of the Body of the said Princess; and, for Default of such Issue, to the Princess Ann of Denmarke, and the Heirs of her Body; and, for Default of such issues to the Heirs of the Body of the said Prince of Orange: And they

При обсуждении в Конвенте вопроса о присяге подданных на верность новым королю и королеве лорды и представители общин сошлись во мнении о том, что прежний ее вариант не подходит для принца и принцессы Оранжских: в отличие от предшествовавших королей они всходили на английский престол не в порядке законного наследования короны, а в результате признания их королем и королевой собранием людей, которые хотя и являлись парламентариями, но парламент составить не могли, так как созваны были не законным королем, а главой иностранного государства, прибывшим в Англию с иностранными войсками, то есть, по существу, — новым Вильгельмом-завоевателем. Поэтому было решено изъять из текста присяги новому королю и королеве слова «*lawful and rightful King of this Realme*»: Вильгельм и Мэри не могли называться «законными и полноправными» королем и королевой.

В связи с этим возникал естественный вопрос: на каком же тогда основании английские подданные должны были приносить им присягу на верность? Правоведы отвечали, что присяга могла приноситься Вильгельму и Мэри Оранжским как королю и королеве *de facto*. При этом они ссылались на норму *common law*, выраженную в статуте 1495 года, известном как «Акт, по которому никакое лицо, идущее с королем на войну, не будет обвинено в измене (*An Acte¹ that noe pson going wth the Kinge to the Warres shalbe attaint of treason*)». Согласно этому закону подданный, приносивший присягу любому, кто объявлял себя королем, и участвовавший в войне на стороне короля *de facto*, освобождался от ответственности за государственную измену перед другим королем, даже если последний был королем *de jure*².

Текст принятой Конвентом присяги на верность новым королю и королеве был следующим:

«Я, А. Б., чистосердечно обещаю и клянусь, что буду верным и пребывать в истинной преданности к их Величествам королю Уильяму и королеве Мэри. Да поможет мне в этом Бог.

do pray the said Prince and Princess of Orange to accept the same, accordingly And that the Oaths hereafter mentioned be taken by all Persons, of whom the Oaths of Allegiance and Supremacy might be required by Law, instead of them: And that the said Oaths of Allegiance and Supremacy may be abrogated» (The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 23–24).

¹ Я сохраняю правописание оригинального текста данного акта.

² The Statutes: Revised edition. London, 1870. Vol. 1. P. 363–364.

Я, А. Б., клянусь, что ненавижу своим сердцем, проклинаю и отвергаю, как нечестивое и еретическое, то отвратительное учение и положение, что монархи, отлученные от церкви и осужденные попом или какой-нибудь властью римского престола, могут быть свергнуты или убиты своими подданными, или подвергнуты чему-либо другому: и я объявляю, что никакие иностранные монарх, особа, прелат, государство или властелин не имеют или не должны иметь какой-либо юрисдикции, полномочий, верховенства или власти церковной или духовной в пределах этого королевства. Да поможет мне в этом Бог»¹.

Епископ Бёнет писал о смысле нового варианта присяги, принятого Конвентом: «Истинное значение слов и очевидный смысл присяги были в том, чтобы люди, удовлетворенные или нет вступлением короля и королевы на трон, чувствовали бы верность к ним и защищали бы их. Однако, смысл того, что многие принимали на себя, заключался в том, что они обязывались повиноваться им только как узурпаторам, во время продолжения узурпации, и поэтому до тех пор, пока король и королева будут владеть троном спокойно, они будут обязаны терпеть их и подчиняться им. Но для них все еще оставалось законным поддерживать и короля Джеймса, если он предпримет какие-то шаги для возвращения своей короны, и они имели возможность делать и говорить все, что могли и на что осмелились бы, в его пользу как лицо, которое все еще является их королем *de jure*»².

§ 6. Принятие Декларации о правах. Провозглашение принца и принцессы Оранжских королем и королевой Англии

Одобренный Палатой общин 8/18 февраля проект принципов и мер, необходимых для лучшего обеспечения протестантской религии, законов и свобод, на следующий день был рассмотрен в верх-

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 24; The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 126.

² Bishop Burnet's History of His Own Time. Vol. 3. P. 1414—1415.

ней палате Конвента. Лорды внесли в него некоторые поправки — в основном редакционного характера.

Например, в перечне прегрешений короля Джеймса II к фразе «посредством формирования и содержания постоянной армии в пределах королевства, в мирное время, без согласия парламента» они добавили слова «и размещая солдат на постой противно закону»¹.

Целый ряд исправлений формального характера был внесен в текст постановления об объявлении принца и принцессы Оранжевых королем и королевой. Вместо фразы «указанные общины» было начертано «указанные лорды духовные и светские и общины». Перед словами «принц и принцесса Оранжевые» были вставлены их имена — «Уильям и Мэри». В строке «чтобы управление правительством пребывало бы только в упомянутом принце Оранжевом» слова «управление правительством» были заменены на «исключительное и полное осуществление королевской власти»².

В течение 10/20 и 11/21 февраля все содержание документа было согласовано между лордами и общинами. В процессе разработки и обсуждения этого документа в комитетах и палатах Конвента его обозначали по-разному: то как «heads» (принципы, руководящие положения), то как «petition» (петиция) или «address» (адрес), иногда как «declaration» (декларация). При публикации же ему было дано наименование «The agreement of the House of Lords, during this session, with the concurrence of the House of Commons, to this present eleventh of February, in the great affairs of these nations (Соглашение Палаты лордов, во время этой сессии, согласованное с Палатой общин, к одиннадцатому февраля текущего года, в великих делах этих наций)»³.

Протокол заседания Палаты общин, состоявшегося 11/21 февраля, показывает, что в указанный день еще не было принято какого-либо одного его официального наименования. Джон Сомерс называл его в своем выступлении «paper of heads» (документом принципов) или «declaration» (декларацией)⁴.

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 122.

² Ibidem.

³ См. об этом: *Schwoerer L. G.* Press and Parliament in the Revolution of 1689 // *The Historical Journal.* 1977. Vol. 20. № 3. P. 555.

⁴ «Mr. Somers reports from the Conference with the Lords, That the Lord *Falconberg* managed the Conference for the Lords; and delivered back the Paper of Heads, or

12/22 февраля 1688/1689 года обе Палаты Конвента приняли окончательный вариант рассматриваемого документа. При этом он получил и окончательное название. В протоколах состоявшихся в указанный день заседаний Палаты лордов и Палаты общин его текст был озаглавлен как «The Declaration of the Lords Spiritual and Temporal, and Commons, assembled at Westminster (Декларация лордов духовных и светских и общин, собравшихся в Уэстминстере)»¹.

Название этого документа «Декларацией о правах» является неофициальным, но оно довольно точно обозначает как цель, которую ставили перед собой его авторы, так и его основное содержание. Декларация лордов и общин, принятая накануне официальной церемонии восшествия принца и принцессы Оранжских на английский королевский трон, была призвана декларировать и утвердить права парламента и английских подданных. Об этом недвусмысленно говорилось в самом ее тексте. При этом подчеркивалось, что лорды и общины настаивают на соблюдении всех пунктов декларации «как на своих несомненных правах и свободах»².

Опираясь на эту декларацию, Конвент издал 12/22 февраля «Прокламацию о провозглашении принца и принцессы Оранжских королем и королевой». В ней утверждалось, что «лорды духовные и светские, вместе с лордом мэром и горожанами Лондона и других общин этого королевства обнаружат и провозглашают, согласно указанной Декларации, Уильяма и Мэри, принца и принцессу Оранжских королем и королевой Англии, Франции и Ирландии со всеми принадлежащими им владениями и территориями»³.

Обстоятельства, при которых создавалась Декларация о правах, исключали возможность предъявления ее принцу Оранжскому в качестве условия (кондиций) его восшествия на престол. Штадхаудер Нидерландов стал фактическим верховным властителем Англии еще

Declaration, delivered to their Lordships at the last Conference» (The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 25).

¹ См.: The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 125–126; The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 28–29.

² «And they do claim, demand, and insist upon, all and singular the Premises, as their undoubted Rights and Liberties» (The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 126; The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 29).

³ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 126–127; The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 28.

до созыва Конвента. Его власть не имела опоры в английском праве, но мощь нидерландских войск вполне компенсировала этот ее недостаток и давала ему возможность действовать, не принимая во внимание норм английской конституции, но руководствуясь исключительно собственными интересами.

Следует признать, что традиционная, формировавшаяся в течение многих веков юридическая конструкция государственного строя Англии была настолько хаотичной и противоречивой, что позволяла найти юридическое обоснование для самых разных вариантов королевской власти — как для наследственной, так и для избирательной. Более того, в политической истории Англии было несколько случаев, когда королями становились представители аристократии, не имевшие наследственных прав на королевский престол, но захватившие его с помощью военной силы. Самый яркий пример — восшествие на трон в 1399 году Генриха IV. В традиционной английской конституции находилось поэтому место не только институту королевской власти *de jure*, то есть законному королю, но и королевской власти *de facto* — королю по праву завоевания. Существование в юридической конструкции государственного строя Англии наряду с традицией законности, вытекающей из права, *традиции «законности», опирающейся на силу*, облегчало для штатхаудера Нидерландов решение задачи утверждения на английском королевском троне.

Для этого ему вполне достаточно было двух документов: 1) *резолуции* лордов и общин о том, что Джеймс II отрекся от королевской власти и английский королевский трон стал свободным; 2) *прокламации* Конвента, провозглашавшей принца и принцессу Оранжских королем и королевой Англии. Декларация же, принятая лордами и общинами 12/22 февраля 1688/1689 года, выражала политические воззрения и позицию тех группировок английского общества, которые намеревались править страной совместно с Вильгельмом Оранжским. *Сам принц в таком документе совершенно не нуждался*. Полный же его вариант, включавший в себя программу конституционной реформы, направленной на ограничение единоличной королевской власти и усиление роли парламента, и вовсе противоречил главной цели, к которой он стремился, затеявая военную экспедицию в Англию, а именно: к захвату всех ресурсов данной страны в свое безраздельное распоряжение.

Тем не менее, принц Оранжский согласился на представление ему и его супруге во время торжественной церемонии вступления на

королевский трон Декларации лордов и общин. Если это согласие и было его уступкой тем политическим группировкам, которые поддержали проведенную им операцию по захвату Англии, то весьма незначительной: декларация о правах, принятая английским Конвентом, созданным нидерландским штадхаудером, никаких правовых обязанностей на нового короля Англии не возлагала.

Члены Конвента желали придать своей декларации характер закона. Так, они приняли постановление о том, чтобы ее текст был начертан на пергаменте, закатан в свиток, зарегистрирован в королевской канцелярии и помещен среди парламентских актов. Но Конвент не имел статуса парламента, и его декларация не могла стать законом.

Некоторое политическое значение этому документу было придано тем фактом, что его текст был зачитан принцу и принцессе Оранжем до принятия ими короны и до того, как главный королевский герольд огласил содержание прокламации Конвента, провозглашавшей их королем и королевой Англии. Немаловажным фактом был и ответ Вильгельма Оранжевого на зачитанную ему Декларацию.

О том, как проходила церемония вступления Уильяма и Марии на английский королевский престол, можно узнать из мемуаров и записок лиц, присутствовавших на ней, а также из сообщения, записанного в Журнале Палаты общин.

Парламентарий Нарцисс Латтрелл (*Narcissus Luttrell*, 1657–1732) оставил в своем дневнике такую заметку об этом событии: «13-го [февраля] лорды и общины, собравшиеся в Уэстминстере, пришли обеими палатами в Банкетный зал в Уайтхолле и там предстали перед принцем и принцессой Оранжевыми с декларацией о согласии на провозглашение их королем и королевой и, в свою очередь, получили от них согласие на это, после чего герольды вместе с лордами и общинами пошли немедленно к воротам Уайтхола и провозгласили их величествами, потом сделали это между воротами двух церковных храмов, затем в Чипсайде и у королевской биржи. Ночь завершилась фейерверком, звоном колоколов и громкими радостными криками»¹.

¹ *Luttrell N.* A brief historical relation of state affaires from september 1678 to april 1714. Oxford, 1857. Vol. 1. P. 501.

В Журнал Палаты общин под датой 13 февраля 1688 года была внесена следующая запись: «Около десяти часов господин спикер с жезлом и следующей за ним в полном составе Палатой общин, отправился в своей карете в Уайтхолл: там достопочтенный маркиз *Халлифакс*, спикер Палаты лордов, с Палатой лордов, разместившейся на правой стороне от двери, в Банкетном зале; и достопочтенный *Генри Паул*, эсквайр, спикер Палаты общин, с общинами на левой стороне от двери указанного Банкетного зала, ожидали прихода принца и принцессы *Оранжевых*: которые немедленно после этого, войдя в Банкетный зал через верхнюю его часть, подошли и встали на ступень под государственным балдахинном, где и остались стоять; спикеры обеих палат вместе с сопровождавшими их лордами и общинами были побуждены герольдмейстером Палаты лордов сделать три почтительных поклона, один — к нижнему концу комнаты, другой — к середине и один — к ступени, на которой стояли их Высочества. И потом спикер Палаты лордов ознакомил их высочества с той Декларацией, которую обе палаты согласились представить их высочествам и которую он пожелал зачитать, на что и получил разрешение от их высочеств; клерк Палаты лордов, по приказу этой Палаты, зачитал Декларацию их высочествам: по окончании чего его высочество произнес короткую речь, от своего имени и от имени принцессы, своей супруги: в которой он объявил о том, что они принимают корону. После чего присутствовавшие там лорды и общины около одиннадцати часов предполудня пошли к воротам Уайтхолла; где были наготове герольды и другие лица, обыкновенно участвующие в торжествах этого рода; главный королевский герольд Гартер, получив прокламацию, провозглашавшую принца и принцессу *Оранжевых* королем и королевой, зачитал ее в присутствии указанных лордов и общин и там собралось множество народа»¹.

¹ About Ten of the Clock Mr. Speaker, attended with the Mace, and the House of Commons following him in a Body, went in their Coaches to *Whitehall*: Where the Right honourable the Marquis of *Hallifax*, Speaker of the House of Lords, with the House of Lords, being placed on the Right Side of the Door, within the Banqueting House; and the Right Honourable *Henry Powle*, Esquire, Speaker of the House of Commons, with the Commons on the Left Side of the Door of the said Banqueting House, waited the coming of the Prince and Princess of *Orange*: Who, immediately after, entering in at the upper End of the Banqueting House, came and stood upon the Step under the Canopy of State: Where being placed; the Speakers of both Houses, together with the Lords and Commons that accompanied them, were brought up by the Gentleman Usher of the

14/24 февраля 1688/1689 года — на следующий день после торжественной церемонии вступления принца и принцессы Оранжевых на королевский трон — спикер Палаты общин поставил депутатов в известность, что он обратился к королю Уильяму с просьбой представить общинам «в письменном виде то, что было сказано вчера его величеством после представления ему и королеве декларации обеих палат»¹.

15/25 февраля 1688/1689 года на заседаниях Палаты лордов и Палаты общин спикеры сообщили парламентариям, что его величество сказал в ответ на зачитанную ему Декларацию приблизительно следующее: «Это определенно величайшее доказательство того доверия, которое вы к Нам питаете и какое только может быть дано; это — то, что заставляет Нас ценить его в большей степени, и Мы с благодарностью принимаем предложенное вами. И так как Я не имел никакой другой цели в своем прибытии сюда, кроме сохранения вашей религии, законов и свобод, то вы можете быть уверены, что Я буду стремиться поддерживать их; и Я буду охотно соглашаться на любое дело, которое будет служить благу королевства; и буду делать все, что в Моей власти, для увеличения благосостояния и славы нации»².

Black Rod making three Obeisances, One at the lower End of the Room, One in the Middle, and One at the Step where their Highnesses stood. And then the Speaker of the House of Lords acquainted their Highnesses, That both Houses had agreed upon a Declaration to be presented to their Highnesses; which he desired might be read: Which being granted by their Highnesses; the Clerk of the House of Lords, by Order of that House, read the Declaration to their Highnesses: Which being ended, his Highness made a short Speech, in the Name of Himself, and of the Princess his Consort: wherein he declared their Acceptance of the Crown. Upon which, the Lords and Commons, there present, about Eleven of the Clock in the Forenoon, came down to *Whitehall Gate*; where the Officers of Arms, and other Persons, usually concerned in Solemnities of that Nature, being ready, Garter Principal King of Arms, having received a Proclamation for proclaiming the Prince and Princess of *Orange* King and Queen, read the same in the Presence of the said Lords and Commons, and Multitudes of the People there assembled» (The Journal of the House of Commons. Vol. 10. P. 29).

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 30.

² «THIS is certainly the greatest Proof of the Trust you have in Us that can be given; which is the Thing that maketh Us value it the more, and we thankfully accept what you have offered to Us. And, as I had no other Intention in coming hither, than to preserve your Religion, Laws, and Liberties, so you may be sure, that I shall endeavour to support them; and shall be willing to concur in any thing that shall be for the Good of the Kingdom; and to do all that is in My Power to advance the Welfare and Glory of the Nation» (The

§ 6. Принятие Декларации о правах

Из этих слов видно, что принц Оранжский воспринимал Декларацию в качестве всего лишь формы, в которой делалось ему и его супруге предложение принять на себя английскую корону. Именно на это предложение он и отвечал, выражая благодарность собравшимся в Банкетном зале 13/23 февраля 1688/1689 года членам революционного Конвента. Данный ответ только подтверждал его отношение к Декларации как к документу, не имеющему юридической силы и ни к чему его не обязывавшему. Политическим группировкам, возлагавшим на эту Декларацию большие надежды, не оставалось ничего другого, как добиваться придания ей статуса закона. Стремление английских парламентариев достичь этой цели приведет, в конце концов, к появлению Билля о правах — статута конституционного значения. В него войдет в качестве неотъемлемой составной части текст Декларации о правах, принятой Конвентом 12/22 февраля 1688/1689 года.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Билль о правах 1689 года и его конституционное значение

§ 1. История создания и принятия Билля о правах

Став королем Англии под именем Уильяма III, Вильгельм, принц Оранжский достиг основной цели своей военной экспедиции в Британию. Он получил власть в стране, которая, хотя и не относилась к самым могущественным державам, являлась страной весьма значимой в Европе. В тот момент в разгаре была война между Францией и государствами, составившими Аугсбургскую лигу: Нидерландами, Священной Римской империей, Испанией, Швецией, Саксонией, Баварией. Она вспыхнула в сентябре 1688 года из-за стремления французского короля взять под свой контроль маркграфство Пфальц. Исход этого противоборства во многом зависел от того, на чьей стороне окажется Англия¹. Захват английского королевского трона нидерландским штатхаудером серьезно усиливал его позиции в войне с Людовиком XIV. Английское королевство могло выставить на театр боевых действий армию численностью до 90 000 воинов и вдобавок к этому существенно усилить своим флотом нидерландские военно-морские силы. Однако для содержания такого количества войск и снаряжения флота необходимы были большие деньги. Стремление

¹ Член Палаты общин сэръ Джон Лоутер (*Sir John Lowther*) в своей речи перед депутатами 27 февраля / 9 марта 1688/1689 г. рисовал следующую картину войны, разворачивавшейся в то время в Европе: «Штаты Голландии ведут в настоящее время боевые действия против могущественной Французской державы... Король Франции имеет армию в 200 000 человек, имеет много снаряженных кораблей, готовится оказать содействие королю Джеймсу в Ирландии и имеет огромную переписку с Шотландией... У французского короля на марше во Фландрию 80 000 человек, с планом вторгнуться в Голландию. Я не знаю, что может оказать ему сопротивление, если это маленькое государство не будет в состоянии, с Божьей милостью, сопротивляться» (*The Parliamentary History of England, from the earliest Period to the Year 1803. Vol. 5. A.D. 1688–1702. London, 1809. Col. 146.*)

Уильяма III получить финансовые средства для ведения войны насколько возможно быстрее привело его к первому столкновению с теми английскими политическими группировками, в союзе с которыми ему удалось изгнать с трона Джеймса II.

18/28 февраля 1688/1689 года новый король Англии выступил перед лордами и общинами со следующей речью:

«Мои лорды и джентльмены, Я сказал недавно, как чувствителен к вашей доброжелательности и как сильно ценю доверие, которое вы ко мне питаете. И я пришел сюда, чтобы уверить вас, что никогда не сделаю того, что может умалить ваше доброе мнение обо мне. Я считаю необходимым сообщать вам, что состояние наших союзников за рубежом и особенно Голландии является таковым, что если о них не будет в скором времени проявлена забота, то они столкнутся с такими огромными трудностями, которые вы не можете и представить себе. Вы сами должны ощущать, что положение дел здесь требует серьезного с вашей стороны рассмотрения и что доброе устройство дома необходимо не только для вашего собственного мира, но и для поддержки протестантского интереса как здесь, так и за границей»¹.

Смысл этой речи был очевиден: Англия превращалась королевством-штабхаудером в инструмент нидерландской внешней политики. Причем выступить в данной роли она должна была без промедления. Между тем во вопросу о налогах решение не могло быть принято быстро, поскольку для этого требовалось в первую очередь созвать парламент, то есть объявить выборы в Палату общин и после их проведения призвать парламентариев на заседание в Уэстминстер. На встрече с лордами, назначенными им в состав Тайного совета, Уильям III предложил рассмотреть вопрос о том, «может ли Конвент быть превращен на законных основаниях в парламент?»².

В тот же день на заседании Палаты лордов был рассмотрен в первом и во втором чтениях «Акт об устранении и предотвращении всех вопросов и сомнений, касающихся созыва и заседания этого настоя-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 128.

² The History and Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the present time. Containing the most remarkable motions, speeches, resolves, reports and conferences to be met in that interval. London, 1742. Vol. 2. P. 276–277.

шего парламента»¹. На следующий день он прошел здесь третье чтение, был одобрен и передан на рассмотрение общинам².

В Палате общин данный билль также получил поддержку. Представитель общин Томас Медликотт (*Thomas Medicott*) сказал, например, в своем выступлении в Палате: «Чтобы подготовиться против какого-либо иностранного вторжения или справиться с неурядицами у себя в стране, необходимо собрать деньги, что должно быть сделано парламентским способом, и если мы решим созвать новый парламент, будет слишком поздно; поэтому я предлагаю обратить этот Конвент в парламент»³. Мнение Медликотта поддержал Роберт Сойер. «Мы должны обсудить королевскую речь и т. д. о быстром устройстве нации, — заметил он, — и единственным способом достичь этого является свободный парламент»⁴.

23 февраля на совместном заседании лордов и представителей общин акт о придании Конвенту статуса парламента был представлен Уильяму III. «*Le Roy et la Reyne le veulent* (король и королева одобряют это)»⁵, — сообщил присутствующим парламентский клерк.

Основной текст «Акта об устранении и предотвращении всех вопросов и сомнений, касающихся созыва и заседания этого настоящего парламента» гласил: «Для предотвращения всех сомнений и колебаний, которые могут в каком-либо случае возникнуть касательно созыва, заседания и процедуры этого настоящего парламента; объявляется и постановляется их наипревосходнейшими королевскими величествами, с помощью и с согласия и совета лордов духовных и светских и общин, собравшихся в настоящее время и их властью:

II. Что лорды духовные и светские, и общины, собравшиеся в Уэстминстере, в двадцать второй день января, в год нашего Господа одна тысяча шестьсот восемьдесят восьмой, и заседавшие затем до тринадцатого дня февраля, являются двумя палатами парламента и такими будут, и сим объявляется, постановляется и присуждается, что и должны быть для всех каких-либо намерений, объяснений

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 128–129.

² Ibid. P. 129.

³ The Parliamentary History of England, from the earliest Period to the Year 1803. London, 1809. Vol. 5. Col. 119.

⁴ Ibidem.

⁵ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 132.

и целей, несмотря на нужду в приказе или в приказах о созывах, или какой-нибудь иной дефект формы или недостаток чего-либо, как если бы они были созданы в соответствие с обычной формой: и что этот настоящий акт и все другие акты, на которые королевское согласие будет дано до следующего перерыва в работе парламента после указанного тринадцатого февраля, следует понимать, принимать и оценивать с точки зрения права исходящим и начинающим действовать с указанного тринадцатого февраля, со дня, когда их величества, по просьбе и по совету лордов и общин, приняли корону и королевское достоинство короля и королевы Англии, Франции и Ирландии и владений и территорий, им принадлежащих»¹.

Появление парламента давало возможность политическим группировкам, инициировавшим принятие Конвентом Декларации о правах, поставить вопрос о придании этому документу статуса закона. Конечно, своим содержанием он был направлен против Джеймса II, но, обвиняя бывшего короля в нарушении английских фундаментальных законов, творцы указанной Декларации тем самым выстраивали систему ограничений и для власти нового короля. Джон Бёч говорил депутатам Палаты общин 26 февраля / 8 марта 1688/1689 года: «Если король Уильям будет нарушать законы, основы и свободы, я не сомневаюсь, что вы поступите с ним так же, как поступили с королем Джеймсом»².

Уильям III был правителем иностранного государства и в традиционной конституции Английского государства разбирался слабо. Это обстоятельство заставляло парламентариев думать не только о повторении в новом фундаментальном законе — Декларации о правах, принятой Конвентом 12/22 февраля 1688/1689 года, но и о закреплении в нем новых идей организации и деятельности верховной государственной власти. Они долго жили в глубинах правосознания английского общества, в результате же «славной революции» выплыли на поверхность и становились все более популярными среди политиков. Одной из главных среди них была идея первоначаль-

¹ An Act for removing and preventing all questions and disputes concerning the assembling and sitting of this present parliament // The Statutes at Large from the First Year of K[ing] William and Q[ueen] Mary to the Eighth Year of K[ing] William III. Vol. 9. Cambridge, 1764. P. 1.

² The Parliamentary History of England, from the earliest Period to the Year 1803. Vol. 5. Col. 144.

ного договора между верховным властителем и народом. Она влекла за собой пересмотр правовых принципов, регулировавших взаимоотношения короля и парламента, определявших характер и содержание королевских прерогатив и парламентских привилегий. Одновременно подвергались переосмыслению статус короля и роль королевской власти в обществе.

Прежде чем войти в фундаментальный закон, новые конституционные принципы должны были утвердиться в сознании парламентариев. Этому в огромной степени способствовали дискуссии о налогах, проходившие в парламенте после восшествия принца и процессы Оранжевых на английский королевский престол.

Получив статус парламента, лорды и представители общин могли на законных основаниях обсуждать и принимать различные законопроекты, а также решения о сборе налогов. При первом же обсуждении темы налогов — 26 и 27 февраля — депутаты столкнулись с необходимостью определить, в чью пользу они собираются — *короля как физического лица* или *короля как политического института*. Данный вопрос возник потому, что парламента в свое время предоставил бывшему королю право собирать налоги «на время его жизни». Признание же Джеймса II отрекшимся от престола не означало, что он перестал быть физическим лицом.

В результате складывалась весьма странная ситуация: с одной стороны, формула «на время его жизни» явно указывала на то, что право собирать налоги парламента предоставил Джеймсу II как физическому лицу; с другой стороны, он не мог собирать налоги, поскольку перестал быть королем. Если же налоги привязывались к короне, то для того, чтобы новый король собирал их, согласия парламента не требовалось: оно уже было дано в начале правления Джеймса II. Для выхода из этой путаницы парламентариям надобно было осмыслить двоякую сущность королевской власти и природу налога.

Правоведы, к которым представители общин обратились за консультацией по вопросу о том, распространяется ли на нового короля решение парламента о предоставлении права собирать налоги прежнему королю, дали следующий ответ: «Налоги продолжают существовать, и применимы к королю Уильяму, но вы должны объявить их принадлежащими королю Уильяму парламентским актом; если

же вы сделаете это одной резолюцией, такое не будет в достаточной степени удовлетворительным»¹.

Содержание выступлений депутатов по этой теме показало, что большинство из них считало более логичным принадлежность налогов не физической персоне короля, но его должности — короне. Исходя именно из такого взгляда на налоги, член Палаты общин Джон Гау (*John Howe*, 1657–1622) заявил, что, отрекшись от короны, «король Джеймс отрекся от налогов; более того, он отказался от них в чью-то пользу», и что лорды и общины могут предоставить их в качестве дара королю Уильяму и «они имеют право предложить ему этот налог в качестве дара»².

Решительным сторонником подобного понимания сущности налога проявил себя Роберт Говард. «Вы сказали, — обратился он к депутатам, — что король Джеймс отрекся от правления и что вы распоряжаетесь короной; я не могу понять, как он отрекся от короны, не отрекаясь от налога... Если вы не в состоянии распоряжаться налогом, то как сумели вы взять в свои руки распоряжение короной? Я считаю и то и другое неразделимым. Предположите, что он оставил свою корону, удалившись в монастырь, и оказавшись неспособным править, а налог предоставлен ему пожизненно, разве в этом случае он не является частным человеком? Он больше не король. По моему мнению, налог короны проистекает от народа и нации; если вы распоряжаетесь одним, вы можете распоряжаться и другим. И вы можете показать, как будете этим распоряжаться посредством акта парламента»³.

Обменявшись мнениями относительно природы налогов, депутаты поручили 27 февраля / 10 марта Роберту Говарду представить Палате общин сведения о ежегодных суммах важнейших налогов и постановили продолжить в дальнейшем обсуждение вопроса о наиболее оптимальном порядке налогообложения английских подданных в пользу короля и королевы⁴.

28 февраля / 11 марта Палата общин приняла решение о подготовке билля о предоставлении помощи его величеству. На следую-

¹ The Parliamentary History of England, from the earliest Period to the Year 1803. Vol. 5. P. 143.

² Ibid. P. 142.

³ Ibid. P. 144–145.

⁴ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 36.

ший день его текст был рассмотрен Палатой в первом чтении¹. Одновременно депутаты ознакомились с представленной Робертом Говардом таблицей ежегодных налоговых выплат королю, начиная с 1685 года².

4/14 марта билль о предоставлении помощи его величеству был рассмотрен общинами во втором чтении. Прежде чем предлагать его к последнему, третьему чтению, депутаты решили еще раз обсудить данный законопроект в рамках комитета всей Палаты³. Было очевидно, что общины сознательно затягивают процедуру принятия окончательного решения о выделении королю Уильяму III финансовых средств.

Разгадку такого поведения нижней палаты английского парламента дает резолюция, принятая общинами 5/15 марта 1688/1689 года. В ней говорилось о необходимости подготовить билль, придающий силу закона «некоторым статьям, содержащимся в Декларации обеих Палат, одобренных в двенадцатый день последнего февраля и представленный его в настоящее время величеству в тринадцатый день того же февраля; а также для устройства короны и предотвращения наследования короны этого королевства каким-либо папистом»⁴. Данная резолюция запустила процесс разработки документа, который впоследствии получит название Билля о правах. Поручение на чертать его текст, «со всей подходящей быстротой», было возложено Палатой общин на комиссию в составе Генри Полликсфена, Дэниэля Финча, Жилия Айра (*Eyre Giles*, 1635–1695), Джона Холта, Уильяма Уильямса, Георга Треби, Уильяма Эттрика (*William Ettrick*, 1651–1716), Джона Сомерса, Эдуарда Уиндхэма (*Edward Windham*), Рейтона Вентриса (*Reyton Ventris*, 1645–1691), Жильберта Долбена (*Gilbert Dolben*, 1658–1722).

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 39.

² Ibid. P. 37–38.

³ Ibid. P. 41.

⁴ Оригинальный текст этой резолюции был следующим: «Resolved, That a Bill be prepared, for enacting the several Articles, contained in the Declaration of both Houses, agreed upon the Twelfth Day of February last, and presented to his now Majesty the Thirteenth Day of the same February; and for settling the Crown, and preventing any Papist to succeed to the Crown of this Kingdom» (The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 42).

В тот же день лорды и общины обратились к Уильяму III с адресом, в котором заявили, что готовы всячески содействовать его величеству «в поддержке его заграничных союзников, в восстановлении Ирландии и в защите протестантской религии и законов королевства»¹.

8/18 марта в обеих палатах был зачитан ответ короля на адрес. «Заверяю вас, — говорилось в нем, — что я никогда не злоупотреблю доверием, возложенным вами на Меня, будучи полностью убежденным, что не бывает прочного основания доброго согласия между королем и его народом, кроме взаимного доверия; когда оно хоть однажды нарушается, правительство наполовину уничтожается. Моей главной заботой будет поэтому никогда не давать какому-либо парламенту повода для недоверия Мне; и лучший метод, который я могу для этой цели применить, это никогда не ожидать от них того, что не будет удовлетворять их собственному интересу»².

Заявляя парламентариям, что взаимное доверие между королем и народом есть единственное прочное основание доброго согласия между ними, Уильям III выражал, сознательно или неосознанно, отрицательное отношение к стремлению представителей общин закрепить в законе права и свободы подданных, принципы взаимоотношений короля и парламента, которое проявилось в принятии ими тремя днями ранее решения о подготовке билля о правах.

Далее в послании короля парламентариям утверждалось, что предпринятые им усилия по сохранению их религии, законов и свобод выражают как его желание, так и долг действовать в этом направлении. В подтексте этих фраз также читалась мысль об отсутствии какой-либо необходимости закреплять в законе принципы, защищающие протестантское вероисповедание и обеспечивающие соблюдение прав и свобод английских подданных. Вместе с тем данными фразами Уильям III подводил парламентариев к мысли о том, чтобы ускорить предоставление ему денежных средств. «В последнем разговоре с вами, — писал король, — Я говорил вам о необходимости оказания помощи нашим союзникам и особенно штатам Голландии, чья готовность освободить вас, с таким огромным риском и материальными затратами для себя, от чрезвычайных опасностей, навалив-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 139.

² Ibid. P. 143; The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 44.

шихся на вас, не нуждается в аргументах, чтобы побудить вас к ее рассмотрению. Так как Я был тогда свидетелем их рвения и страсти поддержать экспедицию, а вторую Мою попытку — даже с пренебрежением к своей собственной безопасности, то в настоящее время Я вполне осознаю неизбежность крушения, которое они навлекут на себя, предоставив вам помощь, если вы не возвратите ее. Они в действительности истощили себя до такой степени, как в людях, так и в деньгах, что это нелегко вообразить»¹.

Описывая парламенту трудности, с которыми столкнулась Голландия, пребывая в состоянии войны со своими врагами, Уильям III старался внушить им, что ее крушение повлечет за собой крах и Англии. Конечной же целью его послания было убедить английских парламентариев принять решение о сборе налогов насколько возможно скорее, без каких-либо диспутов.

Послание короля и в самом деле побудило парламентариев действовать быстрее в этом направлении: спустя три дня после его оглашения Палата общин постановила начать подготовку билля, предоставлявшего Уильяму III право собирать все виды налога, которые платились на основании закона в течение правлений Карла II и Джеймса II. Однако стоявшую перед его величеством проблему пополнения королевской казны этот билль разве что смягчил: общины разрешили ему собирать налог только до 24 июня / 4 июля 1689 года².

14/24 марта нижней Палате парламента был представлен счет о расходах, понесенных Голландией при подготовке и осуществлении военной экспедиции ее штадхаудера, принца Оранжского в Англию. Парламентариям предлагалось принять решение о выплате голландцам 7 301 322 фунтов стерлингов³. Этой суммы было достаточно для обеспечения жизни и деятельности короля Англии вместе с его Тайным советом и двором в течение шести лет.

18/28 марта Палата общин приняла в третьем, последнем чтении Билль о предоставлении помощи его величеству⁴. 20/30 марта

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 44.

² Ibid. P. 46.

³ Ibid. P. 48.

⁴ Ibid. P. 51.

его одобрила Палата лордов¹. На следующий день в парламент прибыл сам король. Сидя на троне, он заслушал речь спикера Палаты общин Генри Паула, который, в частности, сказал: «С тех пор, как ваше величество получило корону, Палата общин проводила свое время в обсуждении того, какие законы могли бы наиболее эффективно поддержать правительство вашего величества: и для этой цели они разработали несколько биллей, вам сейчас представленных, которые, как они надеются, будут закончены в короткое время. Однако, чтобы дела вашего величества терпели меньше вреда от временного недостатка денежных средств, они единодушно согласились на предоставление четырехсот двенадцати тысяч фунтов стерлингов на текущие расходы вашего величества, которые здесь предлагаются вашему величеству для милостивого принятия»². После этой речи королю был представлен на утверждение билль под названием «Акт о предоставлении в настоящее время помощи его величеству».

Затягивая решение вопроса о сборе налогов, английский парламент демонстрировал Уильяму III свою силу, внушал ему мысль о невозможности управлять Англией и вести активную внешнюю политику без опоры на парламент, без учета интересов стоявших за ним политических группировок.

В исторической литературе, посвященной английскому Биллю о правах 1689 года, процесс подготовки этого законодательного акта сводится лишь к разработке и рассмотрению в рамках комитетов и палат парламента его проекта³. При этом не учитывается то, что Уильям III, формально пришедший в Англию в качестве защитника протестантской религии, прав и свобод английских подданных, но фактически захвативший страну силой оружия, отрицательно относился к любым попыткам как-то ограничить доставшуюся ему путем завоевания королевскую власть; что он *не был заинтересован* в придании силы закона конституционным принципам, провозглашенным в представленной ему при восшествии на королевский трон Декларации о правах, и *решительно противился* конституционной реформе, упорядочивавшей взаимоотношения короля с парламентом.

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 154.

² Ibid. P. 155.

³ См., например: главу 16 «The Bill of Rights» в книге: *Schwoerer L. G. The Declaration of Rights, 1689.* Baltimore and London, 1981. P. 267–280.

В таких условиях для принятия Билля о правах недостаточно было одной подготовки проекта этого закона. Необходимо было преодолеть сопротивление нового короля его изданию. Политические группировки, заинтересованные в скорейшем юридическом оформлении парламентских привилегий и прав английских подданных, должны были поэтому организовать идеологическое и психологическое давление на Уильяма III с тем, чтобы склонить его в конечном итоге к одобрению Билля о правах, без которого этот документ не мог стать законом.

Операция по захвату Англии стоила для штатхаудера Нидерландов очень дорого. Он должен был выплачивать большие суммы денег не только войску, но и знатным англичанам, имевшим в своем подчинении подразделения английской армии и обладавшим значительным авторитетом в обществе. Чтобы обеспечить эти выплаты, принцу Оранжскому пришлось прибегнуть к займам. Успех его военной экспедиции дал ему в дополнение к статусу главы государства в Нидерландах звание короля в Англии, но одновременно сделал его одним из самых крупных должников Европы того времени. Вместе с тем, помимо необходимости отдавать долги и нести финансовое бремя управления Англией, на Уильяма III навалилось много дополнительных финансовых обязательств. Втягивая Английское королевство в войну с Францией, он вынужден был тратить значительно больше денежных средств на армию и флот, чем расходовали его предшественники на английском троне.

При этом возможности пополнять свою казну с помощью налогов были у английского короля весьма ограниченные. Он не имел в своем распоряжении разветвленного по всей стране аппарата исполнительной власти и потому целиком зависел от согласия подданных отдавать деньги в королевскую казну. А согласие это, по сложившейся традиции и правовым нормам, оформлялось решением парламента и выражалось в специальном билле о выделении субсидий или финансовой помощи его величеству, который вступал в силу после одобрения обеими палатами и самим королем. Налоговый вопрос давал поэтому парламентариям самую лучшую возможность показать монарху, что его власть только на словах является монархической — единоличной, в действительности же она коллегиальна, поскольку осуществляется королем совместно с парламентом.

О том, что английский парламент с самого начала правления Уильяма III вознамерился использовать налоговый вопрос в каче-

стве инструмента давления на короля именно с целью принудить его к конституционным реформам, недвусмысленно писал в своих мемуарах ближайший помощник принца Оранжского епископ Гильберт Бёнет: «Посредством долговременного применения и практики нескольких столетий таможенные пошлины предоставлялись нашему королю пожизненно: поэтому король ожидал, что подобное отношение будет проявлено и к нему. Но человеческие мнения оказались очень различными в этом вопросе. Некоторые виги, вовлекшие себя, посредством долгой оппозиции и подозрительности к правительству, в республиканские принципы, так что отойти от них им было нелегко, установили себе за правило не предоставлять какого-либо налога, кроме как на год, или самое большее на краткую продолжительность лет. Это, полагали они, представит корону шаткой и обяжет наших королей к таким народным методам управления, которые вознаградят за постоянное обновление этого гранта. И они надеялись, что столь неопределенное держание могло легко привести к полной смене правления»¹.

Впрочем, и сам Уильям III вскоре стал понимать, как сильно английский король зависел от своего парламента в финансовом вопросе. «Он сказал мне однажды, — вспоминал епископ Бёнет об одном из своих разговоров с принцем Оранжским, — что он понимает пользу республики, так же как и королевского правления, и невозможно определить, какое — лучшее? однако он уверен: худшее из всех правлений — такое, при котором король — без денег и без власти»². Своим разочарованием в английском государственном строе Уильям III делился и с маркизом Галифаксом, который в феврале 1688/1689 года был назначен лордом хранителем малой печати: «К[ороль] Англии, который будет править посредством закона, что он и должен делать, если есть у него сознание, является наихудшей фигурой в христианском мире. Он обладает властью уничтожать нацию, а не защищать ее»³.

¹ Bishop Burnet's History of His Own Time. Vol. 4. Oxford, 1823. P. 22–23.

² Ibid. P. 60.

³ В оригинале (на английском языке XVII в.): «K. of England who will governe by Law as hee must do, if hee hath conscience, is the worst figure in Christendome. Hee hath power to destroy the Nation and not to protect it» (Memorandums of Conversations that pass'd between King William and George Marquis of Halifax, who was made Lord Privy Seal, by King William at the Revolution // *Foxcroft H. C. The Life and Letters of the sir*

11/21 апреля 1689 года шотландский Конвент провозгласил Уильяма и Мэри, «короля и королеву Англии, Франции и Ирландии», королем и королевой Шотландии. Так же, как и в Англии, данный акт был документально оформлен специальной Декларацией¹ и Прокламацией², которые частично повторяли в своих текстах то, что излагалось в соответствующих документах, изданных английских Конвентом 12/22 февраля, но вместе с тем содержали и новые положения и формулировки. Так, Декларация сословий Шотландии начиналась следующим образом: «Король Джеймс седьмой действовал незаконно: 1. Создавая публичные школы и общества иезуитов... 2. Дозволяя печатание и распространение папских книг посредством даров папскому типографу... 3. Забирая детей протестантской знати и джентльменов, посылая их за границу, чтобы воспитать из них папистов, передавая огромные средства и пожертвования заграничным папским школам и колледжам, назначая пенсии священникам и отвращая протестантов от их религии, предложениями должностей, преференций и пенсий»³.

В тот же день, когда Уильям и Мэри были объявлены королем и королевой Шотландии, в Уэстминстерском соборе состоялась торжественная церемония их коронования на трон Англии⁴. За два дня до этого события — 9/19 апреля 1688/1689 года — был принят, после двухнедельных обсуждений в парламенте, «Акт об установлении ко-

George Savile, bart. First marquis of Halifax. In two volumes. Vol. 2. London, New York and Bombay, 1898. P. 221).

¹ См.: Declaration of the Estates of Scotland, concerning the Misgovernment of King James the Seventh, and filling up the Throne with King William and Queen Mary // The History and Proceedings of the House of Commons from the Restoration to the present time. Containing the most remarkable motions, speeches, resolves, reports and conferences to be met in that interval. London, 1742. Vol. 2. P. 259–264.

² См.: Proclamation declaring William and Mary King and Queen of England to be King and Queen of Scotland. Edinburg, April 11. 1689 // Ibid. P. 264–265. Текст указанной Прокламации напечатан на двух страницах данного издания. Вторая страница ошибочно пронумерована цифрой 273, хотя после номера 264 должен быть номер 265.

³ Ibid. P. 259–260.

⁴ См.: The Parliamentary History of England, from the earliest Period to the Year 1803. Vol. 5. Col. 215; Three Coronation Orders / Edited by J. Wickham Legg. London, 1900. P. 10–36.

ронационной присяги (An Act for establishing the Coronation Oath)¹, который заменил прежний текст присяги, произносившейся королем Англии, на новый², причем нововведения были в данном случае весьма любопытными.

В процессе коронации Джеймса II архиепископ вопрошал короля: «Сэр, будете ли Вы поддерживать и хранить и подтверждаете ли Своей Присягой народу Англии законы и обычаи, гарантированные ему королями Англии, Вашими законными и религиозными предшественниками, а именно: законы, обычаи и привилегии, гарантированные духовенству славным королем Св. Эдуардом, Вашим предком, согласно божественным законам, истинное исповедание Евангелия, установленное в этом королевстве и соответствующее прерогативе тех королей и старинным обычаям этого королевства?» Джеймс II отвечал: «Я гарантирую и обещаю их поддерживать»³.

Уильяма III и Мэри архиепископ или епископ должен был, согласно акту об установлении новой коронационной присяги, спросить во время коронации: «Обещаете ли вы торжественно и клянетесь ли управлять народом этого королевства Англии и доминионами, ему принадлежащими, в соответствии со статутами, одобренными в парламенте, и законами и обычаями Англии?»⁴ Королю и королеве следовало сказать в ответ: «Я торжественно обещаю управлять таким образом». После этого архиепископ или епископ должен был задать следующий вопрос: «Будете ли вы всей силой своей власти поддерживать божественные законы, истинное вероисповедание евангелия и протестантскую реформированную религию, установленную за-

¹ См. запись дискуссии о терминах коронационной присяги короля Уильяма III и королевы Мэри в изданиях: *Debates of the House of Commons. From the Year 1667 to the Year 1694. Collected by the Honourable Anchtell Grey, Esq.; who was Thirty Years member for the Town of Derby, Chairman of Several Committees; and deciphered Coleman's letters for the use of the House. In ten volumes. Vol. 9* (далее: *Grey's debates. Vol. 9*). London, 1769. P. 190–204; *The Parliamentary History of England, from the earliest Period to the Year 1803. Vol. 5. Col. 199–206, 208–211*.

² *The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 172–173*.

³ *The Coronation Oath of James II // Three Coronation Orders. P. 65*.

⁴ «Will you solemnly promise and swear to govern the people of this kingdom England; and the dominions thereto belonging, according to the statutes in parliament agreed on, and the laws and customs of the same?» (*The Statutes at Large from the First Year of K[ing] William and Q[ueen] Mary to the Eighth Year of K[ing] William III. Vol. 9. Cambridge, 1764. P. 4*).

коном? И сохраните ли вы за епископами и духовенством этого королевства и церквями, исполняющими свои обязанности, все такие права и привилегии, которые принадлежат или должны принадлежать им или некоторым из них на основании закона»¹.

Если Джеймс II присягал поддерживать и хранить *законы и обычаи, гарантированные народу Англии королями, его предшественниками, то Уильям III и Мэри давали клятву управлять народом Английского королевства «в соответствии со статутами, одобренными в парламенте, и законами и обычаями Англии».*

Если Джеймс II присягал поддерживать и хранить *«истинное исповедание Евангелия, установленное в этом королевстве и соответствующее прерогативе» предшествовавших ему королей и «старинным обычаям этого королевства», то Уильям III и Мэри клялись «всею силой своей власти поддерживать божественные законы, истинное вероисповедание евангелия и протестантскую реформированную религию, установленную законом».*

Указанные нововведения в содержание коронационной присяги имели прямое отношение к документу, получившему впоследствии название Билля о правах: он разрабатывался в качестве проекта «статута, одобренного парламентом», и закона, обеспечивавшего господство в Англии «протестантской реформированной религии».

В субботу 20/30 апреля 1689 года в Палате общин состоялось его первое чтение. В протоколе заседания данной Палаты он был назван «Биллем об установлении статей, представленных их, в настоящее время, величествам лордами и общинами в тринадцатый день последнего февраля, и об устройстве короны». Второе чтение этого законопроекта было назначено на среду 24 апреля / 4 мая².

¹ «Will you to the utmost of your power maintain the laws of God, the true profession of the gospel and the protestant reformed religion established by law? And will you preserve unto the bishops and clergy of this realm, and to the churches committed to their charge, all such rights and privileges as by law do or shall appertain unto them, or any of them?» (The Statutes at Large from the First Year of K[ing] William and Q[ueen] Mary to the Eighth Year of K[ing] William III. Vol. 9. Cambridge, 1764. P. 4).

² «A Bill for establishing the Articles presented to their now Majesties by the Lords and Commons, the Thirteenth of February last, and for settling the Crown, was read the First time. *Resolved*, That the Bill be read a Second time on Wednesday Morning next, at Ten of the Clock» (The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 96). Американский историк Лоис Шваурер пишет в своей книге «Декларация о правах», что данный билль прошел, «не встречая оппозиции, через свое первое и второе чтения 4 и 21

Оно состоялось в назначенное время: депутаты приняли по его итогам решение передать Билль для дальнейшего обсуждения в комитет всей Палаты¹.

Король Уильям III, узнав о том, что в парламенте идет подготовка такого законопроекта, высказал мнение, что «следует рассмотреть, все ли статьи из Декларации должны быть подтверждены в билле о наследовании (bill of Succession)». По свидетельству маркиза Галифакса, он не имел желаний подтверждать их, но «состояние его дел взяло верх над его намерениями относительно этого билля»².

1/10 мая 1689 года председатель Комитета всей Палаты, образованного для обсуждения «Билля об установлении статей, представленных лордами и общинами их величествам, и об устройстве короны³, рассказал членам Палаты общин, как проходит работа над этим законопроектом, и сообщил о поправках в его содержание. Депутаты, прочитав текст обновленного документа, одобрили внесенные в него изменения⁴.

7/17 мая Уильям III сообщил парламентариям через посредство одного из членов Тайного совета, что издал Декларацию о войне против Франции. В качестве главного фактора, побудившего его на этот шаг, король назвал адрес Палаты общин об оказании ему поддерж-

апреля» (*Schwoerer L. G. The Declaration of Rights, 1689. P. 268*). Никакой ссылки на источник этой информации она не дает. Между тем, из приведенной мною выше записи из протокола заседания Палаты общин следует, что первое чтение состоялось 20 апреля, а второе было назначено на 24 апреля.

¹ «A Bill for establishing the Articles presented to their Majesties by the Lords and Commons, and for settling the Crown, was read the Second time. *Resolved*, That the Bill be committed to a Committee of the whole House on Saturday Morning next, at Ten of the Clock: And that the House do then resolve itself into a Committee of the whole House thereupon, accordingly» (*The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 101*).

² *Memorandums of Conversations that pass'd between King William and George Marquis of Halifax. P. 217*.

³ *Bill for Establishing the Articles presented by the Lords and Commons to their Majesties, and for Settling the Crown*.

⁴ «Sir George Treby reports from the Committee of the whole House, That they, having taken the said Bill into their Consideration, had agreed upon several Amendments to be made thereunto: Which he read in his Place; and afterwards delivered the same in at the Clerk's Table: Where the same were once read throughout; and afterwards a Second time, one by one; and, upon the Question severally put thereupon, agreed unto by the House» (*The Journals of House of Commons. Vol. 10. P. 117*).

ки в случае вступления в войну против французского короля¹. Одна из главных целей военной экспедиции нидерландского штадхаудера в Англию была достигнута. Людские и материальные ресурсы этой страны бросались в топку войны с Францией, чтобы спасти Нидерланды от разгрома.

На следующий день — 8/18 мая — в Палате общин состоялось третье чтение Билля об установлении статей, представленных лордами и общинами их величествам, и об устройстве короны.

Депутат Чарльз Годолфин (*Charles Godolphin*, ?–1720) предложил включить в текст Билля статью, гарантирующую наследование короны по протестантской линии в случае смерти короля, королевы, их наследников и принцессы Анны. В ней говорилось о том, что никакое положение данного акта не может повлечь за собой в качестве примера или последствия «нанесение вреда праву какого-либо протестантского монарха или монархини воспринять наследственным путем имперскую корону этих королевств (Англии, Ирландии и Шотландии. — *B. T.*)»². Истинной целью данного нововведения было предотвратить попытки установления в Англии после смерти Уильяма, Мэри и Анны республиканской формы правления путем воспрепятствования восшествию на королевский трон законного наследника.

При голосовании в Палате общин это предложение было поддержано только 125 депутатами, тогда как против него выступили 179 человек. Статья, предложенная Чарльзом Годолфином, устанавливала правило общего характера и лишала парламент возможности вмешаться в порядок наследования английской короны. Эдуард Хэйлс (*Edward Hales*, 1630–1696) считал ее опасной еще и потому, что она создавала возможность сыну Джеймса II — принцу Уэльскому обратиться в протестантизм и претендовать в качестве законного наследника

¹ Решение Палаты общин о направлении королю Уильяму III такого адреса было принято 24 апреля / 4 мая 1689 г. В нем говорилось: «Когда Ваше Величество сочтет подходящим вступить в войну против французского короля, мы окажем Его Величеству такое содействие парламентским путем, которое позволит Его Величеству, пребывая всегда под защитой и милостью Всемогущего Бога, получить поддержку и одобрение этого шага» (*The Journals of the House of Commons*. Vol. 10. P. 101).

² *The Journals of the House of Commons*. Vol. 10. P. 126; *Grey's Debates*. Vol. 9. P. 237.

на королевский трон после смерти короля, королевы, их наследников и принцессы Анны¹.

При дальнейшем обсуждении Билля было предложено включить в его текст статью следующего содержания: «И далее объявляется и узаконивается вышеуказанной властью, что начиная с этой и после этой сессии парламента никакое освобождение кого-либо от действия закона (диспенсация) посредством *non obstante*² какого-либо из статутів или какой-то части его не будет дозволено; но таковое будет считаться ничтожным и недействительным; за исключением диспенсации, дозволенной в самом статуте. При условии, что никакая хартия, или пожалование, или помилование, изданные до первого дня июня 1689 года, не будут подвергнуты сомнению или признаны недействительными этим актом; но таковые будут иметь и сохранять те же самые силу и действие в законе, и не иначе, как если бы этот акт никогда не был издан»³.

Рассмотрев приведенную статью, депутаты внесли в нее некоторые поправки и одобрили весь документ в третьем и последнем чтении.

В резолюции о принятии Билля он был впервые представлен под названием, с которым впоследствии войдет в сборник статутів, а именно: как «*Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны* (An Act declaring the Rights and Liberties of the Subject, and the Settling the Succession of the Crown)». Одобрив данный законопроект, Палата общин поручила сэру Георгу Треби передать его для обсуждения лордам.

11/21 мая Палата лордов рассмотрела «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны» в первом чтении⁴. После второго чтения этого Акта, состоявшегося

¹ См. запись выступления Э. Хэйлса в издании: Grey's Debates. Vol. 9. P. 238.

² Латинское словосочетание «*non obstante*» дословно переводится как «несмотря на». Это первые слова в королевском документе, разрешавшем кому-либо из подданных делать что-либо, несмотря на запрет, содержащийся в каком-нибудь из действовавших законов. Такие разрешения (диспенсации) стали впервые выдаваться в Англии королем Генрихом III с 1252 г.

³ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 126.

⁴ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 208.

16/26 мая, лорды постановили продолжить его обсуждение в следующую среду, то есть через шесть дней, в комитете всей Палаты¹.

В рамках данного комитета Акт обсуждался сначала 22 мая / 1 июня², затем через день. Результатом этих дебатов стало внесение в его текст ряда поправок, которые были одобрены Палатой лордов. В протоколе заседания верхней палаты английского парламента, состоявшегося 24 мая / 3 июня 1689 года, он именуется как «Билль об установлении наследования короны (Bill for settling the Succession of the Crown)»³.

На следующий день Палата лордов приняла в третьем чтении «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны», с внесенными в него поправками, и постановила возратить его в Палату общин для одобрения этих поправок⁴. Нижняя палата английского парламента смогла приступить к их рассмотрению лишь по прошествии почти месяца.

19/29 июня общины рассмотрели предложенные лордами изменения в названный Акт. Самым существенным из них было уста-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 212.

² Ibid. P. 215. Лоис Шваурер в своем обзоре истории разработки Билля о правах пишет, что епископ Бёнет на заседании комитета всей Палаты лордов, которое состоялось 22 мая, «предложил ограничить наследование специальным указанием на Софию, герцогиню Ганновера и ее потомство» (*Schwoerer L. G. The Declaration of Rights, 1689. P. 271*). При этом американская исследовательница дает ссылку на стр. 208 тома 14 «Журналов Палаты лордов». Однако в действительности на этой странице напечатан протокол заседания Палаты лордов 11 мая: на нем, как я отметил выше, Билль о правах был рассмотрен лишь в первом чтении. Сообщение о рассмотрении его на заседании комитета всей Палаты 22 мая приводится на стр. 215, но в нем лишь отмечается, что «Палата была преобразована в Комитет, желая рассмотреть билль под названием «Акт, декларирующий права и свободы подданного, и устанавливающий наследование Короны (The House was adjourned into a Committee during Pleasure, to consider of the Bill, intituled, “An Act for declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown”». А после этих слов говорится, что Палата, возобновив свое заседание, постановила, что «эта Палата будет снова превращена в Комитет для рассмотрения этого билля утром в следующую пятницу». Ни о предложении об ограничении наследования короны, ни о какой-либо другой поправке в Билль о правах в протоколе заседания Палаты лордов, состоявшегося 22 мая, даже не упоминается.

³ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 218.

⁴ Ibid. P. 219.

новление правила, по которому при отсутствии у Мэри, Уильяма и Анны законных наследников королевский трон должен был перейти после их смерти к внучке короля Джеймса I (Якова I), сестре Карла I принцессе Софии, которая была замужем за электором Ганновера, и после нее к прямому ее наследнику¹. Первым из депутатов по этому вопросу выступил Джон Лаутер (*John Lowther*, 1655–1700). Он высказал опасение, что «здесь могут быть революции и перемены», что «эта принцесса Ганноверская может оказаться католичкой», и поставил в пример королеву Елизавету, которая не пожелала определить своего наследника, а «она была мудрой монархиней». Поэтому, сделал вывод Лаутер, «я не могу согласиться» с поправкой, назначающей принцессу Софию наследницей². Это мнение поддержало большинство членов Палаты общин, и при голосовании данная поправка отклонена³.

Кроме того, Палата лордов предложила изъять из проекта «Акта, декларирующего права и свободы подданного и устанавливающего наследование короны» добавленную в его текст общинами статью, которая объявляла ничтожной и недействительной диспенсацию посредством *non obstante* какого-либо статута или части его, «за исключением диспенсации, дозволенной в самом статуте». Своим голосованием 20/30 июня Палата общин отвергла и эту поправку⁴.

Еще одна поправка лордов предписывала лицам, которые будут наследовать трон при отсутствии наследников у короля Уильяма и королевы Мэри и принцессы Анны, «издать, произнести и подписать» до их провозглашения королем или королевой декларацию о своей приверженности к английскому протестантизму. В данной поправке предусматривалась ситуация, когда наследник престола ока-

¹ Любопытно, что за признание принцессы Софии, герцогини Ганноверской, наследницей королевского престола после принцессы Анны выступал и Уильям III. Об этом свидетельствует его разговор с маркизом Галифаксом, состоявшийся 3 июля 1689 г. По словам маркиза, король сказал, что «хотел бы чтобы была принята статья в пользу [герцогини] Ганноверской, но не все статьи Билля о правах (*Hee would have the clause for the D[uchess] of Hanover passe, but not all the articles in the bill of rights*)». См.: *Memorandums of Conversations that pass'd between King William and George Marquis of Halifax*. P. 223.

² *Grey's Debates*. Vol. 9. P. 345.

³ *The Journals of the House of Commons*. Vol. 10. P. 187.

⁴ *Ibid.* P. 190.

зывался за границей. В этом случае декларацию с такой клятвой должны были передать ему комиссионеры, посланные Тайным советом, существовавшим при последнем королеве или королеве. Очевидно, что здесь имелась в виду ситуация, которая могла возникнуть при восшествии на престол представителя Ганноверского Дома — принцессы Софии или ее сына.

Отказ от издания, произнесения и подписания упомянутой декларации объявлялся в поправке признаком неспособности быть королем или королевой Англии, Ирландии и принадлежащих им владений, а право наследования короны переходило к следующему наследнику-протестанту.

Обсуждение указанной поправки в Палате общин растянулось на три недели. 20/30 июня депутаты постановили создать для более тщательного ее рассмотрения специальный комитет¹.

1/11 июля Палата общин постановила добавить в состав этого комитета всех депутатов, являвшихся юристами по профессии («all the Members that are of the Long Robe, be added to the Committee»)².

9/19 июля председатель комитета Лоренс Картер (*Lawrence Carter*, 1641–1710) сообщил Палате общин, что его члены пришли к выводу о необходимости внести несколько поправок в рассмотренную ими статью, предложенную лордами для включения в Билль, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны». В частности, комитет счел целесообразным вместо фразы «в случае отсутствия у их величеств и королевы, принцессы Анны Датской, прямого наследника, следующему наследнику королю, или королеве, следует торжественно повторить и подписать декларацию» вставить в текст названного Билля сентенцию: «вышеупомянутая декларация, которая должна быть издана, повторена и подписана каждым королем и королевой, наследующим трон этого королевства, будет состоять из следующих слов»³.

Все поправки комитета в статью, предложенную лордами, были одобрены Палатой общин. Депутаты поручили ему подготовить к совместной конференции с Палатой лордов перечень оснований, по

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 190.

² Ibid. P. 203.

³ Ibid. P. 211.

которым общины не могут согласиться с лордами с их поправками в Билль о правах¹.

Такой перечень был представлен Лоренсом Картером Палате общин на заседании 11/21 июля. Предложение лордов включить в Билль о правах правило, по которому при отсутствии у Мэри, Уильяма и Анны законных наследников королевский трон должен был перейти после их смерти к принцессе Софии, отвергалось на том основании, что «оно не содержалось в Декларации, представленной обеими палатами их величествам при их восприятии короны»². «Дальнейшее ограничение может быть опасным и повлечь за собой вредные последствия»³, — говорилось далее в перечне оснований.

Отказ от предложения лордов изъять из текста Билля статью, которая объявляла ничтожной и недействительной диспенсацию посредством *non obstante* какого-либо статута или части его, «за исключением диспенсации, дозволенной в самом статуте», объяснялся тем, что «полномочие освобождать кого-либо от действия статутных законов дозволено с незапамятных времен», что «оно безосновательно расширилось с течением времени до того, что стало использоваться для уничтожения массы хороших законов», что «можно тем самым избавиться от всех законов, изданных для пользы торговли, и восстановить монополии»⁴.

Палата общин одобрила приведенные основания вместе с венчавшим их заявлением, что беды, которые последуют от статей, предложенных лордами, «будут столь великими, что общины не находят никакого иного средства предотвратить их», как настаивание на своем решении⁵. В тот же день лордам было передано приглашение собраться для разрешения разногласий по Биллю о правах на совместную конференцию обеих палат.

Конференция представителей лордов и общин состоялась 12/22 июля. На ней членам верхней палаты английского парламента были представлены основания, по которым нижняя палата приняла решение отвергнуть их поправки в текст Билля о правах.

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 212.

² Ibid. P. 213.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. P. 214.

⁵ Ibidem.

Свои возражения на поправки общин лорды представили на следующей совместной конференции обеих палат. Они решили настаивать на сохранении в законопроекте правила, по которому при отсутствии у Мэри, Уильяма и Анны законных наследников королевский трон должен был перейти после их смерти к принцессе Софии¹. Соответственно они отказались изъять из текста поправки, обязывавшей будущих короля или королеву издавать, произносить и подписывать декларацию о своей приверженности к протестантизму, правило, предусмотренное для ситуации, когда наследник престола оказывался за границей².

Лорды согласились включить в Билль вместо фразы «в случае отсутствия у их величеств и королевы, принцессы Анны Датской, прямого наследника, следующему наследнику королю, или королеве, следует торжественно повторить и подписать декларацию» формулировку, предложенную общинами, а именно: что «вышеупомянутая декларация, которая должна быть издана, повторена и подписана каждым королем и королевой, наследующим трон этого королевства, будет состоять из следующих слов»³. Верхняя палата согласилась с предложением нижней палаты оставить в конце Билля о правах статью, объявлявшую ничтожной и недействительной диспенсацию посредством *non obstante* какого-либо статута или части его, «за исключением диспенсации, дозволенной в самом статуте»⁴. Таким образом, расхождения между лордами и общинами сосредоточились на вопросе наследования королевского трона. Настаивая на включении в число наследников короны принцессы Софии, лорды мотивировали свою позицию следующими соображениями:

«1. Хотя в документе, предложенном их королевским величествам, ограничение [наследования] идет не далее их собственных персон, однако в законе, который имеет отношение ко всем после-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 279.

² В оригинальном тексте поправки лордов это правило было сформулировано в следующем виде: «And, in case such succeeding King or Queen shall happen to be beyond the Seas, the said Declaration shall be tendered to him or her, by Commissioners, sent from the Council in Being at the last Demise of the King or Queen, or Princess Anne of Denmark, or the Issue of their Bodies».

³ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 279.

⁴ Ibid. P. 281.

дующим векам и который навсегда устанавливает свободы подданных, они полагают разумным распространить ограничение наследования короны дальше, чем это было необходимо в том документе, в котором корона предлагалась их величествам и который ничего не имел в виду, кроме наследования для их потомства.

2. Они не видят ни опасности, ни каких-либо вредных последствий, могущих последовать при дальнейшем ограничении [наследования], но очень сильно ожидают противоположного: так как 1) это эффективно обеспечивает нации от опасности иметь правящим какого-либо паписта в какое-либо время после этого, поскольку некоторых из того числа папистов, что стоят в очереди за короной в наследственной линии, можно будет убедить притвориться изменившими свою религию, если у них появится после этого перспектива унаследовать корону: и нет больше опасности, как иметь того, кто притворится протестантом, но в действительности будет тайным папистом, управляющим нами; наиболее эффективный способ сохранить нашу религию заключается в том, чтобы объявить наследование в фамилии, о которой мы определенно знаем, что она — протестантская. 2) В интересах Англии, в настоящее время, предоставить право [наследования] столь великому Дому, путем ограничения наследования определенным условием: так как, раз это ограничение уже было предложено, то если его теперь убрать, это будет выглядеть исключением этого Дома, что может спровоцировать их принять решение, которое могло бы причинить огромный вред нации в настоящих обстоятельствах. И поскольку лорды, по этим причинам, настаивают на своем условии, те же самые причины побуждают их подобным же образом настаивать на той части поправки, которая к нему относится»¹.

Рассмотрев резоны, которые были выдвинуты лордами в поддержку включения в Билль о правах нормы, предусматривавшей переход королевского трона при отсутствии у Мэри, Уильяма и Анны законных наследников к принцессе Софии, Палата общин проголосовала тем не менее против данной поправки и поручила комитету, готовившему прежнюю совместную конференцию обеих палат, под-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 281; The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 223.

готовить обоснование данной позиции для новой подобной конференции.

Она состоялась 20/30 июля. Представители общин рассказали представителям Палаты лордов, какими доводами руководствовались их Палата, отвергая поправку лордов о порядке наследования короны.

29 июля / 8 августа Палата лордов приняла решение большинством в 9 голосов¹ настаивать на сохранении в Билле о правах статьи, называющей Ганноверский Дом в числе наследников английской короны². В разговоре с маркизом Галифаксом, который состоялся за день до этого, король Уильям III признался, что «хотел бы сказать лордам, чтобы они сохранили статью о Ганновере»³.

Спустя два дня состоялась новая конференция обеих палат, но и она не привела к изменению их позиций по вопросу наследования королевского трона. Выступавший со стороны лордов Гильберт Бёнет, епископ Солсберийский заявил представителям общин, что лорды остаются приверженными поправке, называющей принцессу Софию наследником английской короны, и соответственно они настаивают на сохранении правила, согласно которому в случае, когда наследник престола оказывается за границей, декларацию с клятвой о его приверженности к протестантизму должны передавать ему комиссионеры, посланные Тайным советом⁴. После этого лордам был задан вопрос, «допускают ли они дальнейшие дебаты, касающиеся спорного вопроса». Лорды ответили: «Нет».

20/30 августа 1689 года король Уильям III издал распоряжение о приостановлении деятельности парламента на месяц — до 20/30 сен-

¹ 38 — за, 29 — против.

² The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 298.

³ «Said hee would speak to L[or]ds. to stick to the clause of Hanover» (Memorandums of Conversations that pass'd between King William and George Marquis of Halifax. P. 227). Следует заметить, что рьяным сторонником сохранения в Билле о правах статьи, предоставляющей право наследовать английскую корону принцессе Софии, был и маркиз Галифакс, что признает сама София в письме к маркизу из Ганновера, написанном, кстати, на французском языке. См.: Princess Sophia to the Marquis of Halifax, á Hanover, le 9/19 aogust, 1689 // *Foxcroft H. C. The Life and Letters of the sir George Savile, bart. First marquis of Halifax. In two volumes. Vol. 2. London, New York and Bombay, 1898. P. 117–118*

⁴ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 246.

тября. Перед тем, как оно было объявлено, его величество одобрил ряд законов и среди них — «Акт об ассигновании некоторых налогов на выплату Генеральным Штатам Соединенных Провинций их кредитов на экспедицию его величества в это королевство и для других нужд (An Act for appropriating several Duties, for paying of The States Generall of The United Provinces their Charges for His Majesty's Expedition into this Kingdom, and for other Uses)»¹. На основании данного акта Генеральным Штатам Соединенных Провинций было выделено из сумм собиравшихся в Англии акцизов и таможенных пошлин 600 000 фунтов стерлингов.

Когда Палата лордов и Палата общин спустя месяц соберутся на свои заседания, парламентариям будет объявлено, что, по желанию его величества, они приостанавливают свою деятельность до 19 октября.

Первое заседание возобновившего свою деятельность парламента началось, соответственно традиции, с речи короля. Англия находилась в состоянии войны с Францией, и королевская казна нуждалась в пополнении. Поблагодарив парламентариев за предоставление в начале его правления огромной субсидии, Уильям III попросил их выделить ему дополнительные денежные средства. «У меня нет в этом никакой иной цели, — сказал он, — кроме того, чтобы быть в состоянии атаковать нашего врага таким решительным способом, который может, с Божьей помощью, привести нас в короткое время к длительному и почетному миру»². Первые дни работы парламента после возобновления его сессии прошли в обсуждении речи его величества и в решении самых неотложных вопросов.

Но 24 октября / 4 ноября 1689 года в Палате общин вспомнили о законопроектах, обсуждение которых было прервано в августе, и среди них в первую очередь всплыл Билль о правах: депутаты приняли решение поручить его подготовку к новому рассмотрению тому комитету, который занимался им прежде³.

За полтора месяца, прошедшие со времени последнего обсуждения Билля о правах, в палатах английского парламента обстановка в Англии изменилась в сторону, благоприятствующую для его приня-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 318.

² The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 271.

³ Ibid. P. 273.

тия. Новый король и в самом начале своего правления не имел широкой поддержки в английском обществе, но по прошествии семи месяцев, после того как он втянул Английское королевство в разорительную войну с Францией, преобладавшая прежде настороженность в отношении к нему англичан сменилась стойкой неприязнью, которая все чаще проявлялась открыто — в бранных словах в его адрес или в какой-либо другой оскорбительной для его королевского достоинства форме. Дело дошло до того, что на портрете Уильяма, висевшем в Гайдхолле, кто-то вырезал корону и скипетр. В этих условиях новоявленный английский король, не имевший при своем восшествии на престол желания принимать какой-либо юридический документ, регулирующий королевский статус и порядок наследования короны, стал более лояльно относиться к идее издания акта конституционного характера. Недостаток же денег в королевской казне, создававший для Уильяма III реальную угрозу поражения в войне с французским королем Людовиком XIV, заставлял его идти на любые компромиссы с парламентом.

30 октября / 9 ноября текст Билля о правах, подготовленный специальным комитетом, был представлен его председателем Палате общин: состоялось первое чтение данного законопроекта¹. На следующий день прошло его второе чтение в этой Палате².

6/16 ноября Палата общин рассмотрела Билль о правах в третьем чтении. Депутат Эдуард Сеймур высказал сомнения относительно предоставления королю полномочия приостанавливать действие законов, пусть и ограниченного определенным условием. «Я обнаружил в последней статье Билля полномочие диспенсации у короля и т. д. Если это допустить, все остальное будет ничто»³, — заявил он.

Эдуард Хассей (*Edward Hussey*) выступил против полного запрета для короля изымать какое-либо лицо из-под действия закона. «Что если будет совершено убийство, и человека неправомерно приговорят, — спросил он, — следует ли его повесить из-за отсутствия у короля полномочия помиловать? Я не противник Билля, но мне хотелось бы, чтобы он был пояснен и усовершенствован»⁴.

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 276–277.

² Ibid. P. 277.

³ Grey's Debates. Vol. 9. P. 396.

⁴ Ibid. P. 397.

После обсуждения возникших вопросов члены Палаты общин внесли в текст Билля некоторые поправки и приняли законопроект, утвердив за ним название «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны»¹. Председателю специального комитета, готовившего Билль о правах к рассмотрению в парламенте, было поручено передать его на обсуждение в Палату лордов.

В тот же день лорды рассмотрели данный законопроект в первом чтении². 14/24 ноября в верхней палате английского парламента состоялось второе чтение Билля о правах³, по итогам которого лорды приняли решение обсудить его в Комитете всей Палаты⁴.

18/28 ноября председатель Комитета граф Малгрэйв сообщил на заседании Палаты лордов, что в результате рассмотрения Билля о правах члены Комитета пришли к мнению о том, что в его текст должна быть добавлена статья, обязывающая каждого короля и королеву, при их коронации или на открытии их первого парламента, проходить тест на приверженность к протестантской вере. Кроме того, Комитет рекомендовал дать поручение судьям составить Билль о восстановлении Акта о трехгодичном парламенте, принятом в шестнадцатый год правления Карла I. Палата издала соответствующее постановление⁵. Интересно, что при новом рассмотрении Билля о правах лорды не поднимали вопроса о включении в него статьи о наследовании престола принцессой Софией⁶.

На следующий день лорд Главный судья Общих Тяжб доложил о том, что судьи начертали текст статьи, которую лорды решили накануне добавить в «Билль об установлении прав подданных и наследования короны»⁷. Вместе с тем он представил Палате лордов составленный судьями проект Билля о восстановлении принятого в

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 280.

² The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 332.

³ Ibid. P. 341.

⁴ Ibid. P. 342.

⁵ Ibid. P. 345.

⁶ Возможно, отказ лордов от попыток включить в Билль статью о наследовании престола принцессой Софией был вызван тем, что у Анны подрастал сын, который перенес в сентябре болезнь, но к октябрю был вполне здоровым ребенком.

⁷ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 346.

1641 году «Акта о предотвращении неудобств, случающихся от долгого перерыва парламентов (An Act for preventing the Inconveniencies happening by the long Intermission of Parliaments)»¹. Лорды рассмотрели его в первом чтении. А Билль о правах был опять передан на обсуждение в Комитет всей Палаты.

Основное внимание лордов было обращено в это время на последнюю статью Билля, которая предоставляла королю при определенных условиях правомочие приостанавливать действие законов. 22 ноября / 2 декабря Палата лордов поручила судьям начертать законопроект, регулирующий осуществление королем данного правомочия, и представить его в Палату через десять дней².

23 ноября / 3 декабря «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны» был рассмотрен в третьем чтении. Было предложено добавить в его текст статью следующего содержания: «И далее узаконивается вышеуказанной властью, что все помилования по какому-либо импичменту Палаты общин сим объявляются ничтожными и недействительными, за исключением осуществленных с согласия обеих палат парламента». После долгих дебатов вопрос о включении приведенной статьи в законопроект был поставлен на голосование. 50 лордов против 17 отказались сделать ее частью Билля о правах³.

Лорды, оставшиеся в меньшинстве, выразили протест против столь неразумного, по их мнению, решения Палаты, представив Меморандум с изложением доводов в пользу ликвидации у короля права помилования лиц, осужденных в порядке импичмента.

Первый из этих доводов заключался в том, что преследование в порядке импичмента является «неоспоримым правом общин Англии, и только благодаря им правосудие может осуществляться относительно правонарушителей, которые слишком велики для обыкновенных судов правосудия; импичменты оказываются в целом неэффективными, если король может помиловать в таких случаях».

¹ См. описание и анализ этого акта в издании: *Томсинов В. А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1641 – август 1642 года. М.: Зерцало-М, 2010. С. 95–107.

² The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 350.

³ Ibid. P. 350.

Второй довод состоял в том, что «правомочие помилования повредило бы правосудию, которое правом Англии ни в каком случае не допускается».

Далее в Меморандуме обращалось внимание на то, что король может применять помилование только по таким преступлениям, которые направлены против него самого, и не может делать это в случае апелляции или правонарушения относительно третьего лица; что «правомочие помилования ставит королевскую прерогативу выше правительства, подобное несовместимо с разумом и природой настоящей конституции»; что «правомочие помилования по импичментам в целом столь же огромно, как и правомочие изымать из-под действия законов»¹.

Однако Палата лордов не изменила своего мнения и проголосовала за принятие Билля о правах без статьи, лишавшей короля права помилования лиц, осужденных в порядке импичмента.

25 ноября / 5 декабря Палата лордов рассмотрела во втором чтении «Акт о восстановлении прежнего Акта, изданного на 16-м году правления короля Карла Первого, озаглавленного как “Акт о предотвращении неудобств, случающихся вследствие долгого перерыва в парламентах”»².

В Палате же общин в этот день началось рассмотрение поправки, внесенных лордами в текст Билля о правах³. Оно продолжалось полмесяца и завершилось 10/20 декабря. Все поправки, имевшие редакционный характер, были приняты. Отклонена была только одна поправка, предусматривавшая процедуру подтверждения неприверженности будущего короля католической вере свидетельствами шести пэров королевства⁴.

11/21 декабря окончательный вариант Билля о правах был передан представителями общин для одобрения в Палату лордов.

16/26 декабря 1689 года в Палате общин проходило очередное заседание. Во время него сюда прибыл с посланием от короля Томас Дуппа (*Thomas Duppa*). Спикер Генри Паул огласил текст королев-

¹ The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 351.

² Ibid. P. 353.

³ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 293.

⁴ Ibid. P. 305.

ского письма депутатам: его величество приглашал всю Палату прибыть немедленно в Палату пэров¹.

Король находился уже там в ожидании, когда спикер Палаты общин представит ему на утверждение проекты принятых обеими палатами парламента законов. «Ваши покорные и преданные подданные, общины, собравшиеся в этом настоящем парламенте, — начал говорить спикер, — принимая во внимание огромные и необходимые расходы, которые потребуются для ведения войны, в которую ваше величество вовлечено в настоящее время, единодушно согласились, во время первого заседания этой сессии, предоставить вашему величеству субсидию в два миллиона, огромнейшей частью которой они решили обременить свои земли, так как это был наиболее быстрый и эффективный способ получения денег для данного случая; однако, обнаружив, что при определении размеров последней субсидии подобного рода были совершены великие злоупотребления, они попытались предотвратить такие злоупотребления в сборе нынешних налогов; обсуждение этого отняло у них много времени и привело к составлению Билля необыкновенной длины, который я сейчас предлагаю милостиво принять вашему величеству.

Они (т. е. общины. — *В. Т.*) одобрили подобным же образом и Билль, декларирующий их права и свободы, которые столь явно нарушались в последнее правление; покорно желая, чтобы ваше величество дало ему жизнь своим королевским согласием, чтобы он мог таким образом оставаться не только гарантией для них от повторения подобных попыток в дальнейшем, но и для всех потомков прочным монументом того, чем они обязаны его величеству за их освобождение»².

По окончании этой речи спикер передал клерку парламента «Акт о предоставлении их величествам помощи в два шиллинга с фунта в течение одного года (*An Act for a Grant to Their Majesties of an Aid of Two Shillings in the Pound, for One Year*)». Клерк зачитал название акта королю — его величество одобрил его и выразил благодарность своим подданным за оказание этой помощи.

Затем клерк зачитал Уильяму III официальное название Билля о правах — «Акт, декларирующий права и свободы подданного и уста-

¹ The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 310.

² The Journals of the House of Lords. Vol. 14. P. 373.

навливающий наследование короны». «Le Roy et la Reyne le veulent (Король и королева одобряют это)», — сообщил он парламентариям. Билль о правах стал законом.

§ 2. Конституционное значение Билля о правах

Полное официальное наименование Билля о правах, выраженное в словах «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны», довольно точно обозначает характер его основного содержания. Это, с одной стороны, декларация прав и свобод, а с другой — совокупность норм, определяющих порядок наследования королевской власти.

Начинается Билль о правах с краткой *преамбулы*, в которой сообщается, что в тринадцатый день февраля 1688 года¹ лорды духовные и светские и общины собрались в Уэстминстере и представили их величествам, известным под именами Уильяма и Мэри, принца и принцессы Оранжских, некоторую декларацию в письменном виде. Далее приводится весь текст этой декларации, завершающийся словами присяги на верность королю Уильяму и королеве Мэри, и формулой клятвы в ненависти к доктрине римско-католической церкви, согласно которой монархи, осужденные ее главой, могут быть свергаемы и убиваемы своими подданными, а также обещанием не признавать в пределах Англии юрисдикции, полномочий и верховенства какого-либо иностранного монарха, лица или государства. После указанных присяги, клятвы и обещания следует текст собственно Билля о правах.

В исторической литературе преобладает мнение, что данный Акт не содержал каких-либо новых конституционных принципов, но лишь подтверждал старые, имевшиеся в действовавшем праве². «Мы напрасно ищем какого-либо изложения конституционного принци-

¹ Указанная дата соответствует Юлианскому календарю, действовавшему тогда в Англии. По Григорианскому календарю, применявшемуся в ряде других европейских стран, и в том числе в Нидерландах, это было 23 февраля 1689 г.

² См., например: *Trevelyan G. M. The English Revolution, 1688–89.* London, 1938. P. 161–163; *Thomson M. A. A Constitutional History of England.* London, 1938. Vol. 4: 1642–1801. P. 175.

па в Билле о правах»¹, — пишет английский правовед Уильям Голдсворт. «Билль о правах был во всех отношениях только декларирующим старое конституционное право страны»², — отмечается в «Комментариях на законы Англии» Уильяма Блэкстоуна.

Приведенные оценки основываются прежде всего на словах и фразах самого этого документа. Так, в нем говорится, что «лорды духовные и светские и общины» собрались прежде всего «для восстановления и подтверждения своих старинных прав и свобод»³; что «лорды духовные и светские и общины, собравшиеся в парламенте» умоляют, чтобы было объявлено и узаконено, что все и отдельные права и свободы, подтверждаемые и требуемые в указанной декларации, являются истинными, старинными и несомненными правами и свободами народа этого королевства»⁴.

Подобные заявления в тексте Билля о правах вполне соответствуют реальности: большинство его принципов и норм действительно лишь подтверждали старинные права и свободы подданных, а также признанные правовой традицией привилегии парламента. Однако политическое и юридическое значение Билля о правах далеко не ограничивалось этим. Внимательный анализ содержания данного Акта в контексте исторических событий, способствовавших его появлению и прежде всего обстоятельств так называемой «славной революции», позволяет обнаружить за его словами и фразами более важный смысл, выходящий за рамки его наименования, придающий этому документу значение настоящей конституции. Подобным смыслом проникнута даже преамбула Билля о правах.

В ней говорится, что «лорды духовные и светские и общины, собравшиеся в Уэстминстере, законно, полно и свободно представляющие все сословия народа этого королевства, в тринадцатый день февраля в году от рождества Христова одна тысяча шестьсот восемьдесят восьмом, представили их величествам» некоторую декларацию»⁵.

¹ *Holdsworth W. S.* A History of English Law. London, 1966. Vol. 6. P. 241.

² *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Book 4. Oxford, 1769. P. 372.

³ An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown // Statutes at Large, from the first year of K[ing] William and Q[ueen] Mary to the eight year of K[ing] William III. Cambridge, 1764. Vol. 9. P. 68.

⁴ Ibid. P. 70

⁵ Ibid. P. 67.

Главный смысл этой фразы таится за словом «законно (lawfully)». В преамбуле умалчивается, что лорды и общины собрались на основании не приказа законного короля Джеймса II, а письма иностранного правителя — штатхаудера Нидерландов, и что поэтому их собрание было не парламентом. Объявляя о том, что лорды и общины собрались «законно», преамбула Билля о правах тем самым придает законность их собранию — Конвенту и соответственно наделяет юридической силой его решения, самыми важными среди которых была, *во-первых*, резолюция, которая признавала Джеймса II отрекшимся от королевской власти, а королевский трон Англии — свободным, и *во-вторых*, прокламация, провозглашавшая принца и принцессу Оранжских королем и королевой Англии, Франции и Ирландии.

Декларация лордов и общин от 12/22 февраля 1688/1689 года не могла сама по себе стать законом: она была принята собранием, которое не являлось парламентом, и не получила выраженного в должном порядке одобрения законного короля. Одобрительные слова о ней нового короля Уильяма III были всего лишь мнением и не имели какого-либо юридического значения, поскольку королевское согласие на вступление принятого парламентом документа в силу закона должно было в то время выражаться формулой: «*Le Roy et la Reyne le veulent* (Король и королева одобряют это)». Юридическую силу этому документу придало включение его в состав Билля о правах, принятого парламентом и получившего 16/26 декабря 1689 года королевское одобрение. И хотя законность парламента можно было поставить под сомнение (это был тот же самый Конвент, который принял указанную Декларацию) и в легитимности короля Уильяма III и королевы Мэри II сильно усомниться, но законность *процедуры принятия Билля о правах* никакому сомнению не подлежала. Именно поэтому «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны» стал волшебной палочкой, превратившей беззаконие «славной революции» в законность. И именно в этом заключалось главное конституционное значение данного Акта.

С этой точки зрения, важнейшими элементами в его содержании были слова преамбулы о том, что лорды и общины, собравшиеся в Уэстминстере, «законно, полно и свободно» представляли все сословия народа Англии, а также статья, гласившая: «Ныне, во исполнение вышеизложенного, указанные лорды духовные и светские и об-

щины, собравшиеся в парламенте для утверждения, подтверждения и подкрепления указанной декларации и статей, пунктов, фактов и предметов, в ней содержащихся силой закона, изданного в надлежащей форме властью парламента, просят, чтобы было объявлено и узаконено, что все и отдельные права, подтверждаемые и требуемые в указанной декларации являются истинными, старинными и несомненными правами и свободами народа этого королевства, и таковыми должны почитаться, признаваться, присуждаться, считаться и приниматься; и что все и каждую из вышеприведенных статей следует твердо и строго исполнять и соблюдать в том виде, как они выражены в указанной декларации, и все какие бы то ни было должностные лица и министры должны отправлять службу их величествам и их наследникам в соответствии с этими статьями во все времена, которые придут»¹.

Таким образом, в рассматриваемое время в Англии произошли следующие события:

- Созванный незаконно, в нарушение конституционных норм Конвент принял решение об отречении от королевской власти законного короля и объявил, опять-таки незаконно, королевский трон свободным. Затем провозгласил королем и королевой Англии штатхаудера Нидерландов и его супругу Мэри.
- После этого новоявленные носители английской королевской власти, занявшие трон в результате государственного переворота и свержения законного короля, приняли вместе с Конвентом акт о придании этому собранию статуса парламента.
- Появившиеся в Англии столь странным образом новый парламент и новый король издали, соблюдая законные процедуры, «Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны». В его преамбуле и в особой статье основного текста Конвент объявлялся законным, а принятой им 12/22 февраля 1688/1689 года Декларации о правах придавалась юридическая сила.

¹ An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown. P. 70–71.

- Объявленный законным Конвент, в свою очередь, придал законность новой королевской власти и акту, преобразовавшему Конвент в парламент.

Явление, которое выразили описанные события, можно, пожалуй, назвать «бумерангом легитимности». Оно — не редкий случай в мировой политической истории. Начало революции — это всегда акт беззакония, но окончательная победа ее может произойти только в том случае, когда в обществе снова утвердится законность. Иначе говоря, для полной победы революции необходима, как это ни парадоксально, именно контрреволюция. Но контрреволюция особого рода — такая, которая восстановит в обществе режим законности. С этой точки зрения, **Билль о правах был актом контрреволюции, обеспечившим окончательную победу в Англии революции 1688–1689 годов.**

* * *

Декларация о правах, принятая лордами и общинами 12/22 февраля 1688/1689 года, и включенная в состав Билля о правах, который был издан 16/26 декабря 1689 года, провозглашала новые конституционные принципы в первых же своих строках. В них говорилось: «Так как последний король Джеймс Второй, при содействии различных злых советников, судей и министров, состоявших у него на службе, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую религию и законы и свободы этого королевства»¹. Приведенные фразы содержали обвинение в адрес короля за действия, совершенные через посредство его советников, судей и министров. Между тем в традиционной английской конституции существовал принцип «король не может совершать правонарушений (king do not wrong)» и тем более не может нести ответственность за действия своих должностных лиц. В данном же случае этот принцип был применен к советникам, судьям и министрам короля, и ответственность за правонарушения, совершенные ими, оказалась возложенной на его величество.

Один из современников «славной революции», сохранивший верность свергнутому королю Джеймсу II и весьма критически наблюдавший за тем, что происходило в Англии после ее захвата штатхаудером Нидерландов, составил приблизительно в 1692–1693 годах

¹ An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown. P. 70–71.

перечень парадоксов данной революции, среди которых был и такой, который прямо относился к указанной ситуации: «Жаловаться только на правонарушения государственных министров и тем не менее наказывать короля, который по нашему праву не наказуем, потому что не может персонально совершать правонарушения»¹.

Очевидно, что, *выдвигая обвинение против Джеймса II, парламентарии исходили из самого простого, буквального толкования принципа «king do not wrong», согласно которому король не может совершать правонарушение не потому, что не несет за это никакой ответственности, но исключительно по той причине, что не может допустить правонарушения по своему статусу*². Такому толкованию данного принципа традиционной английской конституции совсем не противоречило возложение на короля ответственности за совершенные правонарушения.

Любопытно, что Джеймс II обвинялся при этом не в полном ниспровержении законов и свобод Английского королевства, но лишь в *попытке* такого ниспровержения. Понятно, что только такая конструкция позволяла *удалить монарха от власти, сохранив монархию*, однако из-за нее обвинение короля в преступлениях становилось очень шатким: оно базировалась не на объективных фактах — последствиях преступлений, а на оценке действий короля, которая не могла не быть весьма субъективной. И приведенный ниже перечень действий, которые были вменены ему в вину, только подтверждал это.

* * *

¹ Some Paradoxes, presented for a New Years Gift by the old, to the new Orthodox, serving for an Index to the Revolution // *Mullett Ch. F. Some "Paradoxes" of the "Glorious Revolution"* // The Huntington Library Quarterly. 1947. Vol. 10. № 3. P. 317–322.

² В напечатанном в Лондоне в 1689 г. анонимном сочинении под названием «Ответ на две бумаги, называемые «Открытой речью лорда» и «Речью коммонера, в которой разбираются возражения против настоящего управления делами»» говорилось по поводу правила «king do not wrong»: «Эта максима была, наконец, лучше ограничена и понята. Король не может совершать правонарушений, то есть он не должен делать этого, он не обладает истинным полномочием совершать правонарушение, то есть поступать вопреки праву, а что есть право, как не закон; поскольку если он нарушит, что остается делать, как ни освободить от королевского звания. Все, чем является король, создает ему закон, которому он должен подчиняться» (An Answer to two Papers called, A Lords Speech Without-Doors, and A Commoners Speech, wherein The Objections against the Present Management of Affairs are Dissolved. London, 1689. P. 20).

Так, Джеймс II был обвинен лордами и общинами в том, что он присвоил и осуществлял «полномочия освобождения от действия законов (диспенсации), или приостановления законов, или приостановления исполнения законов, без согласия парламента»¹. Между тем правомочие диспенсации (*dispensing power*) было вполне легитимным правомочием короля, начиная с XIII века, со времен Генриха III. Его осуществление было, правда, ограничено определенными рамками. Король не имел права освобождать тех или иных лиц из-под действия закона, если это противоречило благу и безопасности общества и позволяло притеснять другого человека, он мог освободить кого-либо от ответственности только за преступления, затрагивавшие его собственные интересы, и т. д.². Его величество не мог совершать изъятия из *common law*, но только из статутов и, как правило, таких, которые относились к уголовному праву.

Вплоть до последнего десятилетия правления Елизаветы I осуществление английскими королями полномочия диспенсации не вызывало вопросов у парламента и со стороны общества. Статуты были во многом несовершенны, и данное полномочие позволяло королям хоть в какой-то степени нивелировать их недостатки. Елизавета же стала использовать его для создания привилегированных условий ведения предпринимательской деятельности особо приближенным к себе людям³. Поэтому постепенно правомочие короля изымать кого-то из-под действия законов стало восприниматься в качестве вредного для общественного блага. При Карле II и Джеймсе II негативное отношение общества к этому королевскому правомочию усилилось, вследствие того, что оно начало применяться для освобождения лиц, подозреваемых в приверженности к римско-католической вере, от принесения особой клятвы при занятии должностей в государственном управлении и в англиканской церкви. Однако применение королем полномочия диспенсации не становилось от этого незаконным,

¹ An Answer to two Papers called, A Lords Speech Without-Doors, and A Commoners Speech, wherein The Objections against the Present Management of Affairs are Dissolved. London, 1689. P. 20.

² См. об этом: *Edie C. A. Revolution and the Rule of Law: The End of the Dispensing Power, 1689 // Eighteenth-Century Studies. 1977. Vol. 10. № 4. P. 435.*

³ См. об этом: *Edie C. A. Tactics and Strategies: Parliament's Attack upon the Royal Dispensing Power 1597-1689 // The American Journal of Legal History. 1985. Vol. 29. № 3. P. 205–207.*

а потому неправомерным было представлять его в качестве действия, ведущего к ниспровержению законов.

* * *

Не вполне обоснованным было обвинение Джеймса II в том, что он собирал деньги «в пользу короны, на основании обманной прерогативы, в иное время и в ином порядке, чем это разрешено парламентом». В данном случае имелось в виду присвоение королем таможенных пошлин (customs) и акцизов (excises), право сбора которых было предоставлено парламентом его предшественнику на троне — Карлу II на все время жизни последнего. Джеймс II действительно собирал их без согласия парламента, но только в течение трех месяцев — с момента своего восшествия на престол и до созыва его первого парламента. Подобная ситуация, когда новый король в период до созыва своего первого парламента продолжал собирать таможенные пошлины, на которые было дано парламентаское разрешение его предшественнику на троне, была нормальной практикой и прежде не воспринималась в Англии как нарушение законов. Сбор же акцизов был впервые разрешен парламентом Карлу II, и для такого способа пополнения королевской казны прецедента еще не сложилось, но было очевидно, что по здравому смыслу в отношении данного вида сборов должно было действовать то же самое правило, которое применялось к таможенным пошлинам. Именно поэтому судьи, к которым Джеймс II обратился за разъяснением возникшей проблемы, вынесли решение (rule) о том, что до созыва первого парламента королю можно собирать акцизы так же, как и таможенные пошлины. Это судебное решение Джеймс объявил своей прокламацией для всеобщего сведения.

Настойчивое и последовательное стремление парламентариев лишить короля любых возможностей сбора налогов без их разрешения проистекало не только из их желания предотвратить увеличение налогового бремени на своих избирателей и родственников. Оно диктовалось еще и ясным сознанием того, что именно зависимость короля от парламента в вопросе пополнения казны придавала этому государственному органу статус влиятельной политической силы и заставляла его величество считаться с интересами представленных в нем политических группировок. Не случайно поэтому, что наиболее болезненно воспринимали какое-либо покушение на парламентаскую привилегию давать разрешение королю на сбор налогов

члены Палаты общин. Столкнувшись в мае 1689 года с возражениями лордов при обсуждении поправок в проект дополнительного акта к Акту о сборе подушного налога, они разразились следующим довольно резким заявлением: «Все деньги, субсидии и налоги, собираемые или обременяющие подданных в парламенте, являются даром и пожалованием общин в парламенте и предоставляются общинами в парламенте; и являются и всегда являлись и должны быть, по конституции, старинной процедуре и законам парламента, и на основании старинных и неоспоримых прав общин Англии, единственно и целиком даром, пожалованием и подарком общин в парламенте, и должны устанавливаться, рассчитываться, назначаться, собираться, платиться, взиматься и отдаваться для общественной службы и пользы правительства так, как общины укажут, ограничат, назначат и модифицируют их»¹.

* * *

Вопреки законам поступал Джеймс II тогда, когда формировал и содержал постоянную армию «в пределах королевства, в мирное время, без согласия парламента». При Карле II постоянные вооруженные формирования насчитывали 8500 человек, Джеймс довел их численность к осени 1688 года до 53 000. Но он спешил обзавестись насколько возможно большей армией для того, чтобы успешно противостоять хорошо обученным и лучше всех в Европе вооруженным нидерландским войскам, о готовящемся вторжении которых на территорию Британии у него были надежные сведения.

Все обвинения лордов и общин против короля, сформулированные в Декларации, ставшей частью Билля о правах, заняли тринадцать пунктов. После их изложения сообщалось, что, «так как Джеймс II отрекся от правления, а королевский трон стал поэтому свободным, его высочество принц Оранжский... по совету духовных и светских лордов и разных ведущих персон из общин, приказал, чтобы были написаны письма духовным и светским лордам протестантского вероисповедания и другие письма различным графствам, уни-

¹ Reasons for disagreeing with the Lords in the Amendment to the Bill, intituled, An additional Act to an Act, intituled, An Act for the raising Money by a Poll, and otherwise, towards the Reducing of Ireland // The Journals of the House of Commons. Vol. 10. P. 134.

верситетам, городам, бургам и пяти портам об избрании таких лиц для своего представительства, которые были вправе войти в состав парламента, собраться и заседать в Уэстминстере в 22-й день января в этот год 1688, для того, чтобы принять такое установление, при котором наша религия, законы и свободы не могли бы снова подвергнуться опасности ниспровержения; на основании этих писем были соответственно произведены выборы;

и посему указанные лорды духовные и светские и общины, в силу соответствующих писем и выборов, собравшись в настоящее время в качестве полного и свободного представительства этой нации, приняв самое серьезное рассмотрение наилучших средств достижения вышеуказанных целей, прежде всего (как это обыкновенно делали в подобном случае их предки) для восстановления и подтверждения своих старинных прав и свобод, единодушно заявляют...»¹.

После этих слов в рассматриваемом документе декларировались принципы и нормы, регулирующие осуществление ряда важнейших полномочий государственной власти. В частности, устанавливалось:

- 1) «Что притязание на полномочие приостанавливать законы или исполнение законов королевским повелением, без согласия парламента, является незаконным».
- 2) «Что притязание на полномочие освобождать кого-либо от действия законов королевским повелением так, как оно присваивалось и осуществлялось в недавнее время, является незаконным»².
- 3) «Что комиссия для создания последнего суда комиссионеров по церковным делам и все другие комиссии и суды подобной природы являются незаконными и пагубными».
- 4) «Что взимание денег для или в пользу короны, на основании обманной прерогативы, без разрешения парламента, в течение более долгого времени или в ином порядке, чем тот, который разрешен или будет разрешен, является незаконным».
- 5) «Что обращение к королю с петицией есть право подданных и все аресты и преследования за такое обращение являются незаконными».

¹ An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown. P. 68.

² Ibid. P. 69.

- 6) «Что формирование или содержание постоянной армии в пределах королевства в мирное время, если это не делается с согласия парламента, противно праву».
- 7) «Что подданные, являющиеся протестантами, могут иметь оружие для своей защиты, соответствующее их положению, и как это позволяется законом».
- 8) «Что выборы членов парламента должны быть свободными».
- 9) «Что свобода речи и дебатов, или деятельность в парламенте не должны быть поводом к импичменту или предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте вне парламента».
- 10) «Что ни чрезмерный залог не должен требоваться, ни чрезмерные штрафы налагаться, ни жестокие и необычные наказания назначаться».
- 11) «Что списки присяжных должны составляться и обновляться надлежащим образом, и присяжные, решающие судьбы людей в судебных процессах по делам о государственной измене, должны быть свободными держателями».
- 12) «Что все послабления и обещания послаблений относительно штрафов и конфискаций частным лицам до вынесения судебного приговора являются незаконными и недействительными».
- 13) «И что для удовлетворения всех обид и для исправления, упрочения и сохранения законов парламента должны созываться часто»¹.

В историко-правовой литературе конституционное значение приведенных статей видится обыкновенно в утверждении принципа «верховенства парламента». На самом деле английский парламента в результате юридического закрепления этих норм не превращался в самостоятельный законодательный орган. **Законодательная власть и после принятия Билля о правах оставалась исключительной прерогативой государственного органа под названием КОРОЛЬ–В–ПАРЛАМЕНТЕ.**

Следует заметить, что пункт Декларации о правах от 12/22 февраля 1688/1689 года, запретивший освобождать кого-либо от действия законов королевским повелением, без согласия парламента, был до-

¹ An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown. P. 69.

полнен в тексте Билля о правах следующей статьей: «И далее объявляется и узаконивается вышеуказанной властью, что начиная с этой и после этой сессии парламента никакое освобождение кого-либо от действия закона (диспенсация) посредством *non obstante* какого-либо из статутов или какой-то части его не будет дозволено; но такое будет считаться ничтожным и недействительным; за исключением диспенсации, дозволенной в самом статуте, и кроме диспенсации в таких случаях, которые будут специально предусмотрены одним или несколькими биллями, принятыми в течение настоящей сессии парламента»¹.

Выдвинутые в Декларации о правах обвинения против Джеймса II в попытках ниспровергнуть и искоренить протестантскую религию и законы и свободы Английского королевства были признаны основанием не только для объявления его отрекшимся от королевской власти, но и для возведения на освободившийся трон принца и принцессы Оранжских. Любопытно, что свой выбор именно их на роль носителей королевской власти лорды и общины объясняли в Декларации не родственными связями Уильяма с предшествовавшими ему королями², не наследственными правами Мэри Оранжской на трон своего отца, но, *во-первых*, тем, что именно его высочество принц Оранжский был сделан Всемогущим Богом «славным орудием освобождения этого королевства от папизма и произвольной власти»³; *во-вторых*, полной уверенностью лордов и общин, что принц Оранжский довершит это освобождение; *в-третьих*, что защитит английских подданных от нарушения их прав, подтвержденных указанной Декларацией; *в-четвертых*, предохранит их «от других покушений на их религию, права и свободы»⁴.

В Билле о правах признавалось, что их величества будут править, восседая «на троне своих предков (*upon the throne of their ancestors*)»⁵,

¹ An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown. P. 72–73.

² Уильям III был внуком английского короля Карла I, а его супруга Мэри приходилась королю-мученику внучкой.

³ An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown. P. 68.

⁴ Ibid. P. 69.

⁵ Ibid. P. 71.

но данный факт совсем не рассматривался в качестве основания их восшествия на английский королевский трон. Из содержания «Акта, декларирующего права и свободы подданного и устанавливающего наследование короны», вытекало, что Уильям III и Мэри II стали королем и королевой не на основании божественного права, по которому становились королями их предшественники, но исключительно по выбору лордов и общин. Так, в статье, следующей сразу за текстом вставленной в него Декларации о правах, отмечалось, что их величества, Уильям и Мэри Оранжские, «приняли корону и королевское достоинство королевств Англии, Франции и Ирландии, и владений им принадлежащих, согласно *резолуции и желанию указанных лордов и общин*, выраженных в упомянутой Декларации»¹ (курсив мой. — В. Т.). И вместе с тем проводилась мысль о том, что упрочение религии, законов и свобод Англии, а также спасение их от угроз оказаться в будущем снова ниспровергнутыми станет задачей парламента, который примет для этого, «с королевского согласия их величеств», юридически обязывающее постановление².

В качестве одного из главных способов спасения религии, законов и свобод английских подданных стало закрепление в Билле о правах запрета наследовать корону и осуществлять королевскую власть лицам, примирившимся или поддерживавшим общение с римской церковью, или исповедовавшим папскую веру, или состоявшим в браке с папистом или папистской. Народ Английского королевства освобождался во всех таких случаях от присяги на верность королевской особе, и корона переходила в обладание и пользование лица, являющегося протестантом, которое должно было бы унаследовать ее и пользоваться ею в случае, если бы король, примирившийся или поддерживавший общение с римской церковью, или исповедовавший папскую веру или состоявший в браке с папистом или папистской, умер.

¹ An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown. P. 70.

² В оригинале эта мысль изложена следующим образом: «And thereupon their Majesties were pleased that the said Lords Spiritual and Temporal and Commons, being the two Houses of Parliament, should continue to sit, and with their Majesties' royal concurrence make effectual provision for the settlement of the religion, laws and liberties of this kingdom, so that the same for the future might not be in danger again of being subverted, to which the said Lords Spiritual and Temporal and Commons did agree, and proceed to act accordingly» (ibidem).

Данная статья Билля о правах изменяла на прямо противоположное существовавшее прежде положение, когда религия короля определяла, какая религия в стране является главенствующей: теперь было узаконено, что *главенствующая в стране религия определяет религию короля*.

Объясняя причину установления нормы, запрещающей наследование и осуществление королевской власти в Англии папистам, Джон Гэмпден¹ и Джон Вильдмэн писали: «Чтобы понять истину того, что было изменено последним парламентом, что «несовместимо с безопасностью этого протестантского королевства управляться папистом», к этому следует добавить только, что когда наш монарх действительно является папистом, он обязан принципами своей религии предпринимать самые крайние меры для подчинения своих подданных папской юрисдикции»².

Билль о правах не просто исключал возможность перехода королевского трона к лицу католического вероисповедания, но и закреплял его за лицами протестантской веры. В тексте Декларации о правах, являвшейся неотъемлемой его частью, устанавливалось, что по кончине принца и принцессы Оранжских³ корона и королевский сан переходили к нисходящим наследникам Мэри, а за их отсутствием к ее родной сестре принцессе Анне Датской и ее прямым наследникам, а в случае их отсутствия — к прямым наследникам принца Оранжского. Такой порядок наследования английской короны был еще раз закреплен в тексте собственно Билля о правах. При этом к его описанию было добавлено, что «лорды духовные и светские и общины от имени всего вышеупомянутого народа навсегда наипокорнейше и честно подчиняются ему за себя, за своих наследников и потомков и честно обещают, что отстаивать, поддерживать и защищать указанные их величества, и также указанное и изложенное здесь ограничение наследования короны, всеми своими силами, не щадя своих

¹ Джон Гэмпден (*John Hampden*, 1653–1696) — член Конвента, сын Ричарда Гэмпдена (1631–1695).

² *Hampden J., Wildman J. & Defence of the Proceedings of Late Parliament of England, An 1689 // A Collection of State Tracts, published on occasion of the Late Revolution in 1688 and during the Reign of King William III. London, 1705. Vol. 1. P. 215.*

³ Королева Мэри II, принцесса Оранжская, скончалась 28 декабря / 7 января 1694/1695 г. в возрасте 32 лет. Король Уильям III умер 8/18 марта 1701/1702 г. в возрасте 51 года.

жизней и имущества, против всех каких бы то ни было лиц, которые предпримут что-либо сему противное»¹.

* * *

В тексте Декларации о правах закреплялась своеобразная конструкция королевской власти. Ее носителями объявлялись одновременно две физические персоны — принц и принцесса Оранжевые. По смерти кого-либо из них, тот, кто оставался на этом свете, продолжал править один. Но при жизни принца и принцессы практическое осуществление королевской власти от имени их обоих, причем исключительное и полное осуществление, передавалось одному принцу Оранжевому².

Эта норма была повторена в тексте собственно Билля о правах, но с небольшими изменениями. Принц Оранжевый, ставший его величеством, получал право осуществлять от имени себя и супруги не только «королевскую власть (*regal power*)», но и «управление (*government*)»³. При этом если в Декларации характер осуществления Уильямом королевской власти описывался терминами «*sole and full* (исключительный и полный)», то в собственно Билле о правах осуществление им королевской власти и управления должно было являться «*entire, perfect and full* (безраздельным, совершенным и полным)»⁴.

Кроме того, в последнем варианте рассматриваемой нормы было добавлено объяснение причины, по которой лорды и общины сочли целесообразным передать осуществление королевской власти одному из двух ее носителей. Это было сделано, как отмечено в первой фразе статьи, «для предупреждения всяких сомнений и разногласий в этом королевстве из-за каких-либо фальшивых прав на корону»⁵.

¹ An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown. P. 71–72.

² В Декларации о правах эта норма была сформулирована следующей фразой: «And that the sole and full exercise of the regal power be only in and executed by the said prince of Orange in the names of the said prince and princess during their joint lives» (*ibid.* P. 69).

³ *Ibid.* P. 71.

⁴ *Ibidem.*

⁵ «And for preventing all questions and divisions in this realm by reason of any pretended titles to the crown» (*Ibidem*).

Историки, изучающие «славную революцию», до сих пор спорят о том, что было изменено ею в Английском государстве: сменила она только монарха или же переменяла вместе с ним и саму монархию? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно посмотреть на конструкцию королевской власти, закрепленную сначала в Декларации, принятой Конвентом 12/22 февраля 1688/1689 года, а затем в Билле о правах, вступившем в юридическую силу 16/26 декабря 1689 года.

С точки зрения традиционной конституции Англии законными правами на королевский трон, если допустить, что он действительно оказался свободным, могла обладать только Мэри, принцесса Оранжская: она являлась старшей дочерью короля Джеймса II и до рождения у него сына официально считалась наследницей английской короны. Супруг же ее, принц Оранжский, если и мог предъявить по действовавшей в то время английской конституции какие-либо права на эту корону, то исключительно фальшивые. И провозгласив принцессу Оранжскую настоящей королевой, юридической носительницей королевской власти под именем Мэри II — а не всего лишь королевой-супругой короля — лорды и общины признали наличие у нее законного права на английскую корону. Повторно такое признание они сделали, объявив о том, что в случае смерти принца и принцессы Оранжских и отсутствия у Мэри II потомства, корона и королевский сан перейдут к принцессе Анне Датской. Любопытно, что по установленному в Декларации о правах и подтвержденному Биллем о правах порядку наследования короны она переходила к принцессе Анне даже в том случае, когда у принца Оранжского оставались после его смерти сын или дочь, рожденные от него не Мэри, а другой его супругой. Более того, это последнее правило наследования короны было включено в Декларации по настоянию именно принца Оранжского. Принцесса Анна Датская являлась второй по старшинству дочерью Джеймса II и включение ее в число наследников английской короны, да еще с указанным преимуществом перед принцем Оранжским есть еще одно свидетельство того, что нормы традиционной английской конституции о наследовании королевского престола сохраняли в глазах парламентариев и принца Оранжского свою силу.

А отсюда вытекает, в свою очередь, что конструкция королевской власти, закрепленная в Декларации и Билле о правах, согласно которой королева Мэри II оказывалась только носительницей королевского титула, а осуществление королевской власти и управления

отдавалось одному принцу Оранжскому, выходила за рамки английской конституции, то есть создавала новую монархию.

В Билле о правах отмечалось, что королевская власть и управление должны осуществляться принцем Оранжским от имени обоих их величеств, но это совсем не означало, что король и королева имели одинаковый статус. Когда Уильям III покидал Англию, отправляясь на войну с Францией, его супруга Мэри II не автоматически брала на себя осуществление королевской власти и управления, а на основании специально издававшегося по этому случаю билля о регентстве. В 1690–1694 годах Уильям III провел за пределами Англии в общей сложности три года, и все это время Мэри II правила не как полновластная королева Англии, но всего лишь в качестве регента.

Ее пониженный по сравнению с мужем Уильямом статус был подчеркнут и при коронации, состоявшейся 11/21 апреля 1689 года. Церемония данной коронации была разработана таким образом, чтобы, с одной стороны, отличить Мэри от обыкновенной супруги короля, а с другой — продемонстрировать, кто из двух официальных носителей королевской власти является настоящим. Мэри не стояла на коленях перед Высоким Алтарем, получая корону, как это должны были делать королевы-супруги, но сидела на специально изготовленном для этого действия коронационном троне¹. И королевский скипетр, «символ королевской власти и правосудия» был вручен Уильяму и Мэри обоим². Однако накидку, сшитую из золотых нитей, набросили на шею только Уильяму³, он первым был помазан на королевство⁴, шпоры прикладывались к пяткам одному ему⁵, мечом опоясан был он один⁶. И, наконец, именно его первым короновали⁷.

Действовавшая до «славной революции» юридическая конструкция королевской власти не предполагала периода междуцарствия (*interregnum*) при смене одного монарха на другого. Эдуард Кук, выступая в 1608 году по делу Роберта Кальвина, говорил: «Всеми су-

¹ См.: *Legg J. W. Three Coronation Orders*. London, 1900. P. 21.

² *Ibid.* P. 25.

³ *Ibid.* P. 5.

⁴ *Ibid.* P. 21.

⁵ *Ibid.* P. 22.

⁶ *Ibid.* P. 23.

⁷ *Ibid.* P. 26.

дьями Англии было ясно решено, что лично по своему происхождению его величество является полностью и совершенно королем, без какой-либо необходимой церемонии или акта, который должен совершаться *ex post facto*; и коронация есть не что иное, как королевское украшение и показное празднование происхождения. И это очевидно доказывается бесчисленными прецедентами и книгами судебных дел..., которыми явно показывается, что по законам Англии не может быть *interregnum*»¹.

Начало же правления Уильяма III и Мэри II датировалось 13/23 февраля 1688/1689 года, то есть с момента их провозглашения королем и королевой прокламацией Конвента. Это означало, что в их случае *interregnum* — вопреки законам Англии — был.

Таким образом, Декларация лордов и общин, принятая 12/22 февраля 1688/1689 года, и Билль о правах, ставший законом 16/26 декабря 1689 года, идеологически и юридически оформили новую конструкцию единоличной королевской власти — новую монархию.

В результате «славной революции» Англии сохранилось традиционное устройство верховной власти: ее по-прежнему воплощал король-в-парламенте. Однако значение парламента в этой связке явно возросло: он стал, в сущности, постоянно действующим органом. Норма о том, что парламент должен созываться достаточно часто и законодательные гарантии, обеспечивающие это, потеряли прежнее значение: актуальным стало теперь ограничение срока его полномочий.

Королевская власть, напротив, утратила прежнее свое значение. Билль о правах почти не ограничил королевские полномочия: он, за редким исключением, лишь подтвердил те ограничения, которые с давних времен опутывали английского короля. Ослабление значе-

¹ «But it was clearly resolved by all the judges of England, that presently by the descent his majesty was completely and absolutely king, without any essential ceremony or act to be done *ex post facto*; and that coronation was but a royal ornament, and outward solemnization of the descent. And this appeareth evidently by infinite precedents and book-cases... by which it manifestly appeareth that by the Laws of England there can be no *interregnum*» (The case of the postnati, or of the union of the Realm of Scotland with England. Trin. 6 James I. A. D. 1608 // A Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanors from the earliest period to the Year of 1783. With notes and other illustrations compiled by T. B. Howell. In twenty-one volumes. London, 1816. Vol. 2. Col. 626).

§ 2. Конституционное значение Билля о правах

ния королевской власти произошло во многом вследствие того, что конструкция монархии, закреплённая Биллем о правах, выходила за рамки традиционной английской конституции. Статус короля и королевские прерогативы остались в целом прежними: они определялись законами, прецедентами, правовыми обычаями, но в большей мере — вековой политической и правовой традицией осуществления в Англии монархической власти. Однако в результате «славной революции» непосредственная связь короля с этой традицией оказалась разорванной. Уильям III получил королевский титул не по наследству, не по божественному праву, а на основании решений Конвента — органа, который не имел полномочия принимать акты, имеющие юридическую силу. Он придавал большое значение своему коронованию, полагая, что его процедура сделает его легитимным властителем. Но по английскому праву коронация не имела никакого юридического значения, но была всего лишь красивой церемонией, а день ее — просто праздником.

Легитимность принца Оранжевого как английского короля держалась всего лишь на одном акте — Билле о правах. Но подобное значение этот документ получал и для всех преемников Уильяма III на королевском троне. Таким образом, в результате «славной революции» в Англии возникла принципиально новая монархия, а именно:

МОНАРХИЯ БИЛЛЯ О ПРАВАХ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**An Act
declaring the Rights and Liberties
of the Subject, and the Settling
the Succession of the Crown
(Bill of Rights)
16/26 декабря 1689 года**

Whereas the Lords Spiritual and Temporal and Commons assembled at Westminster, lawfully, fully and freely representing all the estates of the people of this realm, did upon the thirteenth day of February in the year of our Lord one thousand six hundred eighty-eight present unto their Majesties, then called and known by the names and style of William and Mary, prince and princess of Orange, being present in their proper persons, a certain declaration in writing made by the said Lords and Commons in the words following, viz.:

Whereas the late King James the Second, by the assistance of divers evil counsellors, judges and ministers employed by him, did endeavour to subvert and extirpate the Protestant religion and the laws and liberties of this kingdom:

**Акт,
декларирующий права и свободы
подданного и устанавливающий
наследование короны
(Билль о правах)
16/26 декабря 1689 года**

Перевод В. А. Томсинова

Принимая во внимание, что лорды духовные и светские и общины, собравшиеся в Уэстминстере, законно, полно и свободно представляющие все сословия народа этого королевства, в тринадцатый день февраля в году от рождения Христова одна тысяча шестьсот восемьдесят восьмом, представили их величествам, тогда называвшимся и известным под именами и титулом Уильяма и Мэри, принца и принцессы Оранжевых, присутствовавшим своими собственными персонами некоторую декларацию в письменном виде, составленную указанными лордами и общинами в нижеследующих словах, а именно:

Принимая во внимание, что последний король Джеймс Второй, при содействии различных злых советников, судей и министров, состоявших у него на службе, пытался ниспровергнуть и искоренить протестантскую религию и законы и свободы этого королевства:

Приложение

1. By assuming and exercising a power of dispensing with and suspending of laws and the execution of laws without consent of Parliament;
2. By committing and prosecuting divers worthy prelates for humbly petitioning to be excused from concurring to the said assumed power;
3. By issuing and causing to be executed a commission under the great seal for erecting a court called the Court of Commissioners for Ecclesiastical Causes;
4. By levying money for and to the use of the Crown by pretence of prerogative for other time and in other manner than the same was granted by Parliament;
5. By raising and keeping a standing army within this kingdom in time of peace without consent of Parliament, and quartering soldiers contrary to law;
6. By causing several good subjects being Protestants to be disarmed at the same time when papists were both armed and employed contrary to law;
7. By violating the freedom of election of members to serve in Parliament;
1. Посредством присвоения и осуществления полномочия освобождать от действия закона (диспенсации) и полномочия приостанавливать законы и исполнение законов без согласия парламента;
2. Посредством заключения под стражу и преследования различных достойных прелатов за подачу почтенного прошения об освобождении от сотрудничества в осуществлении указанного присвоенного полномочия;
3. Посредством издания и принуждения к исполнению предписания, скрепленного большой печатью, о создании суда, называемого «суд комиссионеров по церковным делам»;
4. Посредством сбора денег для и в пользу короны на основании обманной prerogative, за иное время и в ином порядке, чем это было разрешено парламентом;
5. Посредством формирования и содержания постоянной армии в пределах королевства, в мирное время, без согласия парламента, и размещения солдат на постой вопреки закону;
6. Посредством принуждения нескольких добрых подданных, являвшихся протестантами, к разоружению, в то самое время, когда паписты были как вооруженными, так и состоявшими на службе вопреки закону;
7. Посредством нарушения свободы выборов членов парламента;

Приложение

8. By prosecutions in the Court of King's Bench for matters and causes cognizable only in Parliament, and by divers other arbitrary and illegal courses;

9. And whereas of late years partial corrupt and unqualified persons have been returned and served on juries in trials, and particularly divers jurors in trials for high treason which were not freeholders;

10. And excessive bail hath been required of persons committed in criminal cases to elude the benefit of the laws made for the liberty of the subjects;

11. And excessive fines have been imposed;

12. And illegal and cruel punishments inflicted;

13. And several grants and promises made of fines and forfeitures before any conviction or judgment against the persons upon whom the same were to be levied;

All which are utterly and directly contrary to the known laws and statutes and freedom of this realm;

And whereas the said late King James the Second having abdicated the government and the throne being

8. Посредством преследования в Суде Королевской скамьи по предметам и делам, подлежащим исключительному ведению парламента, и путем осуществления других произвольных и незаконных процедур;

9. И так как в последние годы пристрастные, коррумпированные и неквалифицированные лица снова оказывались в списках присяжных и служили в судах; и в частности, в судебных процессах по делам о государственной измене участвовали различные присяжные, которые не были свободными держателями;

10. И требовались чрезмерные залогов от лиц, арестованных по уголовным делам, в обход законов, изданных для свободы подданных;

11. И налагались чрезмерные штрафы;

12. И назначались незаконные и жестокие наказания;

13. И было сделано несколько послаблений и обещаний послаблений по штрафам и конфискациям до осуждения или вынесения судебного приговора лицам, которые должны были им подвергнуться;

все это является полностью и прямо противоречащим известным законам и статутам, и свободе этого королевства;

И так как упомянутый король Джеймс Второй отрекся от правления, и трон поэтому оказался сво-

thereby vacant, his Highness the prince of Orange (whom it hath pleased Almighty God to make the glorious instrument of delivering this kingdom from popery and arbitrary power) did (by the advice of the Lords Spiritual and Temporal and divers principal persons of the Commons) cause letters to be written to the Lords Spiritual and Temporal being Protestants, and other letters to the several counties, cities, universities, boroughs and cinque ports, for the choosing of such persons to represent them as were of right to be sent to Parliament, to meet and sit at Westminster upon the two and twentieth day of January in this year one thousand six hundred eighty and eight, in order to such an establishment as that their religion, laws and liberties might not again be in danger of being subverted, upon which letters elections having been accordingly made;

And thereupon the said Lords Spiritual and Temporal and Commons, pursuant to their respective letters and elections, being now assembled in a full and free representative of this nation, taking into their most serious consideration the best means for attaining the ends aforesaid, do in the first place (as their ancestors in like case have usually done) for the vindicating and asserting their ancient rights and liberties declare:

1. That the pretended power of suspending the laws or the execution of

бодным, его высочество принц Оранжский (которого всемогущий Бог соблаговолил сделать славным инструментом освобождения этого королевства от папства и произвольной власти), приказал (по совету духовных и светских лордов и разных ведущих лиц из общин), чтобы были написаны письма духовным и светским лордам протестантского вероисповедания и другие письма различным графствам, городам, университетам, бургам и пяти портам об избрании таких лиц для своего представительства, которые были вправе войти в состав парламента, собраться и заседать в Уэстминстере в 22-й день января в этот год 1688, для того, чтобы принять такое установление, при котором наша религия, законы и свободы не могли бы снова подвергнуться опасности ниспровержения, и соответственно на основании этих писем были произведены выборы;

И посему указанные лорды духовные и светские и общины, собравшись в настоящее время, в соответствии с упомянутыми письмами и выборами, в качестве полного и свободного представительства этой нации, приняв наисерьезнейшее рассмотрение наилучших средств достижения вышеуказанных целей, прежде всего (как это обыкновенно делали в подобном случае их предки) для восстановления и подтверждения своих старинных прав и свобод единодушно заявляют:

1. Что притязание на полномочие приостановления законов или ис-

Приложение

laws by regal authority without consent of Parliament is illegal;

2. That the pretended power of dispensing with laws or the execution of laws by regal authority, as it hath been assumed and exercised of late, is illegal;

3. That the commission for erecting the late Court of Commissioners for Ecclesiastical Causes, and all other commissions and courts of like nature, are illegal and pernicious;

4. That levying money for or to the use of the Crown by pretence of prerogative, without grant of Parliament, for longer time, or in other manner than the same is or shall be granted, is illegal;

5. That it is the right of the subjects to petition the king, and all commitments and prosecutions for such petitioning are illegal;

6. That the raising or keeping a standing army within the kingdom in time of peace, unless it be with consent of Parliament, is against law;

7. That the subjects which are Protestants may have arms for their defence suitable to their conditions and as allowed by law;

8. That election of members of Parliament ought to be free;

полнения законов королевским повелением, без согласия парламента, является незаконным;

2. Что притязание на полномочие освобождения от действия законов (диспенсации) или от исполнения законов королевским повелением, без согласия парламента, является незаконным;

3. Что комиссия для создания последнего суда комиссионеров по церковным делам и все другие комиссии и суды подобной природы являются незаконными и пагубными;

4. Что сбор денег для или в пользу короны, на основании обманной прерогативы, без разрешения парламента, в течение более долгого времени или в ином порядке, чем тот, который разрешен или будет разрешен, является незаконным;

5. Что обращение к королю с петицией есть право подданных, и все аресты и преследования за такое обращение являются незаконными;

6. Что формирование или содержание постоянной армии в пределах королевства в мирное время, если это не делается с согласия парламента, противоречит закону;

7. Что подданные, являющиеся протестантами, могут приобретать и хранить оружие для своей защиты, соответствующее их положению и так, как разрешено законом;

8. Что выборы членов парламента должны быть свободны;

Приложение

9. That the freedom of speech and debates or proceedings in Parliament ought not to be impeached or questioned in any court or place out of Parliament;

10. That excessive bail ought not to be required, nor excessive fines imposed, nor cruel and unusual punishments inflicted;

11. That jurors ought to be duly impanelled and returned, and jurors which pass upon men in trials for high treason ought to be freeholders;

12. That all grants and promises of fines and forfeitures of particular persons before conviction are illegal and void;

13. And that for redress of all grievances, and for the amending, strengthening and preserving of the laws, Parliaments ought to be held frequently.

And they do claim, demand and insist upon all and singular the premises as their undoubted rights and liberties, and that no declarations, judgments, doings or proceedings to the prejudice of the people in any of the said premises ought in any wise to be drawn hereafter into consequence or example.

To which demand of their rights they are particularly encouraged by the declara-

9. Что свобода слова и дебатов, или деятельность в парламенте не должны быть поводом к импичменту или предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте вне парламента;

10. Что ни чрезмерный залог не должен требоваться, ни чрезмерные штрафы налагаться, ни жестокие и необычные наказания назначаться;

11. Что списки присяжных должны составляться и обновляться надлежащим образом, и присяжные, решающие судьбы людей в судебных процессах по делам о государственной измене, должны быть свободными держателями;

12. Что все послабления и обещания послаблений относительно штрафов и конфискаций частным лицам до вынесения судебного приговора являются незаконными и недействительными;

13. И что для удовлетворения всех обид и для исправления, упрочения и сохранения законов парламенты должны созываться часто;

И они утверждают, требуют и настаивают на всех и отдельных пунктах как на своих несомненных правах и свободах; и что никакие декларации, приговоры, поступки или действия в ущерб народу в каком-либо из указанных пунктов не должны каким-либо образом вылиться в будущем в последствие или пример;

К такому требованию своих прав их в особенности побуждает Деклара-

tion of his Highness the prince of Orange as being the only means for obtaining a full redress and remedy therein.

Having therefore an entire confidence that his said Highness the prince of Orange will perfect the deliverance so far advanced by him, and will still preserve them from the violation of their rights which they have here asserted, and from all other attempts upon their religion, rights and liberties.

II. The said Lords Spiritual and Temporal and Commons assembled at Westminster do resolve that William and Mary, prince and princess of Orange, be and be declared king and queen of England, France and Ireland and the dominions thereunto belonging, to hold the crown and royal dignity of the said kingdoms and dominions to them, the said prince and princess, during their lives and the life of the survivor to them, and that the sole and full exercise of the regal power be only in and executed by the said prince of Orange in the names of the said prince and princess during their joint lives, and after their deceases the said crown and royal dignity of the same kingdoms and dominions to be to the heirs of the body of the said princess, and for default of such issue to the Princess Anne of Denmark and the heirs of her body, and for default of such issue to the heirs of the body of the said prince of Orange. And the Lords Spiritual and Temporal and Commons do pray the said prince and princess to accept the same accordingly.

ция его высочества принца Оранжского, поскольку это требование является единственным средством для достижения полного исправления и устранения означенных в ней зол.

Имея поэтому полную уверенность, что его высочество принц Оранжский довершит освобождение, так далеко уже продвинутое им; и все же защитит их от нарушения их прав, которые они здесь декларировали, и от всех других посягательств на их религию, законы и свободы;

II. Указанные лорды духовные и светские и общины, собравшиеся в Уэстминстере, постановляют, что Уильям и Мэри, принц и принцесса Оранжские являются и объявляются королем и королевой Англии, Франции и Ирландии и владений, им принадлежащих; так чтобы корона и королевское достоинство названных королевств и владений принадлежала им, указанным принцу и принцессе, в течение их жизней и жизни того из них, кто переживет другого; и чтобы управление правительством пребывало бы только в упомянутом принце Оранжском и осуществлялось им от имени упомянутых принца и принцессы, в течение их совместной жизни; а после их кончины указанная корона и королевское достоинство названных королевств и владений должны перейти к наследникам по прямой линии упомянутой принцессы; а при отсутствии такого потомства, к принцессе Анне Датской и ее прямым наследникам; а при отсутствии такого потомства, к прямым наследникам

Приложение

упомянутого принца Оранжского. И соответственно лорды духовные и светские и общины просят упомянутых принца и принцессу Оранжских принять это.

III. And that the oaths hereafter mentioned be taken by all persons of whom the oaths have allegiance and supremacy might be required by law, instead of them; and that the said oaths of allegiance and supremacy be abrogated.

III. И что присяга, упомянутая здесь, должна приноситься всеми лицами, от которых могла потребоваться по закону присяга на верность и верховенство, вместо нее: и что указанная присяга на верность и верховенство должна быть отменена.

I, A.B., do sincerely promise and swear that I will be faithful and bear true allegiance to their Majesties King William and Queen Mary. So help me God.

Я, А. Б., чистосердечно обещаю и клянусь, что буду верным и пребывать в истинной преданности к их величествам королю Уильяму и королеве Мэри. Да поможет мне в этом Бог.

I, A.B., do swear that I do from my heart abhor, detest and abjure as impious and heretical this damnable doctrine and position, that princes excommunicated or deprived by the Pope or any authority of the see of Rome may be deposed or murdered by their subjects or any other whatsoever. And I do declare that no foreign prince, person, prelate, state or potentate hath or ought to have any jurisdiction, power, superiority, pre-eminence or authority, ecclesiastical or spiritual, within this realm. So help me God.

Я, А. Б., клянусь, что от всего сердца ненавижу, проклинаю и отвергаю, как нечестивое и еретическое, то отвратительное учение и положение, что монархи, отлученные от церкви и осужденные попом или какой-нибудь властью римского престола, могут быть свергаемы или убиваемы своими подданными, или подвергаемы чему-либо другому: и я объявляю, что никакие иностранные монарх, особа, прелат, государство или властелин не имеют или не должны иметь какой-либо юрисдикции, полномочий, верховенства или власти церковной или духовной в пределах этого королевства. Да поможет мне в этом Бог.

IV. Upon which their said Majesties did accept the crown and royal dignity of the kingdoms of England, France and

IV. После чего их величества приняли корону и королевское достоинство королевств Англии, Франции

Ireland, and the dominions thereunto belonging, according to the resolution and desire of the said Lords and Commons contained in the said declaration.

V. And thereupon their Majesties were pleased that the said Lords Spiritual and Temporal and Commons, being the two Houses of Parliament, should continue to sit, and with their Majesties' royal concurrence make effectual provision for the settlement of the religion, laws and liberties of this kingdom, so that the same for the future might not be in danger again of being subverted, to which the said Lords Spiritual and Temporal and Commons did agree, and proceed to act accordingly.

VI. Now in pursuance of the premises the said Lords Spiritual and Temporal and Commons in Parliament assembled, for the ratifying, confirming and establishing the said declaration and the articles, clauses, matters and things therein contained by the force of law made in due form by authority of Parliament, do pray that it may be declared and enacted that all and singular the rights and liberties asserted and claimed in the said declaration are the true, ancient and indubitable rights and liberties of the people of this kingdom, and so shall be esteemed, allowed, adjudged, deemed and taken to be; and that all and every the particulars aforesaid shall be firmly and strictly holden and observed as they are expressed in the said declaration, and all officers and ministers whatsoever shall serve their Majesties and their succes-

и Ирландии, и владений им принадлежащих, согласно резолюции и желанию указанных лордов и общин, выраженных в упомянутой Декларации.

V. И вслед за тем их величества соизволили, чтобы указанные лорды духовные и светские и общины, будучи двумя палатами парламента, продолжали бы заседать и составили бы, с согласия их королевских величеств, эффективное постановление для упрочения религии, законов и свобод этого королевства, так чтобы они не могли бы в будущем снова оказаться в опасности быть ниспровергнутыми, на что указанные лорды духовные и светские и общины согласились и продолжили действовать соответствующим образом.

VI. Ныне, во исполнение вышеизложенного, указанные лорды духовные и светские и общины, собравшиеся в парламенте для утверждения, подтверждения и подкрепления указанной декларации и статей, пунктов, фактов и предметов, в ней содержащихся силой закона, изданного в надлежащей форме властью парламента, просят, чтоб было объявлено и узаконено, что все и отдельные права и свободы, подтверждаемые и требуемые в указанной декларации являются истинными, старинными и несомненными правами и свободами народа этого королевства, и таковыми должны почитаться, признаваться, присуждаться, считаться и приниматься; и что все и каждая из вышеприведенных статей должна твердо и строго исполняться и со-

sors according to the same in all time to come.

VII. And the said Lords Spiritual and Temporal and Commons, seriously considering how it hath pleased Almighty God in his marvellous providence and merciful goodness to this nation to provide and preserve their said Majesties' royal persons most happily to reign over us upon the throne of their ancestors, for which they render unto him from the bottom of their hearts their humblest thanks and praises, do truly, firmly, assuredly and in the sincerity of their hearts think, and do hereby recognize, acknowledge and declare, that King James the Second having abdicated the government, and their Majesties having accepted the crown and royal dignity as aforesaid, their said Majesties did become, were, are and of right ought to be by the laws of this realm our sovereign liege lord and lady, king and queen of England, France and Ireland and the dominions thereunto belonging, in and to whose princely persons the royal state, crown and dignity of the said realms with all honours, styles, titles, regalities, prerogatives, powers, jurisdictions and authorities to the same belonging and appertaining are most fully, rightfully and entirely invested and incorporated, united and annexed.

блюдаться в том виде, как они выражены в указанной декларации, и все какие бы то ни было должностные лица и министры должны отправлять службу их величествам и их наследникам в соответствии с этими статьями во все времена, которые придут.

VII. И указанные лорды духовные и светские и общины, со всей серьезностью принимая во внимание, что Всемогущему Богу в его дивном провидении и милосердной благодати к этой нации угодно было, к величайшему счастью, предызбрать и охранить королевские особы их величеств для того, чтобы они правили над нами на троне своих предков, за это они шлют ему из глубины своих сердец смиреннейшие благодарения и хвалы, искренне, твердо, несомненно и в откровенности своих сердец полагают и поэтому признают, удостоверяют и объявляют, что вследствие отречения короля Джеймса Второго от правления и принятия их величествами короны и королевского достоинства, как было выше сказано, упомянутые их величества стали, были, являются и по праву должны быть, в силу законов этого королевства, нашими верховными сеньорами, господином и госпожой, королем и королевой Англии, Франции и Ирландии и владений, им принадлежащих, и в их монарших особах наиболее полно, полноправно и всецело воплощены и заключены, соединены и сосредоточены королевский статус, корона и достоинство указанных королевств со всеми принадлежащими и

VIII. And for preventing all questions and divisions in this realm by reason of any pretended titles to the crown, and for preserving a certainty in the succession thereof, in and upon which the unity, peace, tranquillity and safety of this nation doth under God wholly consist and depend, the said Lords Spiritual and Temporal and Commons do beseech their Majesties that it may be enacted, established and declared, that the crown and regal government of the said kingdoms and dominions, with all and singular the premises thereunto belonging and appertaining, shall be and continue to their said Majesties and the survivor of them during their lives and the life of the survivor of them, and that the entire, perfect and full exercise of the regal power and government be only in and executed by his Majesty in the names of both their Majesties during their joint lives; and after their deceases the said crown and premises shall be and remain to the heirs of the body of her Majesty, and for default of such issue to her Royal Highness the Princess Anne of Denmark and the heirs of the body of his said Majesty; and thereunto the said Lords Spiritual and Temporal and Commons do in the name of all the people aforesaid most humbly and faithfully submit themselves, their heirs and posterities for ever, and do faithfully promise that they will stand to, maintain and defend their said Majesties, and also the limitation and succession of the crown herein specified and

свойственными им почестями, званиями, титулами, регалиями, прерогативами, полномочиями, юрисдикциями и правами.

VIII. И для предупреждения всяких сомнений и разногласий в этом королевстве из-за каких-либо фальшивых прав на корону и для сохранения определенности в ее наследовании, в которой целиком заключается и от которой зависит единство, мир, спокойствие и безопасность этой нации, пребывающей под Богом, лорды духовные и светские и общины умоляют их величества, чтобы могло быть узаконено, установлено и объявлено, что корона и королевское правление указанных королевств и владений, со всеми и отдельными недвижимостями им принадлежащими и к ним относящимися, должны быть и оставаться у названных их величеств и у того из них, кто переживет другого, в течение их жизней и жизни того из них, кто переживет другого, и что безраздельное, совершенное и полное осуществление королевской власти и правления должно быть только в его величестве и исполняться от имени обоих их величеств, в течение их совместной жизни; и после их кончины указанная корона со всем ей принадлежащим должна быть и оставаться у прямых наследников ее величества, а при отсутствии такого потомства ее королевскому высочеству принцессе Анне Датской и прямым наследникам упомянутого его величества; и этому порядку указанные лорды духовные и светские и общины от имени всего вышеупомянутого народа навсегда наипокорнейше

contained, to the utmost of their powers with their lives and estates against all persons whatsoever that shall attempt anything to the contrary.

IX. And whereas it hath been found by experience that it is inconsistent with the safety and welfare of this Protestant kingdom to be governed by a popish prince, or by any king or queen marrying a papist, the said Lords Spiritual and Temporal and Commons do further pray that it may be enacted, that all and every person and persons that is, are or shall be reconciled to or shall hold communion with the see or Church of Rome, or shall profess the popish religion, or shall marry a papist, shall be excluded and be for ever incapable to inherit, possess or enjoy the crown and government of this realm and *Ireland* and the dominions thereunto belonging or any part of the same, or to have, use or exercise any regal power, authority or jurisdiction within the same; and in all and every such case or cases the people of these realms shall be and are hereby absolved of their allegiance; and the said crown and government shall from time to time descend to and be enjoyed by such person or persons being Protestants as should have inherited and enjoyed the same in case the said person or persons so reconciled, holding communion or professing or marrying as aforesaid were naturally dead.

и честно подчиняются за себя, за своих наследников и потомков и честно обещают, что будут отстаивать, поддерживать и защищать указанные их величества, и также указанное и изложенное здесь ограничение наследования короны, всеми своими силами, не щадя своих жизней и имущества, против всех каких бы то ни было лиц, которые предпримут что-либо сему противное.

IX. И поскольку опытом доказано, что с безопасностью и благосостоянием этого протестантского королевства несовместимо правление папского монарха или какого-либо короля или королевы, состоящих в браке с папистом, указанные лорды духовные и светские и общины просят далее, чтобы было узаконено, что все и каждое лицо и лица, которые примирились или примирятся или будут поддерживать общение с престолом или церковью Рима, или будут исповедовать папскую религию, или вступят в брак с папистом, должны быть исключены и навсегда быть неспособными наследовать, обладать или пользоваться короной и правлением этого королевства и Ирландии и владений, им принадлежащих или какой-либо их части, или иметь, пользоваться или осуществлять какую-либо королевскую власть, полномочие или юрисдикцию в их пределах; и во всех и каждом таком случае или случаях народ этих королевств в силу этого будет являться и является свободным от клятвы на верность; и указанная корона и правление должны время от времени переходить в обладание и

пользование такого лица или лиц, являющихся протестантами, которое должно было бы унаследовать и получить в пользование корону и правление в случае, если бы указанное лицо или лица примирившееся, поддерживающее общение или исповедующее папскую религию или вступившее в брак, как об этом было сказано выше, естественным образом умерло.

X. And that every King and Queen of this realm who at any time hereafter shall come to and succeed in the imperial crown of this kingdom shall on the first day of the meeting of the first Parliament next after his or her coming to the crown, sitting in his or her throne in the House of Peers in the presence of the Lords and Commons therein assembled, or at his or her coronation before such person or persons who shall administer the coronation oath to him or her at the time of his or her taking the said oath (which shall first happen), make, subscribe and audibly repeat the declaration mentioned in the statute made in the thirtieth year of the reign of King Charles the Second entitled, «*An Act for the more effectual preserving the king's person and government by disabling papists from sitting in either House of Parliament*». But if it shall happen that such king or queen upon his or her succession to the crown of this realm shall be under the age of twelve years, then every such king or queen shall make, subscribe and audibly repeat the same declaration at his or her coronation or the first day of the meeting of the first Parliament as aforesaid which shall first happen after

X. И что каждые король и королева этого королевства, которые в какое-либо время после этого, будут вступать на престол и унаследуют имперскую корону этого королевства, должны в первый день заседания первого парламента, следующего после его или ее вступления на престол, восседая на его или ее троне в Палате пэров в присутствии собранных в ней лордов и общин, или при его или ее коронации, перед таким лицом или лицами, которые будут руководить процедурой его или ее коронационной присягой во время принятия указанной присяги им или ею (что будет происходить впервые), составить, подписать и повторить вслух декларацию, упомянутую в статуте, изданном в тридцатый год правления короля Карла Второго, озаглавленном: «Акт для более эффективного предохранения особы и власти короля посредством лишения папистов права заседать в какой-либо палате парламента». Однако если случится, что такой король или королева после его или ее унаследования короны этого королевства будет иметь возраст менее двенадцати

Приложение

such king or queen shall have attained the said age of twelve years.

XI. All which their Majesties are contented and pleased shall be declared, enacted and established by authority of this present Parliament, and shall stand, remain and be the law of this realm for ever; and the same are by their said Majesties, by and with the advice and consent of the Lords Spiritual and Temporal and Commons in Parliament assembled and by the authority of the same, declared, enacted and established accordingly.

XII. And be it further declared and enacted by the authority aforesaid, that from and after this present session of Parliament no dispensation by non obstante of or to any statute or any part thereof shall be allowed, but that the same shall be held void and of no effect, except a dispensation be allowed of in such statute, and except in such cases as shall be specially provided for by one or more bill or bills to be passed during this present session of Parliament.

лет, тогда каждый такой король или королева должны составить, подписать и повторить вслух ту же самую декларацию при его или ее коронации или в первый день заседания первого парламента, как было выше сказано, который случится первым после того, как такой король или королева достигнут указанного возраста в двенадцать лет.

XI. Их величества согласились и пожелали, чтобы все это было объявлено, узаконено и установлено властью настоящего парламента, и всегда стояло, оставалось и было законом этого королевства; и все это упомянутыми величествами, по совету и с согласия лордов духовных и светских и общин, собравшихся в парламенте, и властью последнего было объявлено, узаконено и установлено соответствующим образом.

XII. И далее объявляется и узаконивается вышеуказанной властью, что начиная с этой и после этой сессии парламента никакое освобождение кого-либо от действия закона (диспенсация) посредством non obstante какого-либо из статутів или какой-то части его не будет дозволено; но таковое будет считаться ничтожным и недействительным; за исключением диспенсации, дозволенной в самом статуте, и кроме диспенсации в таких случаях, которые будут специально предусмотрены одним или несколькими биллями, принятыми в течение настоящей сессии парламента.

Приложение

XIII. Provided that no charter or grant or pardon granted before the three and twentieth day of October in the year of our Lord one thousand six hundred eighty-nine shall be any ways impeached or invalidated by this Act, but that the same shall be and remain of the same force and effect in law and no other than as if this Act had never been made.

XIII. Постановляется, что никакая хартия, или пожалование, или помилование, дарованные до двадцать третьего дня октября в год нашего Господа одна тысяча шестьсот семьдесят девять, не будут каким-либо способом оспорены или признаны недействительными этим Актом, но таковые будут иметь и сохранять ту же самую силу и действие в законе и не иначе, как если бы этот Акт никогда не был издан.

Томсинов Владимир Алексеевич

**«Славная революция» 1688—1689 годов в Англии
и Билль о правах**

Учебное пособие

ИКД «Зерцало-М»

Подписано в печать 15.06.2014.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 16,0.

Тираж 200 экз.

Заказ № 1507

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

